АДМИРАЛЪ РУССКАГО ФЛОТА

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ

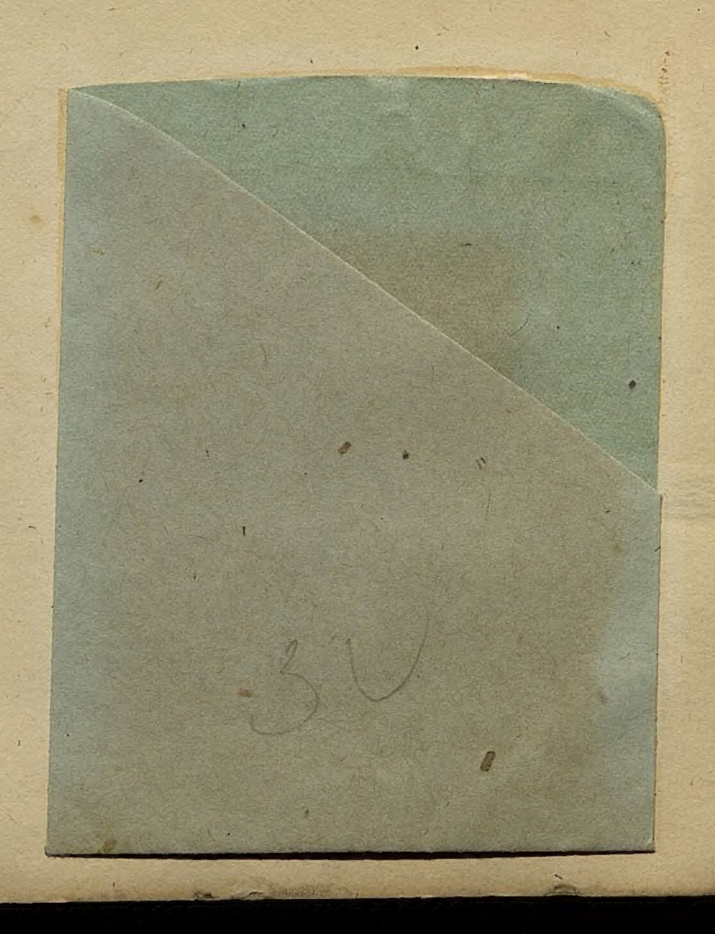
или

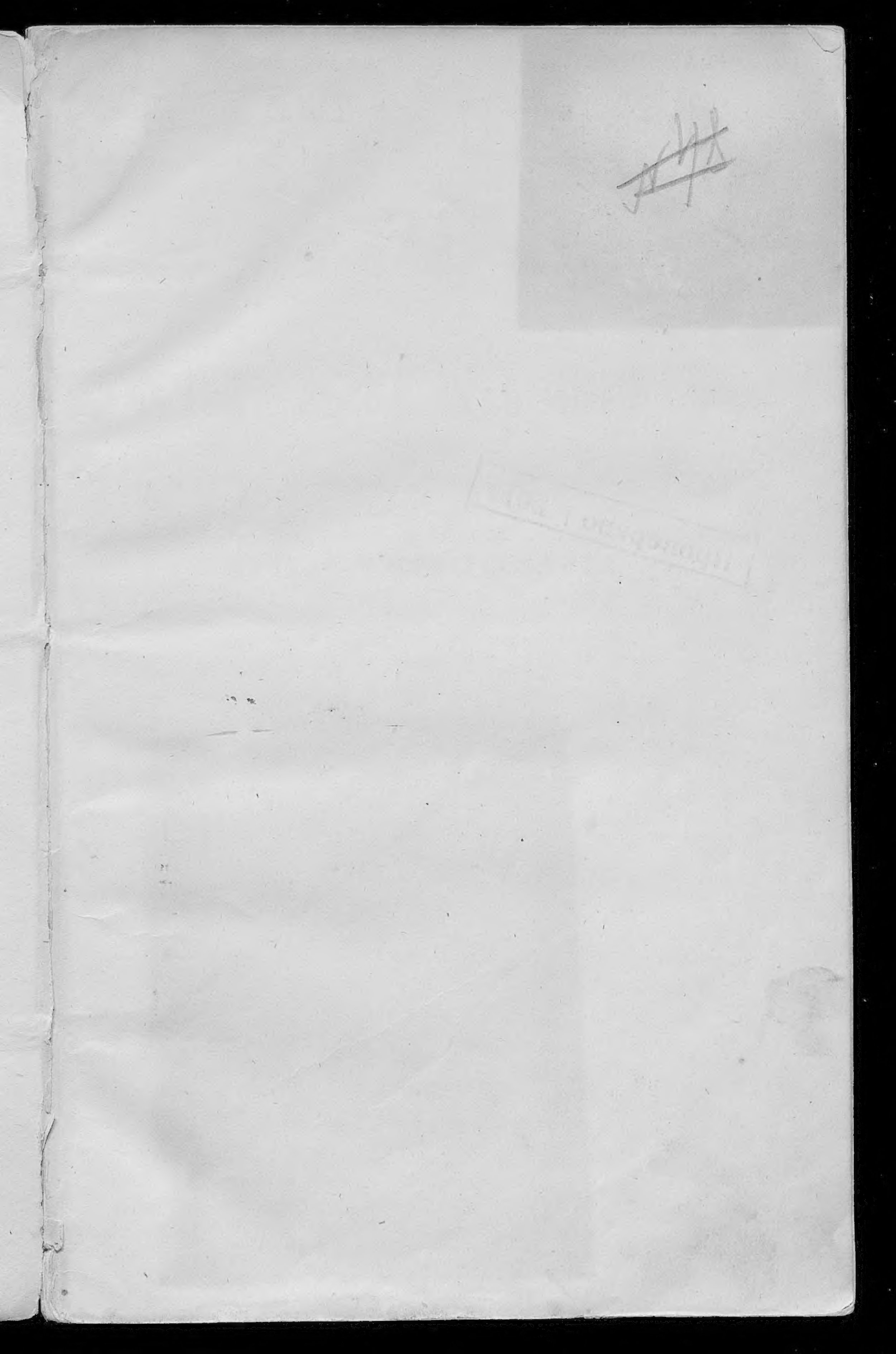
НАЧАЛО РУССКАГО ФЛОТА

(Приложенiе къ № 3 Морскаго Сборника 1863 г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1863

30

АДМИРАЛЪ РУССКАГО ФЛОТА

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ

или

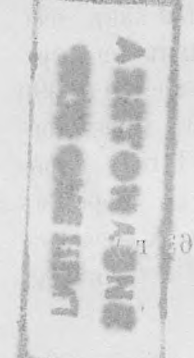
НАЧАЛО РУССКАГО ФЛОТА

(Приложеніе къ № 3 Морскаго Сборника 1863 г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи Морскаго Министерства.
1863

Центральной ВМБ

Авторъ этой статьи, имѣвшій случай пріобрѣсти въ Швейцаріи, изъ фамильнаго архива Лефортовъ, письма Франца Лефорта, предпринялъ разработку на нѣмецкомъ языкѣ его біографіи, на основаніи упомянутыхъ писемъ и другихъ источниковъ.

Придавая особенную важность письмамъ Лефорта какъ очевидца и одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ того времени, и зная, что г. Посcельтъ довелъ свое изложеніе до 1696 года, капитанъ 2 ранга Елагинъ, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, въ маѣ 1861 года, пригласилъ г. Посcельта приготовить для помѣщенія въ Морскомъ Сборникѣ часть своего труда, съ тѣмъ чтобъ воспользоваться имъ какъ добавочнымъ матеріаломъ для работъ по исторіи русскаго флота.

АДМИРАЛЪ РУССКАГО ФЛОТА

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ

ИЛИ НАЧАЛО РУССКАГО ФЛОТА (*).

Въ концѣ 1695 года генералъ Лефортъ былъ назначенъ адмираломъ. Это неожиданное пожалованіе Лефорта въ адмиралы или, какъ неправильно утверждаютъ многіе, въ генералъ-адмиралы, можетъ удивить читателя; но было бы ошибочно приписывать полученіе имъ этого новаго отличія,—сопряженнаго съ новою сферою дѣятельности, столь различной отъ предшествовавшей его службы,—лишь капризу и произволу царя, и полагать, что одна милость послѣдняго замѣняла въ его глазахъ недостатокъ познаній и практики въ его любимцѣ. Ставъ на эту точку зрѣнія, читатель былъ бы не въ состояніи оцѣнить вполнѣ неоспоримыя заслуги достойнаго сотрудника царя и составить себѣ вѣрное понятіе о томъ замѣчательномъ періодѣ внутренняго развитія Петра Великаго, въ продолженіе котораго преобразователь Россіи отъ случайнаго знакомства съ небольшимъ ботомъ, одолѣвая всѣ препятствія, доходитъ наконецъ до созданія обширнаго учрежденія, которое онъ уже могъ назвать флотомъ, и для управленія которымъ долженъ былъ назначить особаго адмирала.

(*) Біографія эта составляетъ часть неизданнаго сочиненія «Генералъ и Адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, или Историческій очеркъ XVII столѣтія, составленный по неизвѣстнымъ до сихъ поръ документамъ и служащій дополненіемъ къ исторіи Петра Великаго», соч. Д. М. Поссельта, старшаго библіотекаря императорской публичной библіотеки.

Мы уже и прежде (*) имѣли случай указывать на скудость назидательной пищи, которою питался въ молодости предпріимчивый и дѣятельный духъ Петра, и это вновь подтверждается тѣмъ, что будущій повелитель Россіи до шестнадцати лѣтъ не имѣлъ ни изъ разсказовъ, ни изъ описаній или рисунковъ ни малѣйшаго понятія объ устройствѣ кораблей, съ которымъ были незнакомы развѣ только немногіе изъ образованныхъ людей тогдашней Европы. Быть можетъ, онъ и имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія (что, впрочемъ, подлежитъ еще сомнѣнію) о дощанникахъ и стругахъ, плававшихъ по рѣкамъ его государства, но во всякомъ случаѣ, судя по его собственнымъ словамъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о парусномъ суднѣ. Хотя подобное незнаніе оправдывается тѣмъ, что молодой царь жилъ въ центрѣ своего государства, вдали отъ морей, на берегахъ небольшой и мелкой рѣки, но при всемъ томъ не можетъ не показаться страннымъ, что отъ любознательнаго, воспріимчиваго юноши до такой степени скрывали исторію его отечества, что ему не были извѣстны даже попытки и предпріятія отца. Неужели никто изъ окружавшихъ его не передалъ ему о томъ, какъ Алексѣй Михайловичъ строилъ, весьма недалеко отъ Москвы, не только большія парусныя суда, но даже и военные корабли? Какъ бы скудны ни были эти свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ онъ не пришелъ бы въ изумленіе—о чемъ онъ самъ упоминаетъ впослѣдствіи,—увидавъ въ первый разъ иностранное парусное судно, употребленіе и движеніе котораго до того времени были для него совершенно неизвѣстны.

Итакъ, на шестнадцатомъ году возраста (1688) Петръ Великій приходилъ еще въ удивленіе при видѣ шлюпки, ходившей по небольшой, узкой и мелкой рѣкѣ, то съ попутнымъ, то съ противнымъ вѣтромъ. Быть можетъ, онъ и узналъ при этомъ о намѣреніи своего отца и первыхъ его попыткахъ, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, строить въ Россіи корабли, но врядъ ли онъ и тогда могъ составить себѣ ясное понятіе о флотѣ, при помощи котораго онъ и желалъ бы и могъ бы увеличить свое государство. Убѣжденіе, которое онъ гораздо позже выразилъ словами: «всякой потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а которой и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ» (*), составилось лишь вслѣдствіе долголѣтней опытности,

(*) Въ полномъ, еще неизданномъ сочиненіи.

(*) Такъ выражается Петръ Великій въ указѣ отъ 19 января 1720, по введеніи составленнаго имъ морскаго регламента. Этотъ обширный трудъ явился тогда же съ голандскимъ переводомъ.

усиленнаго труда и упорной борьбы. Ему необходимы были помощь и содѣйствіе, матеріальныя и нравственныя, для того, чтобы проложить себѣ путь, слѣдуя которому, онъ долженъ былъ прійти къ гигантскимъ результатамъ. Этимъ обусловливается вся исторія его внутренняго развитія, на которую и слѣдуетъ обращать особенное вниманіе при оцѣнкѣ его предпріятій и твореній. Только при изученіи ея можно себѣ объяснить и представить въ надлежащемъ свѣтѣ многія, поражающія насъ съ перваго взгляда, дѣйствія и поступки этого геніальнаго человѣка, къ числу которыхъ принадлежитъ и назначеніе Лефорта адмираломъ едва созданнаго флота, такъ какъ до этого періода времени мы встрѣчаемъ сего иностранца только на сухопутныхъ ученьяхъ, или командиромъ сухопутныхъ войскъ.

Но, приступая къ изслѣдованію постепеннаго развитія стремленій Петра Великаго—создать флотъ и содѣйствія въ этомъ его любимца и друга, мы считаемъ не лишнимъ бросить взглядъ на упомянутое уже выше предпріятіе Алексѣя Михайловича, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ мы можемъ получить понятіе о тогдашнемъ состояніи Россіи, представлявшемъ столь упорное сопротивленіе всякому стремленію къ преобразованію и прогресу, что одна только необыкновенная геніальная сила, въ соединеніи съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ, была въ состояніи найти средства и пути къ выходу изъ подобнаго состоянія и вступить на совершенно новое поприще.

Чѣмъ менѣе русскіе цари XVI и XVII столѣтій помышляли о корабляхъ и кораблестроеніи, какъ средствѣ къ защитѣ и расширенію предѣловъ государства и къ распространенію торговыхъ сношеній, тѣмъ большей признательности заслуживаетъ рѣшимость царя Алексѣя Михайловича привести наконецъ въ исполненіе планъ, неоднократно уже задумываемый иностранцами и служившій къ преуспѣянію Россіи. Когда армянская компанія, состоявшая изъ персіянъ, повторила уже прежде сдѣланное нѣсколько разъ другими предложеніе вести подъ его покровительствомъ торговлю шелкомъ и другими товарами чрезъ Россію, онъ не только далъ требуемое дозволеніе, но изъявилъ даже готовность взять на себя заботы о безопасномъ провозѣ товаровъ изъ Персіи въ Астрахань и отсюда чрезъ все свое государство. Для этого нужно было имѣть не только на низовьяхъ и въ устьѣ Волги, но и на самомъ Каспійскомъ морѣ, вооруженныя суда, которыя предохраняли бы купцовъ отъ нападеній и грабежей постоянно кочевавшихъ здѣсь татарскихъ и казачьихъ разбойничьихъ шаекъ.

Царь обратилъ особенное вниманіе на это обстоятельство и, даровавъ въ 1667 году армянской компаніи требуемыя ею привилегіи, сталъ дѣятельно заботиться о пріобрѣтеніи нѣсколькихъ военныхъ судовъ; онъ желалъ, чтобы они строились въ его государствѣ, вблизи отъ Москвы, въ селѣ Дединовѣ, въ коломенскомъ уѣздѣ московской губерніи. Отъ этого села, лежащаго на Окѣ, недалеко отъ впаденія въ нее Москвы рѣки, въ странѣ, изобильной лѣсомъ, выстроенныя суда могли быть удобно сплавляемы по Окѣ и Волгѣ въ Астрахань. Исполненіе этого, безспорно, весьма труднаго предпріятія Алексѣй Михайловичъ поручилъ своему любимцу, начальнику посольскаго приказа, боярину Афанасію Лаврентіевичу Ордынъ-Нащокину, человѣку честному, заслуженному и наиболѣе способному къ осуществленію задуманнаго плана. Такъ какъ читателямъ Морскаго Сборника вѣроятно извѣстны подробности относительно приведенія въ исполненіе этого, во всякомъ случаѣ, не легкаго предпріятія, и печальный конецъ его, то мы умолчимъ о нихъ, указавъ на подробную и интересную статью покойнаго генералъ-маіора Висковатова, подъ заглавіемъ: «Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ» (см. Морской Сборникъ т. XX 1856 г. № 1). Скажемъ только, что голландецъ Карстенъ Брандтъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи лицомъ историческимъ и названный Петромъ корабельнымъ плотникомъ и констапелемъ, возвратился послѣ сожженія Стенькою Разинымъ судовъ, стоявшихъ въ Астрахани, въ Москву, гдѣ занимался столярнымъ мастерствомъ.

Эта неудача, испытанная царемъ въ столь важномъ стремленіи къ развитію своего народа и проистекавшая скорѣе отъ непониманія дѣла и слѣпаго сопротивленія всякому нововведенію, чѣмъ отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, произошла приблизительно за двадцать лѣтъ до того замѣчательнаго дня, когда юный Петръ случайно увидалъ ботикъ, указавшій ему цѣль, которой онъ такъ быстро достигъ.

Тридцать лѣтъ спустя, будучи уже могущественнымъ государемъ и побѣдителемъ всѣхъ своихъ враговъ на морѣ и на сушѣ и пріобрѣтя «обѣ руки», онъ вспомнилъ этотъ эпизодъ своей жизни. Въ 1719 году, трудясь надъ изданіемъ морскаго устава, онъ составилъ замѣчательное описаніе своего перваго знакомства съ парусным судномъ и послѣдующихъ усилій удовлетворить своей любознательности (*).

(*) Подлинная рукопись находится въ кабинетѣ Его Величества. Отдѣленіе 1, книга 8; текстъ ея былъ уже напечатанъ нѣсколько разъ.

Петръ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ нашелъ съ Францомъ Тиммерманомъ между вещами, принадлежавшими Никитѣ Ивановичу Романову, невиданную имъ до тѣхъ поръ англійскую шлюпку и какъ совершилъ на ней первую свою поѣздку по Яузѣ подъ руководствомъ Карстена Брандта, какъ попалъ потомъ на Переславское озеро и тамъ въ самое короткое время построилъ нѣсколько судовъ. Для насъ достаточно будетъ замѣтить, что Петръ познакомился съ иностраннымъ ботомъ,—названнымъ имъ впослѣдствіи «дѣдушкою русскаго флота» и давшимъ новую пищу для своей любознательности,—въ 1688 году. Въ томъ же году онъ тайно предпринялъ свое первое путешествіе въ Переславль Залѣсскій, чтобы посмотрѣть на тамошнемъ озерѣ эволюціи парусного судна, доставленнаго туда сухимъ путемъ. Зрѣлище это возбудило въ немъ новыя желанія и стремленія.

Переславль Залѣсскій — старинный городъ, достигшій значенія и могущества гораздо ранѣе Москвы, въ правленіе перваго великаго князя всея Руси Даніила Александровича былъ присоединенъ къ княжеству московскому. Послѣ этого присоединенія онъ сталъ постепенно приходить въ упадокъ, такъ что въ царствованіе Петра сдѣлался небольшимъ и во всѣхъ отношеніяхъ незначительнымъ городомъ. Переславль Залѣсскій находится въ ста двадцати пяти верстахъ отъ Москвы; на пути между этими городами лежитъ Троицко-Сергіевская лавра, самый городъ окруженъ двумя озерами и имѣетъ весьма красивое мѣстоположеніе. Озеро, на правой сторонѣ города, называется Переславскимъ, а находящееся на лѣвой—Плещеевскимъ; послѣднее больше перваго и по новѣйшимъ измѣреніямъ имѣетъ въ окружности 30 верстъ, въ длину 10 и въ поперечникѣ 8. Лефортъ, часто бывавшій здѣсь, опредѣляетъ ширину его въ два лье, а длину приблизительно въ четыре лье. На срединѣ озера глубина доходитъ до 6 саженъ. На востокѣ оно принимаетъ въ себя рѣчку Трубежъ, а съ запада изъ него вытекаетъ рѣка Векша, впадающая въ Волгу подъ именемъ Нерли.

Эта мѣстность, показавшаяся Петру Великому очень выгодною и удобною, навела его на мысль, не ограничиваясь однимъ судномъ, приступить къ приведенію въ исполненіе болѣе обширныхъ плановъ. Онъ тотчасъ же рѣшился завести еще нѣсколько другихъ судовъ и начать съ ними совершенно другіе опыты. Весьма вѣроятно, что уже тогда было выбрано на берегу рѣки Трубежа мѣсто для устройства верфи, и престарѣлый Карстенъ Брандтъ приступилъ къ работѣ.

Возвратившись благополучно изъ этой тайной поѣздки, Петръ рѣ-

шился открыто заявить свои желанія и планы. Несмотря на выраженныя царицею-матерью опасенія и боязнь, она не препятствовала открыто намѣреніямъ своего сына. Петръ, раннею весною слѣдующаго года, снова отправился въ Переславль, гдѣ работы на верфи, безъ сомнѣнія, продолжались всю зиму (къ несчастью, мы не имѣемъ объ этомъ точныхъ свѣдѣній). Онъ засталъ два судна почти готовыми, благодаря дѣятельности корабельнаго плотника и констапеля Карстена Брандта и другаго голландца, Корта, который вскорѣ за тѣмъ и умеръ въ Переславлѣ. Но Петръ пріѣхалъ туда не съ единственною цѣлію посмотрѣть на работы и развлечь себя. Съ удивительной въ его возрастѣ любовью къ труду и энергіею онъ взялся за топоръ и принялся за работу, преодолѣвая всѣ затрудненія и не только неотставая отъ прочихъ, но даже служа имъ примѣромъ. О такомъ настроеніи его духа свидѣтельствуетъ драгоцѣнный документъ—письмо его къ матери, посланное изъ Переславля въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; безъ сомнѣнія, это, въ своемъ родѣ, первое собственноручно написанное имъ письмо (*).

«Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ, царицѣ и великой княгинѣ Натальѣ Кириловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ, молитвами твоими, здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ; и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семисотъ сажень, изъ пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу.»

Когда, вслѣдъ за тѣмъ, царица писала ему, чтобъ онъ возвращался скорѣе, потому что вся царская семья собиралась служить 27 апрѣля панихиду въ архангельскомъ соборѣ, по случаю дня кончины царя Ѳеодора Алексѣевича, Петръ отвѣчалъ ей (*): «Вселюбезнѣйшей и дражайшей моей матушкѣ, государынѣ, царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, недостойный сынишко твой, Петрушка, о здравіи твоемъ слышать желаю. А что изволила ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ, и я быть готовъ; только, ей-ей, дѣло есть. Что присланный самъ видѣлъ, извѣститъ яснѣе; а мы, молитвами твоими, во всякой цѣлости

(*) Устряловъ, въ своей Исторіи царствованія Петра Великаго ч. II, стр. 401, сообщаетъ текстъ и факсимиле этого письма.

(*) См. Исторію царствованія Петра Великаго, Устрялова ч. II, стр. 401.

пребываемъ. О бытіи моемъ пространнѣе писалъ я ко Льву Кириловичу, и онъ тебѣ, государынѣ, донесетъ. Посемъ и наипокорственно предаюсь въ волю вашу. Аминь.»

Наталья Кириловна стояла на своемъ: Петръ долженъ былъ возвратиться къ панихидѣ, но оставался въ Москвѣ недолго, и 8 іюня снова писалъ матери, что находится при судахъ, о которыхъ онъ отзывался, «*что удались всѣ зело хорошо*». «По семъ», присовокупляетъ онъ, «дай Господь здравія душѣ и тѣлу, якоже азъ желаю (*).»

Мы не можемъ опредѣлить съ точностью, какъ долго онъ оставался въ Переславлѣ, хотя намъ и извѣстно, что его опять требовали въ Москву къ 8 іюня на вторичную панихиду по царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Во всякомъ случаѣ, въ половинѣ іюля онъ уже находился въ селѣ Преображенскомъ, когда воеводы возвращались въ Москву изъ несчастнаго крымскаго похода.

Вслѣдъ за тѣмъ разразилась роковая катастрофа, бывшая для Петра Великаго началомъ борьбы за новую эру Россіи. Угрожаемый смертью и заключенный въ монастырь, гдѣ онъ искалъ спасенія, юный царь едва ли могъ думать о своихъ судахъ, а еще менѣе о продолженіи работъ на верфи. Въ продолженіе пятинедѣльнаго пребыванія Петра въ Троицко-сергіевомъ монастырѣ, работы эти совершенно изгладились въ его памяти, такъ что, когда предпринятыя имъ вслѣдъ за тѣмъ упражненія и маневры привели его въ сосѣдство Переславля, онъ и не посѣтилъ этого города для того, чтобы посмотрѣть на производившіяся тамъ работы или сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. По возвращеніи его въ Москву онъ и не вспоминалъ о верфи на рѣкѣ Трубежѣ. Препятствовали ли ему покинуть столицу тогдашніе безпорядки, или онъ былъ до того занятъ военными играми и стараніемъ придать имъ организацію, или, наконецъ (что кажется намъ всего вѣроятнѣе), не понималъ еще важности и настоящаго значенія своихъ недавнихъ занятій? Основываясь на собственныхъ разсказахъ Петра о его страсти къ прогулкамъ по водѣ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не понималъ еще тогда коммерческаго, общественнаго и политическаго значенія мореплаванія. Между своими окружающими онъ почти не находилъ людей образованныхъ, которые могли бы дать ему необходимыя объясненія, и потому его легко было отвлечь отъ производившихся вдали отъ него работъ,

(*) См. Исторію царствованія Петра Великаго Устрялова ч. II, стр. 401.

непонятныхъ и непріятныхъ для его матери, жены и прочихъ родственниковъ. Къ тому же, онъ могъ совершать свои любимыя прогулки по водѣ и вблизи столицы, на рѣкѣ Москвѣ. Что это дѣйствительно было такъ, мы можемъ видѣть изъ дневника генерала Гордона, который говоритъ, что «27 апрѣля 1690 года царь Петръ Алексѣевичъ отправился на яхтѣ въ село Коломенское. Генералы (въ томъ числѣ и Гордонъ) и другіе офицеры слѣдовали за нимъ на маленькихъ судахъ. Большія суда, на которыхъ находились стрѣльцы, шли впереди. Выйдя въ полдень, они пришли къ назначенному мѣсту съ закатомъ солнца (пройдя пространство въ 20 верстъ)». Далѣе Гордонъ пишетъ, отъ 28 числа, что «Его Величество (въ этотъ день) отправился далѣе и въ одной деревнѣ обѣдалъ у Алексѣя Петровича Салтыкова». Изъ словъ Гордона, что «*туда* и *обратно* они шли водою», и что (30 апрѣля) «Его Величество съ боярами и знатнѣйшими придворными особами ужиналъ у меня», слѣдуетъ заключить, что Петръ возвратился изъ этой поѣздки въ Москву, а на слѣдующій день, 1 мая, совершилъ вторичную поѣздку, отправясь, по словамъ Гордона, водою въ имѣніе одного камергера и вернулся оттуда на другой день (*).

Эти двѣ увеселительныя поѣздки, совершенныя въ 1690 году, весною, безъ сомнѣнія, во время половодія на Москвѣ рѣкѣ, представляютъ собою единственныя доказательства привязанности Петра Великаго къ морскому дѣлу. Послѣ того прошелъ почти цѣлый годъ, прежде чѣмъ онъ снова принялся за прежнія занятія, приказавъ выстроить въ Москвѣ *новую* яхту, которая и была спущена на воду 14 марта 1691 года.

Сопоставляя это извѣстіе, сообщаемое генераломъ Гордономъ, съ разсказомъ шведскаго посланника въ Москвѣ, фонъ-Кохена, мы можемъ предположить, что самъ царь строилъ это судно. Въ слѣдующія затѣмъ четыре или пять недѣль онъ предпринималъ на немъ различныя поѣздки по окрестностямъ, вѣроятно, на сколько позволяла ему глубина рѣки. Мелководіе рѣки не дало ему возможности возвратиться тѣмъ же путемъ, и потому онъ вернулся въ Москву сухимъ путемъ. Такъ какъ его свита была довольно многочисленна, то для нея были приготовлены, какъ и въ предшествовавшемъ году, обыкновенныя весельныя лодки, слѣдовавшія за яхтою. Дорогою онъ заѣзжалъ въ монасты-

---

(*) См. Дневникъ Гордона ч. II стр. 302.

ри, какъ напр., Св. Николая на Угрѣшахъ, или въ помѣстья дворянъ, гдѣ онъ обѣдалъ и даже ночевалъ (*).

Если съ половины 1689 года, въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, различныя причины и заставляли Петра Великаго забывать о своихъ постройкахъ въ Переславлѣ, какъ это можно предполагать, за неимѣніемъ свѣдѣній о томъ, что Петръ занимался чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, то съ другой стороны, настоящее время было самымъ важнымъ періодомъ его жизни и принесло вскорѣ прекраснѣйшіе плоды. Въ этой то эпохѣ слѣдуетъ подмѣчать всѣ моменты, которые, по свойству своему, должны были имѣть сильное вліяніе на его жизнь и исторію его народа.

Чѣмъ болѣе расширялся кругъ его познаній и развивались его умъ и самостоятельность, чему такъ много способствовали жители нѣмецкой слободы и между ними въ особенности Лефортъ, тѣмъ быстрѣе должна была видоизмѣняться его прежняя страсть къ прогулкамъ по водѣ. Петръ, благодаря сношеніямъ съ иностранцами, принадлежавшими преимущественно къ торговому сословію, ознакомившись короче съ свойствами корабля и его торговымъ, общественнымъ и политическимъ значеніемъ, при помощи своихъ геніальныхъ способностей, тотчасъ же принялся за дѣло. Прежнія увеселительныя поѣздки его по водѣ и работы, имѣвшія цѣлью удовлетвореніе этой забавѣ, должны были получить другое направленіе. Можно сказать положительно, что поѣздка въ Переславль, въ началѣ зимы 1691 года, и осмотръ тамъ судовъ были предприняты чисто вслѣдствіе совершенно новыхъ воззрѣній и намѣреній его относительно этого предмета (*).

По всѣмъ вѣроятіямъ, Петръ, по возвращеніи изъ своей первой поѣздки въ Переславль, куда онъ отправился 16 ноября, снова ѣздилъ

(*) Такъ какъ судно, на которомъ находился Петръ, названо здѣсь *«яхтою»*, то тѣмъ болѣе сомнительнымъ кажется предположеніе, что это была именно англійская шлюпка, такъ какъ она была перевезена въ Переславль и вѣроятно находилась еще тамъ.

Означенныя свѣдѣнія почерпнуты тоже изъ Дневника Гордона ч. II, стр. 336—338, но при этомъ мы должны замѣтить, что Гордонъ пишетъ отъ 27 марта 1691 года: *«большая яхта спущена на рѣку»*. Если подъ этою яхтою разумѣть ту, которая употреблялась въ прошломъ году, то изъ сего слѣдуетъ заключить, что у Петра стояли на рѣкѣ уже двѣ яхты. Извѣстіе, сообщаемое Кохеномъ, находится въ письмѣ его къ рижскому губернатору. Бергманъ, Исторія Петра Великаго и пр., ч. II, стр. 186.

(*) Поѣздку Петра въ Переславль въ такое позднее время, когда озера и рѣки покрылись уже льдомъ, можно объяснить тѣмъ, что большіе маневры сухопутныхъ войскъ окончились только въ половинѣ октября.

туда. Хотя Гордонъ, у котораго мы заимствуемъ единственныя свѣдѣнія объ этомъ времени, и говоритъ относительно второй поѣздки (9 декабря) только то, что *«царь выѣхалъ за два часа до разсвѣта»*, но конечно главною цѣлью этой поѣздки могъ быть только Переславль. Это подтверждается также тѣмъ, что онъ возвратился въ Москву чрезъ Троицкую лавру, куда на встрѣчу къ нему выѣхалъ Гордонъ. До насъ сохранилось письмо датскаго посланника Баутенанта отъ 12 декабря 1691 года, въ которомъ сказано, что «Его Величество отправился за пятьсотъ лье для обозрѣнія (visiter) своего государства». Это указаніе не противорѣчитъ нашему предположенію, а служитъ только доказательствомъ, что, предпринимая эту поѣздку, Петръ имѣлъ въ виду и другія цѣли. Не искалъ ли онъ болѣе обширнаго, удобнаго озера, чѣмъ Переславльское? Не было ли это именно Кубенское озеро, куда онъ, по словамъ предисловія къ морскому уставу (стр. 48), ѣздилъ съ намѣреніемъ отыскать болѣе обширныя воды. Объ этомъ обстоятельствѣ мы нигдѣ не находимъ никакого другаго извѣстія (*).

Изъ приведеннаго выше письма къ А. Лефорту, синдику города Женевы, мы узнаемъ, что въ этомъ путешествіи сопровождалъ царя генералъ Лефортъ. Это составляетъ первое свидѣтельство о томъ, что Петръ заставлялъ своего любимца принимать участіе въ предстоящихъ трудахъ и желалъ имѣть его при себѣ въ качествѣ совѣтника или сотрудника. Это обстоятельство не покажется страннымъ, если мы припомнимъ, что, судя по другимъ извѣстіямъ этого времени, Лефортъ былъ почти неразлученъ съ Петромъ. Находился ли вообще этотъ неразлучный спутникъ Петра Великаго въ Переславлѣ и во время пребыванія царя въ этомъ городѣ зимою и весною слѣдующаго года (съ 8 по 26 февраля, съ 3 по 12 марта и съ 5 апрѣля по 9 мая) и чѣмъ онъ занимался въ то время, трудно опредѣлить въ точности; но эта догадка подтверждается тѣмъ, что царь весною приказалъ отстроить для него домъ вблизи верфи (*).

Что онъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ, видно также изъ того, что когда Петръ, 22 іюля, со всѣмъ своимъ дворомъ отправился въ Переславль, то Лефортъ получилъ приказаніе остаться на время въ

(*) На означенной страницѣ морскаго устава говорится также, что Кубенское озеро, *ради мелкости, неудобное.*

(*) Гордонъ, который, какъ достовѣрно извѣстно, находился въ Переславлѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, купилъ тамъ себѣ домъ за 55 руб. (Дневникъ его Ч. II. стр. 373).

Москвѣ для исполненія нѣкоторыхъ порученій и необходимыхъ распоряженій.

Въ продолженіе всего этого времени на берегу Плещеевскаго озера кипѣла работа. Въ южной части его, въ двухъ верстахъ отъ города, за селомъ Веськовымъ, былъ выстроенъ для него деревянный одноэтажный домъ; налѣво отъ дома находилась деревянная церковь, направо батарея; передъ окнами была устроена пристань (выдававшаяся въ озеро на сто сажень); здѣсь стояли лѣтомъ его суда (*). Кромѣ своего стараго корабельнаго мастера, царь взялъ съ собою въ Переславль 16 самыхъ сильныхъ и ловкихъ товарищей его изъ бомбардирской роты. Эти ученики или корабельнаго дѣла мостильщики, какъ они себя называли (по словамъ письма Іоакима Воронина, самаго лучшаго и дѣльнаго между ними), должны были работать топорами такъ же дѣятельно и съ такою же энергіею, какъ ихъ мастеръ, который до того углубился въ работу на своей верфи, что не хотѣлъ вернуться въ Москву къ зрѣлищу, которое для него должно было быть весьма интереснымъ. Въ столицѣ готовились тогда къ встрѣчѣ и пріему многочисленнаго персидскаго посольства, привезшаго ему между прочимъ въ подарокъ пару львовъ. Его могли уговорить вернуться въ Москву только два боярина, нарочно для того пріѣхавшіе изъ столицы (*).

Хотя, основываясь на запискахъ одного изъ голландцевъ, жившихъ въ Москвѣ, по имени Номена (Noomen), Шсельтема *) и утверждаетъ, что въ это время Петръ Великій уже принялъ въ свою службу нѣсколькихъ голландскихъ корабельныхъ мастеровъ, — между которыми самымъ свѣдущимъ былъ Arrien Barendsoon Meelze—и вмѣстѣ съ ними работалъ на верфи; но это указаніе, не подкрѣпляемое никакими доказательствами, можетъ быть принято только съ большою осмотрительностію, и скорѣе представляется намъ весьма сомнительнымъ. Различныя обстоятельства скорѣе говорятъ въ пользу того, что коронованный плотникъ имѣлъ при себѣ только одного Карстена Брандта. Точно также остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, когда былъ взятъ въ помощники мастеръ Класъ или Никласовъ (Klas oder Niclason), по смерти ли Брандта, послѣдовавшей въ іюнѣ мѣсяцѣ (Гордонъ упоминаетъ о его похоронахъ, бывшихъ въ Москвѣ 8 іюня), или до нея?

(*) См. Исторію царствованія Петра Великаго, Устрялова. Ч. II, стр. 141.

(*) См. Дневникъ Гордона. Ч. II, стр. 367 и 368.

*) Schellema, Jacobus, Rusland en de Nederlanden. Te Amsterdam 1817. 4 vol. см. ч. II, стр. 53 — 61.

Два небольшие фрегата и три яхты, отстроенныя въ 1689 году Петромъ на трубежской верфи, были еще цѣлы, но въ какомъ жалкомъ положенiи они находились, можно видѣть изъ письма Iоакима Воронина къ Петру, отъ 9 мая 1692 года изъ Переславля (*):

«Пишутъ ученики твои изъ Переславля Залѣсскаго, корабельнаго дѣла мостильщики, щегольнаго дѣла мастерства Якимко Воронинъ съ товарищи 16 ч. челомъ бьютъ за твое мастерское ученiе. По твоему учительскому приказу намъ, ученикамъ, что которую яхту опрокинули въ водѣ, и тое яхту мая въ 9 день взняли и воду изъ нея вылили; а чердакъ у нее сломало, у юнферовъ желѣзо переломало и ее взвели къ мосту, и она зѣло качка, на одну сторону клонится. А другую яхту взвели тутъ же къ мосту небольшими людьми и парусомъ и взводами поставили на якорь. И по сie число была она хорошо».

Основываясь на этомъ письмѣ, мы должны предположить, что юный царь не плавалъ по озеру на своихъ прежнихъ судахъ, а былъ постоянно занятъ плотничною работою и непостижимо быстрою постройкою новыхъ судовъ. Это предположенiе въ сущности совершенно справедливо, если принять въ соображенiе, что «флотъ», какъ выражается Лефортъ, былъ окончательно сооруженъ уже въ iюлѣ мѣсяцѣ. Если ему помогала и въ этомъ особенная ловкость и умѣнье русскаго народа обращаться съ топоромъ, то съ другой стороны, не должно упускать изъ виду, что въ Переславлѣ Залѣсскомъ онъ не имѣлъ подъ руками никакихъ матерiаловъ, необходимыхъ для постройки и оснастки военнаго судна, какъ бы мало оно ни было, и всѣ самыя ничтожныя вещи должны были быть доставляемы покрайней мѣрѣ изъ Москвы. Намъ нѣтъ нужды упоминать, что при этомъ главнымъ условiемъ успѣха должно было быть точное, энергическое и добросовѣстное выполненiе желанiй, порученiй и приказанiй царя. Надо также принять въ соображенiе, что юный царь, въ противоположность еще столь недавнему времени, имѣлъ уже тогда въ своемъ распоряженiи людей, настолько дѣятельныхъ и преданныхъ ему, что при помощи ихъ, онъ могъ преодолѣвать большiя затрудненiя и приводить въ исполненiе дѣла, выходившiя изъ ряда обыкновенныхъ. Что Лефортъ принадлежалъ къ числу этихъ сподвижниковъ Петра, можно заключить изъ слѣдующаго.

(*) Въ тотъ самый день, когда Петръ отправился изъ Переславля обратно въ Москву.

Когда работы на Плещеевскомъ озерѣ приходили уже къ окончанію, такъ что можно было показать ихъ своему народу, Петръ убѣдилъ свою мать и дворъ, отправиться съ нимъ въ Переславль, чтобъ посмотрѣть на его суда. Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ служитъ важнымъ доказательствомъ перемѣны въ его положеніи и отношеніяхъ къ окружающимъ. 22 іюля, по словамъ Гордона, отправился туда изъ Москвы *«весь дворъ»*, подъ которымъ, конечно, должно подразумѣвать только дворъ Петра и царицы матери. До сихъ поръ, мы не имѣли объ этомъ предпріятіи и о пребываніи высокихъ особъ въ Переславлѣ никакихъ свѣдѣній, кромѣ нѣсколькихъ краткихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ Дневникѣ генерала Гордона, которому только 11 августа было приказано слѣдовать въ Переславль, куда онъ и прибылъ 13 числа (*). Гораздо важнѣе и опредѣлительнѣе извѣстія, сообщаемыя Лефортомъ и находящіяся въ одномъ изъ писемъ его къ брату, Ами (*). Несмотря на то что Лефортъ прибылъ въ Переславль гораздо позже, его описаніе всего происходившаго на Плещеевскомъ озерѣ составляетъ важное пріобрѣтеніе для исторіи Петра.

Онъ начинаетъ свой разсказъ съ того, что при отправленіи Ихъ Величествъ въ путь онъ, какъ мы уже сказали выше, былъ оставленъ въ Москвѣ для приведенія въ исполненіе «его» (Петра) приказаній, пока ему не напишутъ, чтобъ онъ слѣдовалъ туда же. Между тѣмъ, онъ опасно захворалъ горячкою, заставившею его пролежать въ постели двадцать дней: здоровье его находилось въ такомъ опасномъ положеніи, что доктора уже теряли надежду на его выздоровленіе. Въ Переславлѣ всѣ были очень встревожены этимъ извѣстіемъ; и Ихъ Царскія Величества были къ нему такъ внимательны, что часто посылали къ нему гонцовъ и даже людей знатныхъ справляться о его здоровьѣ. Едва оправившись отъ болѣзни и не будучи въ состояніи противиться долѣе желанію Петра видѣть его, Лефортъ рѣшился отправиться въ Переславль, куда и прибылъ 25 августа. «Я не въ состояніи», про-

(*) По нашему мнѣнію, нѣтъ никакого повода полагать, что полкъ Гордона получилъ приказаніе слѣдовать въ Переславль. Еще труднѣе доказать, что тамъ производились маневры сухопутныхъ войскъ. Напротивъ того, мы видимъ, что въ Переславлѣ Гордонъ провелъ большую часть времени на водѣ. (См. Дневникъ Гордона ч. II стр. 380—382). Для насъ гораздо важнѣе знать, взялъ ли Петръ съ собою, сверхъ поименованныхъ шестнадцати потѣшныхъ или бомбардировъ, еще другихъ, но этого нельзя опредѣлить съ точностью.

(*) Письмо помѣчено 26 сентября. Относящіяся сюда мѣста изъ письма помѣщены въ приложеніи А. (въ особ. изданіи).

должаетъ онъ, «передать радость Ихъ Величествъ и всѣхъ придворныхъ при встрѣчѣ со мною.» Далѣе онъ говоритъ объ окончаніи сооруженія въ Переславлѣ на озерѣ, имѣвшемъ 2 лье въ ширину и 4 въ длину, флота, состоявшаго изъ пяти военныхъ кораблей (vaisseaux), отдѣланныхъ по приказанію Его Царскаго Величества съ особенною роскошью, изъ одной галеры и нѣсколькихъ лодокъ (bateaux). За тѣмъ онъ разсказываетъ о томъ, что ему было ввѣрено начальство надъ кораблемъ, названнымъ Марсомъ и на которомъ желалъ быть вмѣстѣ съ нимъ самъ Петръ. Тотчасъ по его прибытіи, царь отправился на означенный корабль и выслалъ за Лефортомъ бригантину. «Лишь только я успѣлъ», продолжаетъ онъ, «взойти на корабль, какъ онъ осыпалъ меня такими милостями, что я не въ состояніи описать ихъ. Встрѣтивъ меня залпомъ изъ всѣхъ пушекъ, находящихся на кораблѣ, и показавъ мнѣ отдѣлку и все устройство моего корабля, онъ вмѣстѣ со мною возвратился на берегъ. Въ честь моего пріѣзда, по приказанію царя, стрѣляли со всѣхъ судовъ, а потомъ повели въ домъ, который Ихъ Царскимъ Величествамъ было угодно выстроить для меня; домъ этотъ очень красивъ (*)». Такъ кончился первый день.

На слѣдующій день, 26 августа, въ именины царицы матери, принимавшей поздравленіе, Лефортъ угощалъ у себя за обѣдомъ молодаго царя. «На третій день, такъ оканчивается разсказъ Лефорта, «онъ пригласилъ меня обѣдать на *нашъ* корабль, причемъ въ продолженіи всего дня не умолкали выстрѣлы со всѣхъ судовъ». Въ этотъ же самый день дворъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Москву, куда и отправился на слѣдующій день. 31 числа дворъ прибылъ въ село Алексѣевское, а оттуда съ большимъ торжествомъ въѣхалъ въ село Преображенское (₊). Слѣдовательно, пребываніе Лефорта въ Переславлѣ продолжалось лишь три дня. Онъ описываетъ видѣнное имъ въ этотъ короткій промежутокъ времени, умалчивая о томъ, что дѣлалось въ Переславлѣ въ предшествовавшіе дни. Какъ бы скудны и поверхностны

(*) Изъ постоянно употребляемаго Лефортомъ выраженія «Ихъ Царскія Величества» не слѣдуетъ заключать, что въ Переславлѣ находился и Іоаннъ Алексѣевичъ, хотя съ другой стороны этого также нельзя положительно отрицать; такъ какъ рѣчь идетъ о «всемъ дворѣ», то можетъ быть, что и Іоаннъ Алексѣевичъ принималъ участіе въ этой поѣздкѣ. Но можно также предположить, что Гордонъ говоритъ только о преображенскомъ дворѣ молодаго царя, и эта догадка кажется намъ болѣе вѣроятною.

(₊) См. дневникъ Гордона, ч. II стр. 382.

ни были свѣдѣнія, сохраненныя Гордономъ, но ихъ нельзя пройти молчаніемъ. Отъ него мы узнаемъ, что 18 августа, въ часъ по полуночи, суда поставили паруса и отправились къ противоположному берегу озера, куда успѣли придти еще къ разсвѣту. Здѣсь флотилія оставалась въ совершенномъ бездѣйствіи, не имѣя возможности, по причинѣ противнаго вѣтра, пуститься въ обратный путь. Только на четвертые сутки въ полдень можно было снова сняться съ якоря, и суда, при попутномъ вѣтрѣ, достигли другаго берега озера, уже къ вечеру. Хотя Гордонъ и не упоминаетъ ни о какихъ другихъ эволюціяхъ и маневрахъ флота на озерѣ, но одно, сообщаемое имъ, свѣдѣніе, подало поводъ къ странной догадкѣ. На другой день своего пріѣзда въ Переславль онъ пишетъ: «мы обѣдали на адмиральскомъ кораблѣ съ большими церемоніями» (*). Изъ этихъ словъ выводятъ заключеніе, что Петръ Великій не только назвалъ одинъ изъ своихъ военныхъ кораблей адмиральскимъ, но учредилъ также званіе адмирала.

Предположивъ даже, что судно, на которомъ находился Петръ и которое онъ назначилъ собственно для себя, какъ самое большое, лучше и богаче всѣхъ отдѣланное, было то самое, на которомъ происходилъ упоминаемый пиръ, то оно не могло быть никакимъ другимъ кораблемъ, какъ уже извѣстнымъ намъ Марсомъ, на которомъ онъ дѣйствительно далъ обѣдъ въ послѣдній день своего пребыванія въ Переславлѣ. Это судно, какъ мы уже сказали, было ввѣрено начальству Лефорта и было его флагманскимъ кораблемъ; но если бы это судно было названо *адмиральскимъ* кораблемъ, то конечно слѣдовало бы ожидать, что Лефортъ непремѣнно бы упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, какъ еще большемъ своемъ отличіи. Не доискиваясь причинъ, почему Гордонъ употребилъ это выраженіе, мы все таки должны сказать, что не видимъ никакого основанія называть какое нибудь изъ этихъ судовъ адмиральскимъ, а тѣмъ болѣе говорить о назначеніи адмирала. Допустивъ даже возможность существованія въ то время адмиральскаго корабля, а слѣдовательно и адмирала, мы не можемъ понять, какимъ образомъ можно было предположить, что адмираломъ

(*) Мы не можемъ понять, какимъ образомъ подлинныя слова Гордона: «we dined aboard the Admiral», могутъ значить «*мы обѣдали у адмирала*». Поэтому всякій можетъ обсудить, имѣлъ ли г. Устряловъ (см. Исторія Петра Великаго ч. II стр. 143 и 361) право, выводя такое заключеніе, опровергать нашъ переводъ, безъ всякаго указанія основаній, которыми онъ при этомъ руководился (см. Дневникъ Гордона ч. II стр. 381).

былъ назначенъ князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, основываясь только на томъ, что два года спустя, во время втораго путешествія Петра Великаго въ Архангельскъ, Ромодановскій носилъ званіе адмирала. И потому мы не можемъ не остановиться при восклицаніи г. Устрялова: «вотъ (князь Ромодановскій) нашъ первый адмиралъ, а не Лефортъ, вопреки позднѣйшимъ историкамъ (*)».

Не смотря на скудость имѣющихся свѣдѣній о постепенномъ развитіи въ Петрѣ Великомъ страсти къ морскому дѣлу и на молчаніе объ этомъ его самого (**), почти нѣтъ никакого сомнѣнія, что Плещеевское озеро уже казалось ему слишкомъ незначительнымъ поприщемъ для его дѣятельности, и потому понятно, что у него родилось желаніе посмотрѣть на открытое море и потѣшиться на его волнахъ. Но безъ сомнѣнія, препятствія къ исполненію этого желанія были еще значительнѣе, чѣмъ его стремленія. Только въ одномъ Архангельскѣ, съ которымъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ достаточно знакомъ, вслѣдствіе сношеній съ чужеземными жителями нѣмецкой слободы, могъ онъ, не покидая границъ государства, удовлетворить своему желанію видѣть иностранныя суда; поэтому онъ долженъ былъ отправиться туда. Но какія трудности представляло такое путешествіе для царя, а въ особенности для него, желавшаго предпринять поѣздку только съ цѣлью посмотрѣть на море? Его мать, мнѣніе которой о работахъ и маневрахъ въ Переславлѣ, къ сожалѣнію, осталось для насъ неизвѣстнымъ, сильно противилась этой поѣздкѣ, которая, конечно, не нравилась и брату царя. Со стороны бояръ, за весьма малыми исключеніями, слѣдовало ожидать еще меньшаго сочувствія и содѣйствія. Но Петръ непреклонно шелъ къ своей цѣли и былъ крайне обрадованъ, получивъ отъ Натальи Кириловны, хотя и не безъ нѣкотораго сопротивленія съ ея стороны, позволеніе на поѣздку въ Архангельскъ.

Когда дано было на это разрѣшеніе, съ точностію опредѣлить невозможно; но, судя по даннымъ, заключающимся въ одномъ изъ писемъ

(*) См. Исторію царствованія Петра Великаго, Устрялова, ч. II стр. 361. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нельзя утверждать положительно, что Ромодановскій дѣйствительно былъ въ Переславлѣ; нѣтъ также основанія и сомнѣваться въ этомъ, хотя чрезъ Гордона мы знаемъ, что онъ не отправился туда вмѣстѣ съ Петромъ и его дворомъ, потому что 4 августа находился еще въ своемъ имѣніи, гдѣ занимался соколиною охотою; впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи встрѣтится еще многое, что можетъ послужить къ разъясненію этого обстоятельства.

(**) Въ предисловіи къ морскому регламенту стр. 48.

Лефорта, весною слѣдующаго года (1693) уже дѣлались большія приготовленія къ путешествію. «Его Царское Величество», пишетъ онъ между прочимъ, «отправляется туда (въ Архангельскъ) для того, чтобъ посмотрѣть на суда и повеселиться; для этой цѣли строютъ даже нѣсколько барокъ и одно большое судно» (*).

О бывшихъ по этому случаю приготовленіяхъ можно судить по тому, кто сопровождалъ Петра и по какому пути ѣхалъ онъ въ Архангельскъ. До тѣхъ поръ ни одинъ изъ царей не предпринималъ подобнаго путешествія. По словамъ Лефорта, въ немъ участвовало большинство знатнѣйшихъ князей и бояръ; всѣ они были лица, вполнѣ преданныя Петру. Между ними мы въ особенности должны указать на князей: Бориса Алексѣевича Голицына, обоихъ генералиссимусовъ—Федора Юрьевича Ромодановскаго и Ивана Ивановича Бутурлина и боярина Алексѣя Семеновича Шеина. Изъ иностранцевъ, кромѣ доктора царя, Захарія фанъ деръ Гульста (Sacharias van der Hulst), одинъ Лефортъ, въ сопровожденіи трехъ иностранныхъ офицеровъ, одного маіора и двухъ капитановъ (по всѣмъ вѣроятіямъ это были его адъютанты), удостоился чести сопутствовать Петру (₊). Сверхъ того, при царѣ находилось сорокъ стрѣльцовъ, десять потѣшныхъ, священникъ, пѣвчіе и т. д. Вся свита царя состояла изъ ста человѣкъ.

Путешествіе въ Архангельскъ отъ Москвы до Вологды было совершено сухимъ путемъ. Вологда въ это время была, по словамъ Гордона, большимъ мѣстечкомъ, на берегу рѣки Сухоны, и имѣла важное значеніе, какъ промежуточная торговая станція между Москвою и Архангельскомъ. Она служила складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ сюда изъ обоихъ означенныхъ городовъ; поэтому иностранные купцы имѣли здѣсь просторные и удобные дома. Изъ Вологды же было рѣшено отправиться рѣкою Сухоною до Устюга Великаго, а оттуда до моря Сѣверною Двиною. Съ этою цѣлью въ Устюгѣ Великомъ былъ устроенъ

(*) Письмо писано отъ 12 мая 1693 года. Вотъ подлинныя слова Лефорта: «et même l'on fait bâtir quelques barques et un grand bâtiment». Надо замѣтить, что въ концѣ ноября 1692 года Петра Великаго постигла довольно тяжкая и опасная болѣзнь, заставившая его слечь въ постель и въ продолженіе нѣкотораго времени не выходить изъ комнаты (см. Дневникъ Гордона ч. II. стр. 388—390). Передъ поѣздкою въ Архангельскъ Петръ посѣтилъ дважды свои суда въ Переславлѣ и пробылъ тамъ съ 27 февраля по 16 марта и съ 4 по 22 мая. Въ первой поѣздкѣ его сопровождалъ Лефортъ.

(₊) Гордонъ не участвовалъ въ этомъ путешествія, поэтому мы не касаемся свѣдѣній о немъ, находящихся въ его Дневникѣ.

караванъ струговъ или досчанииковъ. Это былъ самый кратчайшій торговый путь изъ Архангельска и обратно, по которому слѣдовало между прочимъ и посольство англичанина Карлейля.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 4 іюля и путешественники пустились въ дорогу съ разсвѣтомъ, послѣ прощальнаго пира у Лефорта. Къ сожалѣнію, объ этомъ путешествіи и о пребываніи Петра Великаго въ Архангельскѣ сохранились лишь самыя скудныя извѣстія. Въ прошломъ столѣтіи извѣстный всей Россіи Н. Новиковъ издалъ краткое описаніе этого путешествія, составленное по запискамъ, веденнымъ тамошними духовными лицами и сохранившимся въ церквяхъ. Но это единственное на русскомъ языкѣ описаніе путешествія содержитъ въ себѣ только то, что могло интересовать тогдашнее духовенство; напр. въ запискахъ говорится о томъ, какъ, гдѣ и сколько разъ царь посѣщалъ церкви и молился въ нихъ (*).

Если бы сохранились письма, которыя писалъ Лефортъ, во время этого путешествія, своему семейству по два и по три раза каждую недѣлю, то конечно мы имѣли бы самыя полныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ. Но до насъ дошло только нѣсколько писемъ въ Женеву капитана Сенебьэ (Senebier). Въ нихъ говорится, что Лефортъ составилъ прекрасное описаніе путешествія въ Архангельскъ и сообщилъ объ отличномъ пріемѣ, который встрѣтилъ повсюду Его Царское Величество. Послѣ торжественнаго привѣтствія со стороны духовенства и архіепископа архангельскаго Афанасія, царь провелъ нѣсколько дней въ Холмогорахъ и 30 числа того же мѣсяца прибылъ въ Архангельскъ. Онъ отправился съ своими стругами прямо къ лежащему ниже города Мосееву острову, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе (*).

Достигнувъ цѣли путешествія, онъ не могъ не заинтересоваться стоявшими въ Архангельскѣ иностраннымъ военнымъ кораблемъ и купеческимъ флотомъ. Продолжавшаяся съ 1689 года война между Франціею и Аугсбургскимъ союзомъ, состоявшимъ изъ германскаго императора, Голландіи, Бранденбурга, нѣкоторыхъ германскихъ государствъ

(*) Это сочиненіе, подъ заглавіемъ: о высочайшихъ пришествіяхъ великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича изъ царствующаго града Москвы на Двину къ Архангельскому городу и проч.—издано иждивеніемъ Н. И. Новикова и комп. въ Москвѣ 1783 г. in. 8°. Описаніе перваго путешествія заключаетъ въ себѣ 38 стр., второе же путешествіе занимаетъ слѣдующія за тѣмъ страницы до 54.

(*) См. въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ Н. Новикова стр. 18, тамъ сказано; что царь отдыхалъ въ нарочно для него выстроенныхъ государскихъ свѣтлицахъ.

и наконецъ Испаніи и Швеціи, вооружившихся противъ преобладанія Франціи, опустошала берега западной Европы. Людовикъ XIV противопоставилъ соединеннымъ морскимъ силамъ Англіи и Голландіи превосходно вооруженный флотъ. Плаваніе по всѣмъ морямъ Европы до самаго дальняго сѣвера сдѣлалось не безопаснымъ, и для торговыхъ судовъ, вслѣдствіе развитія каперства, рѣшительно невозможнымъ безъ конвоированія. Поэтому каждая держава назначала военныя суда для сопровожденія купеческихъ кораблей, отправлявшихся въ большомъ числѣ въ Архангельскъ. Одно изъ такихъ то судовъ и увидалъ здѣсь впервые Петръ Великій. Безъ сомнѣнія, оно пришло въ Архангельскъ съ такъ называемымъ весеннимъ карованомъ и не успѣло еще возвратиться съ нимъ. Впрочемъ, вскорѣ по пріѣздѣ царя, караванъ приготовился къ отплытію. Вотъ что пишетъ объ этомъ самъ Петръ (*): «И тако, въ.... году былъ у города (Архангельска) и отъ города ходили на море до Поноя съ англійскими и голландскими купеческими кораблями и однимъ голландскимъ конвоемъ, которымъ командовалъ капитанъ Iol Iolsen». (Шсельтема называетъ его Iolle Iolles; въ печатномъ предисловіи къ морскому регламенту онъ названъ Іолъ Іолсенъ, а въ рукописи Голгольсенъ), «а мы были на своей яхтѣ, именуемой: *Св. Петръ*». Изъ того, что это путешествіе, по словамъ другихъ источниковъ (*), было не только предположено, но и предпринято 5 августа, можно заключить, какъ велико было нетерпѣніе Петра и сильно желаніе его познакомиться съ капитанами иностранныхъ судовъ. Какимъ образомъ произошло это знакомство, мы узнаемъ изъ письма Сенебьэ. «Сначала старшій капитанъ конвойнаго корабля и купеческихъ судовъ (des vaisseaux de guerre et de convoi) устроилъ на своемъ кораблѣ великолѣпное угощеніе для царя и всѣхъ сопровождавшихъ его вельможъ; при чемъ гости были встрѣчены пушечною пальбою со всѣхъ судовъ эскадры, а Его Величество роздалъ много богатыхъ подарковъ капитанамъ, матросамъ и солдатамъ всѣхъ кораблей. Спустя нѣсколько дней, генералъ Лефортъ принималъ у себя капи-

(*) См. рукописное предисловіе къ морскому регламенту стр. 48 и 49. О необходимости подобныхъ конвоевъ мы скажемъ подробнѣе, когда коснемся событій слѣдующаго года.

(*) См. Новиковъ стр. 23. Сенебьэ упоминаетъ о путешествіи на Бѣлое море и пишетъ, что оно продолжалось восемь дней. Гордонъ въ своемъ Дневникѣ (17 августа) пишетъ, что «пришла почта и привезла намъ извѣстіе, что Его Величество, послѣ шестидневнаго плаванія по морю, благополучно возвратился назадъ».

тановъ и офицеровъ флота и задалъ имъ великолѣпное угощеніе, сопровождавшееся выстрѣлами изъ всѣхъ орудій. Нашъ монархъ присутствовалъ при этомъ торжествѣ и предложилъ тостъ за здоровье женевцевъ».

5-го августа, Петръ предпринялъ поѣздку по Бѣлому морю въ сопровожденіи кораблей, отправлявшихся обратно въ свое отечество, и дойдя съ ними до рѣки Поноя на терской сторонѣ, у трехъ острововъ, повернулъ назадъ, а 10 числа прибылъ въ Архангельскъ и сошелъ на берегъ у англійскаго моста. По собственнымъ его словамъ, онъ совершилъ эту поѣзду на «своей яхтѣ Св. Петръ»; но гдѣ онъ ее пріобрѣлъ и какъ велика была она, намъ неизвѣстно. Было ли это то же самое 12-ти пушечное судно, которое дѣйствительно въ слѣдующемъ году было названо *Св. Петромъ* и отдано подъ начальство генерала Гордона, мы, не смотря на сходство именъ, не можемъ сказать положительно (*).

Петръ, обѣщавшій своей матери, какъ это видно изъ одного письма его къ ней, не пускаться въ море во время своего пребыванія въ Архангельскѣ, счелъ за нужное тотчасъ же написать въ Москву о счастливомъ возвращеніи съ поѣздки; но это нисколько не успокоило царицу-мать. Напротивъ, въ своемъ отвѣтѣ она не въ состояніи выразить достаточно сильно своего горя и печали о его поступкѣ и опасенія за его жизнь. Она проситъ и заклинаетъ сына возвратиться къ ней, какъ можно скорѣе, и пишетъ даже отъ имени трехлѣтняго сына Петра, Алексѣя, чтобы этою просьбою разнѣжить отца и побудить его къ скорѣйшему возвращенію въ Москву. Но Петръ не соглашался на это и отвѣчалъ, что онъ не можетъ оставить Архангельска, недождавшись прибытія иностранныхъ, какъ онъ самъ выражается, «гамбургскихъ и голландскихъ» судовъ и что по прибытіи ихъ тотчасъ же отправится въ путь. Онъ писалъ это въ половинѣ августа, присовокупивъ, что корабли скоро придутъ, хотя ему было извѣстно, что ожидаемые суда не могутъ прибыть такъ скоро, потому что они составляли осенній караванъ со всевозможными товарами изъ странъ и городовъ западной Европы: Голландіи, Англіи, Гамбурга и Бремена,

(*) Хотя Новиковъ въ своей книгѣ и говоритъ о яхтѣ, на которой Петръ совершилъ это путешествіе, но ни разу не называетъ ее Св. Петръ. Г. же Устряловъ положительно утверждаетъ, что эта яхта была именно та самая, о которой въ слѣдующемъ году такъ ясно и опредѣлительно говоритъ Гордонъ.

постоянно приходившій въ Архангельскъ ко времени большой успенской ярмарки. Такое зрѣлище безспорно должно было имѣть для юнаго царя двойной интересъ (*).

Несмотря на неоднократныя требованія возвратиться въ Москву, Петръ оставался въ Архангельскѣ до тѣхъ поръ, пока не осуществилось его пламенное желаніе. Наконецъ суда пришли около половины сентября, и за тѣмъ 19 числа того же мѣсяца царь отправился въ обратный путь. Сѣвъ вмѣстѣ съ боярами на небольшой досчаникъ, стоявшій у англійскаго моста (стругъ, на которомъ онъ прибылъ сюда, былъ подаренъ имъ архангельскому архіепископу), онъ отплылъ вверхъ по Двинѣ при громѣ орудій; за нимъ слѣдовала свита на трехъ вологодскихъ карбасахъ. Остановившись на нѣкоторое время въ Холмогорахъ съ немногими изъ своей свиты, для осмотра лѣсопильнаго завода на берегу рѣки Вавчуги, впадающей въ Двину выше города, онъ отправился далѣе уже сухимъ путемъ и прибылъ въ село Преображенское 1-го октября.

Вотъ единственныя подробности, которыя мы имѣемъ о семинедѣльномъ пребываніи молодаго царя въ Архангельскѣ, за исключеніемъ поѣздки его по Бѣлому морю. Несмотря на все наше желаніе знать, гдѣ и какимъ образомъ проводилъ онъ свое время, увлекаемый новизною, любознательностью и жаждою дѣятельности, мы не считаемъ себя вправѣ дѣлать объ этомъ какія бы то ни было произвольныя заключенія. Даже самъ Лефортъ, какъ во время пребыванія на морскомъ берегу, такъ и по возвращеніи въ Москву, не посылалъ въ Женеву ни одного письма, изъ котораго можно было бы почерпнуть свѣдѣнія о житьѣ Петра въ Архангельскѣ или о его собственномъ пребываніи тамъ. О предположенномъ или уже рѣшенномъ тогда вторичномъ путешествіи въ Архангельскъ въ слѣдующемъ году мы имѣемъ гораздо болѣе подробныя извѣстія.

Во время нахожденія своего на берегахъ Двины, Петръ сдѣлалъ распоряженіе о замѣщеніи двинскаго воеводы, ближняго окольничьяго Андрея Артамоновича Матвѣева, ближнимъ стольникомъ Θедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ. Этому искренно-преданному, испытанному и

(*) Переписка по этому предмету царицы Натальи Кириловны съ сыномъ, хранящаяся въ кабинетѣ Его Величества и помѣщенная цѣликомъ въ «Исторіи царствованія Петра Великаго» Устрялова, ч. II, стр. 403 — 406, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

дѣятельному сотруднику въ его стремленіяхъ и планахъ онъ поручилъ приведеніе въ исполненіе своихъ рѣшеній и приказаній, хотя изъ этого, конечно, нельзя заключить, что порученія эти имѣли какое нибудь отношеніе къ предполагаемой вторичной поѣздкѣ царя въ Архангельскъ. Если бы, при своемъ отъѣздѣ, онъ имѣлъ уже твердое намѣреніе въ будущемъ году снова пріѣхать на Бѣлое море и приказалъ построить къ своему пріѣзду въ Архангельскъ два военные корабля, то слѣдовало бы предполагать, что новый воевода на первый разъ распорядился бы лучше, потому что 19 или 20 мая слѣдующаго года онъ былъ въ состояніи показать оба судна лишь на верфи, такъ что прошло довольно много времени, прежде чѣмъ они были совершенно вооружены и готовы къ отплытію.

Не останавливаясь на точномъ опредѣленія времени второй поѣздки Петра въ Архангельскъ, на которую онъ также долженъ былъ испрашивать согласіе своей матери, мы прямо перейдемъ къ мѣрамъ и распоряженіямъ, предпринятымъ и приведеннымъ въ исполненіе въ теченіе зимы 1693—1694 годовъ.

Желаніе Петра проплыть по Бѣлому морю на своихъ собственныхъ военныхъ судахъ заставило его тотчасъ же рѣшиться пріобрѣсти три корабля. Одинъ изъ нихъ, большой фрегатъ (Oorlogschiff) (*), былъ заказанъ за границею и долженъ былъ прійти въ Архангельскъ вполнѣ вооруженный. Остальные два предполагалось выстроить вновь или достроить въ самомъ Архангельскѣ.

Лефортъ, которому было поручено сдѣлать необходимыя распоряженія для возможно скорѣйшаго исполненія желанія Петра относительно заказа фрегата, обратился къ амстердамскому бургомистру Витцену, съ просьбою принять на себя заботы о пріобрѣтеніи означеннаго судна. По указаніямъ, присланнымъ изъ Москвы, фрегатъ долженъ былъ имѣть отъ сорока до сорока четырехъ орудій и быть снабженъ всѣми необходимыми принадлежностями. Витценъ, знавшій Лефорта и столько же преданный ему, какъ и его братьямъ, согласился на его просьбу и вслѣдствіе того между ними завязалась дѣятельная переписка, къ несчастью совершенно утраченная (*). Только въ нѣкоторыхъ письмахъ его въ Женеву сохранились кой-какія свѣдѣнія, на которыхъ мы и основываемся въ настоящемъ случаѣ.

(*) См. Scheltema ч. II, стр. 108.

(*) Всѣ наши личныя и заочныя розысканія въ Амстердамѣ и Голландіи объ участи писемъ Лефорта къ Витцену были безполезны.

О постройкѣ остальныхъ судовъ мы скажемъ подробнѣе и опредѣлительнѣе, когда будемъ говорить о прибытіи Петра въ Архангельскъ. Теперь же мы сообщимъ только нѣкоторые отрывки изъ писемъ Петра Апраксину. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ письмѣ отъ 29 января 1694 года: «Посылаю Никласа да Яна для строенія малаго корабля и чтобъ имъ лѣсъ и желѣзо и все къ тому вскорѣ было готово, понеже рано пріѣхать имѣемъ, полтораста шапокъ собачьихъ и столько же башмаковъ разныхъ мѣръ сдѣлать, о чемъ въ готовности не сомнѣваюсь.»

Позже (неизвѣстно отъ котораго числа), Петръ писалъ, чтобы въ Архангельскъ прислали 1000 самопаловъ или ружей, 2000 пудовъ пороху и блоковъ для оснастки корабля; а двадцать четыре пушки оставили въ Вологдѣ и впослѣдствіи доставили оттуда водою (*).

Первое письмо Апраксину (29 января) Петръ писалъ подъ впечатлѣніемъ глубокой горести о потери своей любимой матери, скончавшейся 28 января послѣ пятидневной болѣзни. Но тотчасъ по погребеніи матери, его снова стала занимать мысль о поѣздкѣ въ Архангельскъ, и вслѣдствіе того онъ послалъ туда болѣе опредѣлительныя приказанія. Безъ сомнѣнія, смерть царицы дала ему возможность дѣйствовать самостоятельнѣе и рѣшительнѣе. Впрочемъ, тогда день отъѣзда не былъ еще назначенъ. Ни Лефортъ, ни Гордонъ, писавшій 28 и 30 января о полученіи приказанія принять участіе въ поѣздкѣ, не упоминаютъ о немъ. Первый изъ нихъ, въ письмѣ 8 февраля того же года, говоря о поѣздкѣ, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ, присовокупляетъ только, что царь выѣдетъ раньше, чѣмъ въ прошломъ году. Сенебьэ, произведенный въ это время въ маіоры, пишетъ отъ 2-го марта того же года, что днемъ отъѣзда въ Архангельскъ назначено 1 мая, и говоритъ, что Лефортъ принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ поѣздкѣ (это же самое сообщаетъ и самъ Лефортъ). Вотъ слова Сенебьэ: «это само собою разумѣется, потому что повсюду, гдѣ бы не находился Его Величество, генералъ всегда бываетъ при немъ». Это письмо заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что заключаетъ въ себѣ одно чрезвычайно интересное и въ своемъ родѣ единственное извѣстіе. «Полагаютъ, что Его Величество», говоритъ Сенебьэ, «хо-

(*) Письма помѣщены въ сочиненіи г. Устрялова: Исторія царствованія Петра Великаго, ч. II, стр. 162 и 364. Голиковъ, сообщающій тѣ же письма, сбивается въ опредѣленіи времени, къ которому они относятся.

четъ сдѣлать попытку отыскать проходъ къ Китаю или Индіи чрезъ Сѣверный океанъ» (*). На чемъ остановилось это дѣло, или въ какой степени была развита эта мысль, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ должно полагать, что подобный планъ былъ въ виду Петра и окружавшихъ его лицъ. Это указаніе достойно вниманія еще потому, что французскій писатель Фонтенель, въ своей похвальной рѣчи Петру Великому, произнесенной послѣ его смерти, упомянулъ объ этомъ предположеніи (*). Это обстоятельство напоминаетъ намъ предпріятіе англійской компаніи, старавшейся открыть морской путь въ Китай чрезъ Ледовитое море и вслѣдствіе того вновь открывшей для западныхъ націй устье Двины (капитанъ Ченслеръ).

Увѣдомляя (въ письмѣ отъ 9 февраля) (**) о своихъ переговорахъ съ Витценомъ и сообщивъ, что для уплаты за заказанное военное судно въ Голландію былъ посланъ вексель въ сорокъ тысячъ рублей, Лефортъ пишетъ слѣдующее: «я буду имѣть честь командовать этимъ кораблемъ въ званіи капитана; князь Голицынъ (Борисъ Алексѣевичъ) будетъ находится на немъ лейтенантомъ, нашъ великій монархъ шкиперомъ (le schipper), а должность лоцмана займетъ прошлогодній старикъ. Кромѣ того, еще будутъ два другихъ военныхъ корабля, которыми будутъ командовать два генерала: мой своякъ Гордонъ, а другой по имени Бутурлинъ». Въ концѣ письма Лефортъ говоритъ: «всѣ бояре (les seigneurs), обыкновенно сопровождающіе дворъ, примутъ въ немъ (въ путешествіи) участіе; дѣлаютъ большія приготовленія и все поручено моему надзору. Я надѣюсь, что при помощи божіей все совершится по желанію».

При такомъ положеніи дѣла легко представить себѣ, какую нужно было выказать дѣятельность и со сколькими препятствіями слѣдовало бороться для достиженія этой цѣли. Особенныхъ усилій и заботъ стоила какъ Витцену, такъ и Лефорту, поспѣшная доставка фрегата изъ Амстердама. Петръ горѣлъ нетерпѣніемъ начать предположенное путешествіе и дожидался только вскрытія рѣкъ. Также сильно было и желаніе его увидать свой корабль въ Архангельскѣ. Лефортъ былъ принужденъ съ каждою почтою писать Витцену, превознося его за обя-

---

(*) Вотъ слова подлинника: «L'on croit qu'elle (sa Majesté) veut faire éprouver un passage sur la mer du Nord pour aller à la Chine ou aux Indes.»

(*) Eloge de Czar Pierre I par M. de Fontenelle. Prononcé à l' Assemblée publique de l' Academie des Sciences le 14 Novembre 1725. Paris 1727,8°.

(**) См. приложеніе Б. въ особ. изд.

зательное принятіе на себя всѣхъ хлопотъ для удовлетворенія желанія Его Величества.

Кромѣ множества самыхъ мелочныхъ порученій по вооруженію фрегата, о которомъ шла рѣчь въ этой перепискѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ два пункта.

Такъ какъ судно было куплено на счетъ Его Царскаго Величества и должно было отплыть въ русскую гавань, то для него необходимы были: 1) свидѣтельства и 2) знакъ національности, т. е. флагъ отъ русскаго правительства, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему угрожала большая опасность, потому что, вслѣдствіе продолжавшейся тогда войны, всѣ моря были усѣяны каперами.

Относительно перваго предмета, Лефортъ еще ранѣе принялъ всѣ необходимыя мѣры, такъ что 9 марта онъ уже писалъ слѣдующее: «я послалъ господину бургомистру Витцену свидѣтельства для корабля, который долженъ прибыть въ Архангельскъ для забавы Его Величества; всѣ заботы о немъ возложены на меня. Я уже приказалъ», говоритъ онъ далѣе, «выплатить тридцать тысячъ талеровъ для покупки упомянутаго судна. Всѣ векселя отправлены къ господину Витцену подъ моимъ ручательствомъ (*).»

О второмъ пунктѣ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Наконецъ, настало время, когда можно было выѣхать изъ Москвы; днемъ отъѣзда было назначено 29 апрѣля. Передъ отъѣздомъ Петръ, по обыкновенію, простился съ своими приближенными и приверженцами, большинство которыхъ, конечно, принимало участіе въ этой поѣздкѣ. Эти собранія происходили обыкновенно у Лефорта, который описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Его Царское Величество Петръ Алексѣевичъ въ день отъѣзда въ Архангельскъ, въ воскресенье, сдѣлалъ мнѣ честь, отобѣдавъ и даже отужинавъ у меня; я пригласилъ весь дворъ, т. е. князей и бояръ (les seigneurs). Въ большой комнатѣ (la grande chambre), выстроенной мною, благодаря милостямъ Его Царскаго Величества, помѣстились вдоль оконъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Солдатъ, которые должны были участвовать въ поѣздкѣ, угощали послѣ обѣда, т. е. внизу. Пили за благополучное окончаніе поѣздки Его Царскаго Величества, и не смотря на глубокій трауръ по Натальѣ Кириловнѣ, матери царя

(*) См. приложеніе В.

Петра Алесѣевича (*), били въ барабаны, играли на трубахъ и даже палили изъ пушекъ. На пиру присутствовали иностранныя или нѣмецкія дамы, принадлежавшія къ нашему обществу, но танцевъ не было. Его Царское Величество хотѣлъ отправиться въ путь около полуночи, приказавъ мнѣ остаться до вторника для наблюденія за отправкою всей его свиты (toute la troupe)».

Дѣйствительно, отправка свиты, состоявшей почти изъ 400 человѣкъ, могла быть сопряжена со многими большими затрудненіями, такъ какъ въ свитѣ находилось не мало лицъ, которымъ нельзя было приказывать безусловно. Готовность такого множества бояръ и князей, принять участіе въ странной для нихъ поѣздкѣ молодаго царя, составляетъ дѣйствительно многознаменательное явленіе. Но, нѣтъ ничего удивительнаго, что Петръ, поспѣшивъ впередъ для того, чтобы ускорить работы въ Архангельскѣ, оставилъ въ Москвѣ довѣренное лицо для того, чтобъ позаботиться о всемъ необходимомъ и наблюдать за своевременною отправкою въ путь, всѣхъ участниковъ экспедиціи. Неизвѣстно, уѣхалъ ли Петръ въ ту же самую ночь, подъ сильнымъ дождемъ, или отправился въ путь рано утромъ; во всякомъ случаѣ, на слѣдующій день его уже не было въ Москвѣ (*).

Послѣ его отъѣзда произошла сцена, на которую намъ слѣдуетъ обратить здѣсь вниманіе.

Въ понедѣльникъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ призвалъ къ себѣ Лефорта и очень милостиво принялъ его одного. Поводомъ къ этому свиданію было, конечно, не желаніе выразить Лефорту свою признательность за его заслуги, какъ полагали прежде; царь пригласилъ его къ себѣ просто потому, что по своему добродушію и любви къ брату, хотѣлъ лично видѣть его друга и высказать ему свои опасенія на счетъ брата, рѣшившагося на опасное предпріятіе. Царицы Натальи Кириловны, совѣты, желанія и просьбы которой, даже вдали, имѣли вліяніе на предпріятія ея сына, уже не было на свѣтѣ и Іоаннъ Алексѣевичъ вполнѣ сознавалъ, что, не смотря на все свое желаніе, не могъ заступить ея мѣсто и не зналъ другаго средства выразить свои чувства, какъ поручивъ признанному фавориту своего брата самый

(*) Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ объ этомъ подробнѣе, присовокупляя, что всѣ они носили черныя платья и что трауръ будетъ продолжаться болѣе года.

(*) Гордонъ также упоминаетъ о прощальномъ пирѣ у Лефорта и говоритъ, что и онъ долженъ былъ отправиться въ ту же ночь, но остался за проливнымъ дождемъ и отправился въ путь только утромъ.

бдительный надзоръ за нимъ. Безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе подобныхъ побужденій могъ онъ въ первый разъ имѣть разговоръ съ глазу на глазъ, съ генераломъ и отпустить его, давъ порученіе или приказаніе: «поцаловать отъ его имени руку брата, царя Петра Алексѣевича (*)».

Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ генераломъ Лефортомъ, объ отношеніяхъ его къ царю Іоанну, нужно еще указать на то, что въ помянутой аудіенціи, ему было поручено сообщать какъ можно чаще о состояніи здоровья Петра. Дѣйствительно, ни чѣмъ другимъ нельзя объяснить себѣ того обстоятельства, что Лефортъ, какъ онъ самъ выражается, велъ почти ежедневную корреспонденцію со многими знатными особами двора Іоанна Алексѣевича и важнѣйшими изъ окружающихъ его лицами. Другаго повода пріискать нельзя, потому что ни занятія, ни приказанія Петра не могли заставить его писать такъ часто первымъ сановникомъ двора соправителя, жившаго въ совершенномъ уединеніи. Іоаннъ былъ увѣренъ, что ни братъ, ни кто либо другой изъ русскихъ бояръ, сопровождавшихъ Петра, не исполнятъ его желанія имѣть постоянныя извѣстія о братѣ. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія только о двухъ письмахъ Петра къ брату во все время его отсутствія. Въ пользу того, что Лефортъ въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ пріемъ, сдѣланный ему по возвращеніи въ Москву Іоанномъ Алексѣевичемъ, который далъ ему особенную аудіенцію и осыпалъ его милостями и богатыми подарками.

Понятно, что поѣздка Петра въ Архангельскъ, его продолжительное отсутствіе изъ Москвы «со всѣмъ его дворомъ», т. е. со всѣми преданными ему людьми, должна была возбудить много толковъ и безпокойствъ. Въ рукахъ противниковъ его въ столицѣ было слишкомъ много элементовъ броженія; неудовольствіе и сопротивленіе нововведеніямъ и реформамъ юнаго царя и всѣмъ его зачинаніямъ выражались слишкомъ явно; интригъ и козней его отъявленныхъ враговъ нельзя было не замѣтить. Изъ письма, писаннаго изъ Амстердама Ѳуртономъ, мы узнаемъ, что и тамъ опасались вторичной революціи въ Москвѣ, а поэтому можно судить, что въ Москвѣ, опасе-

(*) Il me commanda, говоритъ Лефортъ, de faire les baisements à son frére Zaar Pierre Alexevitz. Мы считаемъ излишнимъ упоминать здѣсь о царскихъ милостяхъ, которыя Лефортъ удостоился получить отъ Іоанна Алексѣевича.

нія, возбужденныя этою поѣздкою, были гораздо сильнѣе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя слова Лефорта, относящіяся къ описываемому нами времени. Окончивъ разсказъ о стрѣльцахъ, во время ихъ бунта въ 1682 году, онъ продолжаетъ: съ Божьею помощью многое теперь измѣнилось. Вслѣдствіе приказаній Ихъ Царскихъ Величествъ, регулярные полки имѣютъ полный комплектъ солдатъ, такъ что даже въ отсутствіе Ихъ Царскихъ Величествъ Петру Алексѣевичу нечего опасаться; такъ какъ царя Іоанна Алексѣевича любятъ въ Москвѣ, точно такъ же, какъ и его брата, то не смотря на наше отсутствіе, все спокойно (*)».

1-го мая, согласно приказанію царя, Лефортъ, въ сопровожденіи множества частныхъ лицъ, послѣдовалъ за царемъ, выѣхавшимъ въ Вологду 29 или 30 апрѣля.

Свита Петра, какъ говоритъ Лефортъ, состояла «приблизительно изъ четырехъ сотъ человѣкъ». Они принадлежали по преимуществу къ составу двора молодаго царя, между ними находились также князья, бояре и т. д. Это были люди, вполнѣ ему преданные и сопровождавшіе его добровольно. Затѣмъ большинство свиты составляли его старые товарищи и сотрудники въ бомбардирской ротѣ, которыхъ онъ взялъ съ собой подъ названіемъ «констабелей», для управленія орудіями фрегата, или, что гораздо правдоподобнѣе, для того, чтобы обучить ихъ морскому дѣлу. Наконецъ, въ поѣздкѣ участвовали офицеры и солдаты лучшихъ полковъ. Лефортъ говоритъ, что онъ выбралъ двѣнадцать офицеровъ, маіоровъ и капитановъ и взялъ ихъ съ собою; «но они», присовокупляетъ онъ, «отправились въ качествѣ волонтеровъ». Вообще, замѣчаетъ онъ при этомъ, «большая часть знати (des grands seigneurs) волонтеры, но всетаки они носятъ мушкеты и даже ходятъ на часы. Десять изъ нихъ постоянно находятся у меня или у моихъ воротъ».

До самой Вологды, назначенной сборнымъ пунктомъ для всей свиты царя, ѣхали сухимъ путемъ; 5 и 6 мая вся экспедиція находилась

(*) Трудно рѣшить, относились ли эти слова къ слѣдующему факту, упоминаемому въ письмѣ Лефорта; мы приводимъ здѣсь это мѣсто: «при сильномъ вѣтрѣ сгорѣли (въ Москвѣ) три или четыре тысячи домовъ», продолжаетъ онъ, «при этомъ, по словамъ всѣхъ присутствовавшихъ, одинъ стрѣлецъ былъ поднятъ вихремъ на воздухъ болѣе, чѣмъ на десять саженъ (brasses) въ вышину и потомъ замертво упалъ на землю».

уже въ этомъ городѣ, потому что на протяженіи всей дороги было заготовлено необходимое число повозокъ. Отсюда до самаго Архангельска должно было слѣдовать тѣмъ же самымъ путемъ и съ тѣми же или подобными перевозочными средствами, какъ и въ прошломъ году. Петръ спѣшилъ въ Архангельскъ, не смотря на то, что нѣкоторыя приготовленія для этого путешествія не были въ точности исполнены или вполнѣ окончены. Такъ напримѣръ, приготовленные въ Вологдѣ два большихъ досчаника (между прочимъ и досчаникъ Гордона) находились въ плохомъ состояніи. Петръ приказалъ отправиться въ путь 8 числа и, дѣйствительно, утромъ того же дня экспедиція пустилась внизъ по Сухонѣ. 28 января 1694 года (а не 28 декабря предшествовавшаго года, какъ утверждаетъ г. Устряловъ), упоминая въ первый разъ о путешествіи въ Архангельскъ, Гордонъ говоритъ слѣдующее: «я получилъ приказаніе идти въ море въ качествѣ контръ-адмирала». Слѣдовательно, уже тогда начали представлять себѣ такую величественную картину русскаго флота, неимѣвшаго въ морѣ еще ни одного военнаго корабля, что мы имѣемъ полное право предполагать, что для него былъ назначенъ не только шаутбейнахтъ, но по всѣмъ вѣроятіямъ и вице-адмиралъ или даже адмиралъ. Далѣе мы находимъ у Гордона выраженіе: *«контръ-адмиральскій корабль флота»*. Если предположить, что названіе это относилось къ досчанику, на которомъ Гордонъ долженъ былъ отправиться въ Архангельскъ, то очевидно, что въ началѣ флотомъ называли досчаники, барказы и струги, собранные въ Вологдѣ. Находя въ дневникѣ Гордона указанія на существованіе адмиральскаго и вице-адмиральскаго кораблей этой эскадры, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: кто были эти два адмирала. Отвѣтъ на это мы находимъ только у одного Гордона, который говоритъ, что адмираломъ былъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, а вице-адмираломъ бояринъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. Такимъ образомъ, наши знаменитые генералиссимусы занимали и высшія морскія должности.

Такъ какъ далѣе говорится только о рѣчной флотиліи изъ двадцати двухъ большихъ лодокъ, а позже, когда все исполнилось по желанію Петра, флотъ, крейсеровавшій на Бѣломъ морѣ, состоялъ всего изъ трехъ судовъ, то должно сознаться, что поименованныя выше лица, нося званіе контръ и вице-адмирала, находились въ очень странномъ положеніи. Безъ сомнѣнія, Петръ, не имѣя еще никакихъ элементовъ

флота, по своему обыкновенію, далъ имъ эти званія и должности только для того, чтобы отчасти ознакомить свой народъ съ внѣшнею организаціею западно-европейскаго флота, о которомъ онъ самъ только что тогда успѣлъ получить понятіе. Будучи главнымъ двигателемъ предпріятія и участвуя самъ въ работахъ онъ берегъ свою энергію для осуществленія другихъ своихъ замысловъ и намѣреній, и въ то же время выдвигая впередъ какого нибудь Ромодановскаго, менѣе всѣхъ другихъ помогавшаго ему совѣтомъ и дѣломъ, имѣлъ въ виду дать ему возможность гордиться новымъ званіемъ и титуломъ. Что въ настоящемъ случаѣ Петръ имѣлъ въ виду именно эту цѣль, и смотрѣлъ на это назначеніе съ юмористической точки зрѣнія, ясно видно изъ письма его къ Апраксину (хотя на письмѣ не отмѣчено числа, но оно очевидно относится къ этому времени): «Ѳедоръ Матвѣевичъ! Письмо твое чрезъ Михайлу Куроѣдова мнѣ вручено, и выразумѣвъ, доносилъ о всемъ государю своему и адмиралу, который, донось выслушавъ, указалъ мнѣ отписать къ тебѣ сими словами: 1) что онъ, государь, человѣкъ зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути, о чемъ и самъ вѣдаешь; и для того, здѣсь далѣе апрѣля послѣднихъ чиселъ, медлить отпюдь не хочетъ; 2) такожде и братъ его государевъ любовью съ нимъ, паче же ревніемъ, яко афиняне новаго ищущи, обязалъ его, въ семъ пути, такожъ оставити не хочетъ; 3) шаутбенахтъ будетъ Петръ Ивановичъ Гордонъ; всѣхъ людей будетъ близко трехъ сотъ (*)». (Первые двое никогда не видали моря). Слѣдовательно, тогда еще менѣе могло быть рѣчи объ адмиралѣ, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, во время потѣхъ на Плещеевскомъ озерѣ. Тому, кто, не смотря на это письмо и другое единственное указаніе, заключающееся въ Дневникѣ Гордона, непремѣнно желаетъ видѣть въ загадочномъ князѣ и бояринѣ перваго русскаго адмирала, трудно будетъ согласовать свои воззрѣнія съ точными и подробными свѣдѣніями, сообщаемыми Лефортомъ. Лефортъ писалъ о всѣхъ этихъ событіяхъ лицамъ, интересовавшимся тогдашнею Россіею, и потому его слѣдовало бы обвинить во лжи, за то, что онъ ни разу не упоминаетъ объ учрежденіи Петромъ новой должности, предшествовавшемъ мысли о созданіи флота. Лефортъ былъ того мнѣнія, что суда, назначенныя къ отправленію въ Архангельскъ, служатъ Петру только для забавы (divertissements). Когда же онъ пожелалъ совершить плаваніе по Бѣлому морю, то управ-

(*) См. Исторію царствованія Петра Великаго, Устрялова, ч. II, стр. 162 и 163.

ленie главнымъ судномъ эскадры, окончательно вооруженнымъ фрегатомъ, пришедшимъ изъ Амстердама, онъ не хотѣлъ поручить никому другому, кромѣ Лефорту; объ адмиралѣ же не было и помину. Лефортъ долженъ былъ принять начальство надъ фрегатомъ, на которомъ самъ царь желалъ быть шкиперомъ, или, какъ говоритъ Гордонъ, «великимъ шкиперомъ». Что же оставалось для такъ называемаго адмирала? Такъ какъ на остальные два корабля были также назначены начальники, то на какомъ же изъ трехъ судовъ находился князь Ромодановскій, въ своей новой должности, и какимъ образомъ выполнялъ онъ ее? Если вникнуть хорошенько въ единственное, дошедшее до насъ, извѣстіе, сообщаемое Гордономъ, который называетъ флотомъ 22 досчанника, или большія судна, на которыхъ экспедиція отправилась изъ Вологды въ Архангельскъ, и говоритъ объ адмиралѣ, вице и контръ-адмиралѣ, то безъ сомнѣнія, легко будетъ представить себѣ это дѣло въ его настоящемъ смыслѣ. По его собственнымъ словамъ, послѣ исправленія на скорую руку судна, найденнаго негоднымъ къ употребленію, онъ отправился 8 мая, около 8 часовъ утра, къ «*контръ-адмиральскому судну флота*», который въ 10 часовъ поднялъ якорь и тронулся съ мѣста. Флотъ (Гордонъ никогда не пользуется употребительнымъ названіемъ караванъ) двинулся въ путь при громѣ пушекъ, и идя внизъ по рѣкѣ до самаго вечера, остановился на якорѣ. Только здѣсь данъ былъ указъ относительно порядка, въ которомъ должны были слѣдовать суда во время плаванія. Приказъ этотъ заключалъ въ себѣ пять пунктовъ, въ которыхъ объяснялось, что должно было дѣлать, когда адмиралъ подавалъ сигналъ извѣстнымъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Такъ напримѣръ, въ пятомъ пунктѣ было сказано: «когда флотъ долженъ былъ сняться съ якоря, стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ сначала адмиралъ; занимъ вице-адмиралъ, потомъ контръ-адмиралъ и всѣ остальные по порядку чиновъ». Далѣе опредѣлялся порядокъ, въ которомъ должны были слѣдовать большія плоскодонныя суда, безъ порядочныхъ рулей и съ особаго рода парусами. Изъ этого приказа узнаемъ число судовъ и назначеніе каждаго изъ нихъ. По описанію Гордона, суда были распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1-е) Подъ начальствомъ князя Өедора Ивановича Проскурова, — съ военными запасами.

2-е) Вице-адмирала Ивана Ивановича (Бутурлина).

3-е) Льва Кириловича (Нарышкина).

4-е) Князя Бориса Алексѣевича (Голицына).

5-е) Ѳедора Ѳедоровича (Плещеева).

6-е) Осипа Звѣрева (бомбардира).

7-е) Съ пѣвчими.

8-е и 9-е) два, для констаблей, подъ командою Ивана Ивановича (Гумерта).

10-е) Автамона Михайловича (Головина).

11-е) Великаго шкипера.

12-е) Адмирала Ѳедора Юрьевича (Ромодановскаго).

13-е) Со столовою посудою.

14-е) Съ кухнею.

15-е) Съ канцеляріею.

16-е) Съ аптекою.

17-е) Съ провіантомъ.

18-е) Также съ провіантомъ.

19-е) Съ придворными служителями.

20-е) Съ провизіею для морскаго похода.

21-е) Съ провизіею на время пути въ Архангельскъ; и

22-е) Контръ-адмирала Петра Ивановича Гордона (*).

Въ такомъ порядкѣ флотъ двинулся къ Архангельску, идя то на греблѣ, то бичевою (людьми и лошадьми), а при попутномъ вѣтрѣ — на парусахъ. Путешествіе было такъ успѣшно, что еще 18 мая экспедиція достигла Архангельска и нѣсколько судовъ могли бросить якорь въ городѣ, у англійскаго моста. Первымъ дѣломъ Петра Великаго было отправиться на Соломбальскій островъ, гдѣ, по его приказанію, строились суда. Соломбаль — самый большой и ближайшій къ городу изъ островов, лежащихъ на устьѣ Двины, представлялъ собою ту выгоду, что даже самыя большія, тяжело нагруженныя суда, приходившія съ моря, могли приставать къ его берегу, и потому еще въ предшествовавшемъ году былъ избранъ Петромъ для устройства на немъ корабельной верфи.

(*) См. Дневникъ Гордона, ч. II, стр. 449. Изъ того, что въ числѣ судовъ нѣтъ ни одного, которое бы было поручено Лефорту, безъ сомнѣнія, должно заключить, что онъ находился въ совершенно исключительномъ положеніи, и на все время путешествія имѣлъ совершенно другое назначеніе. По всей вѣроятности, онъ находился на судахъ, принадлежащихъ великому шкиперу, въ числѣ ближайшихъ его спутниковъ. Быть можетъ, на это и указываютъ слѣдующія слова его: «я имѣлъ честь пріѣхать съ Его Высочайшею особою».

Петръ ошибся въ своихъ надеждахъ, если предполагалъ, что постройка заложеннаго здѣсь большаго корабля будетъ окончена до прибытія его въ Архангельскъ. Впрочемъ, на второй день по прибытіи царя въ городъ (20 мая) судно могло быть спущено со стапелей; событіе это сопровождалось пиромъ, устроеннымъ на самомъ кораблѣ. Но *«новое судно»*, какъ постоянно называетъ его Гордонъ, было выведено на рейдъ лишь 28 іюня; на слѣдующій день его посѣтилъ царь и принималъ на немъ поздравленія; на другой день, капитанъ его давалъ обѣдъ; оно было сдано ему (по словамъ Гордона) только 11 іюля; капитаномъ, какъ намъ извѣстно, былъ назначенъ генералъ Бутурлинъ; вскорѣ мы увидимъ, какъ отзывался Лефортъ о его кораблѣ. О томъ, что онъ былъ названъ *«Апостоломъ Павломъ»*, свидѣтельствуетъ лишь одно письмо Петра къ Виніусу; другихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ нигдѣ.

Второе изъ выстроенныхъ въ Архангельскѣ судно—яхта или гальотъ, назначенный для предположеннаго морскаго путешествія, къ пріѣзду Петра было уже спущено на воду, а 16 іюля передано *«Его Величествомъ»* генералу Гордону; *«при чемъ мы»*, пишетъ послѣдній, *«весело провели время за стаканомъ вина»*. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что приказалъ стрѣлять изъ 12 пушекъ, находившихся на его суднѣ. Отъ него же мы узнаемъ, что яхта эта называлась Св. Петромъ (*).

Между тѣмъ, для забавы *«великаго шкипера»*, недоставало главнаго—заказаннаго въ Голландіи фрегата, который нетолько не прибылъ въ Архангельскъ къ пріѣзду царя, но и заставилъ ждать себя еще долго. Лефортъ, какъ уже было сказано, съ каждою почтою писалъ Витцену, о возможно скорѣйшемъ отправленіи фрегата. Послѣдній, въ отвѣтѣ своемъ 24 мая, извѣщалъ, что все готово, но что фрегатъ за противнымъ вѣтромъ не можетъ выйдти въ море. Только 4 іюля, т. е. до полученія имъ письма Лефорта, отправленнаго того же числа, пришло въ Архангельскъ извѣстіе о выходѣ въ море фрегата, который былъ сопровождаемъ конвойнымъ судномъ до самыхъ береговъ Норвегіи, что, по замѣчанію Лефорта, поразило всѣхъ: «потому что судно имѣло свидѣтельство изъ Россіи». Безъ сомнѣнія, нетерпѣніе видѣть давно ожидаемое судно, и вступить на него, съ каждымъ днемъ

(*) Обо всемъ этомъ см. Дневникъ Гордона ч. II, стр.: 457, 458, 460, 464 и 466.

возрастало все болѣе и болѣе, въ особенности послѣ полученія письма Витцена отъ 24 мая, съ подробнымъ описаніемъ фрегата. Въ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ документѣ (*) сказано слѣдующее: «на суднѣ находятся сорокъ хорошихъ матросовъ. Оно вооружено сорока четырмя пушками, изъ коихъ шесть *гаубицъ,* всѣ изъ хорошаго желѣза. Экипажъ, снасти, якоря, мачты, паруса, оружіе и проч.—самаго лучшаго качества. Теперь предъ городомъ развивается флагъ Его Царскаго Величества; я приказалъ доставить на фрегатъ три тысячи пудовъ пороха; сверхъ того, нѣсколько хорошихъ ружей, сабель, пистолетовъ, ядеръ, *книпелей* и вообще все необходимое для военнаго корабля. Судно выстроено изъ самаго крѣпкаго дерева, которое можно только достать здѣсь; оно одно изъ самыхъ лучшихъ ходоковъ, что мы испытали передъ городомъ. Плата экипажу довольно высока, частью вслѣдствіе военнаго времени и недостатка въ матросахъ, которыхъ нельзя достать иначе, какъ заплативъ имъ дороже обыкновеннаго. Кормовая каюта снабжена великолѣпною походною кроватью съ прекрасными матрацами, пологомъ изъ красной шелковой матеріи и другими принадлежностями и также ковромъ. Кромѣ того, есть еще другой (коверъ) для стола. Верхняя каюта, въ которую ведетъ потаенная лѣстница, раздѣлена на двое; въ заднемъ отдѣленіи я велѣлъ сдѣлать навѣсъ изъ шелковой матеріи другаго цвѣта—для постели Его Величества. Потолки обѣихъ каютъ расписаны лучшими мастерами и на нихъ будутъ нарисованы съ натуры цвѣты и птицы. Корма и носъ судна также украшены живописью; а стѣны обѣихъ каютъ обиты разрисованною кожею. Я приказалъ штурману снабдить кормовую каюту салфетками, скатертями, блюдами, посудою и всѣми необходимыми столовыми и постельными принадлежностями, а также сдѣлать запасъ рейнвейна и французскихъ винъ и, согласно желанію Его Величества, взять съ собою обезьянъ и маленькихъ болоновъ.» (*) Изъ этого описанія перваго русскаго военнаго судна мы узнаемъ, что весною 1694 года совершилось замѣчательное событіе: большое военное судно, *подъ русскимъ флагомъ,* нетолько представилось удивленнымъ взорамъ голландцевъ, но и совершило первое плаваніе по океану. Въ описаніи Витцена сказано положительно, что упо-

(*) Онъ сохранился потому, что Лефортъ, получившій его, сообщилъ копію его своему брату.

(*) См. Приложеніе Г. въ особ. изд.

мянутый здѣсь флагъ былъ *русскій* (съ краснымъ, синимъ и бѣлымъ цвѣтами, считая снизу), заимствованный у голландцевъ (красный, бѣлый и синій), и это кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Въ глазахъ голландцевъ, фрегатъ, во время своего плаванія, долженъ былъ непремѣнно имѣть флагъ. Если въ Москвѣ объ этомъ не подумали, то Витценъ, конечно, долженъ былъ сдѣлать объ этомъ запросъ, тѣмъ болѣе, что судно, послѣ покупки, сдѣлалось русскимъ, и во время войны могло, съ гораздо большею безопасностью, совершить свое плаваніе подъ русскимъ флагомъ. Хотя, во время своей поѣздки въ Архангельскъ, въ предшествовавшемъ году, Петръ и имѣлъ на мачтѣ своего судна «различные флаги», между которыми одинъ, побольше, былъ съ русскимъ гербомъ, а другой изъ Іерусалима, съ нашивными крестами, и эти флаги вмѣстѣ съ ботомъ подарилъ архіепископу архангельскому (*); но безъ сомнѣнія, ему ни одинъ изъ нихъ не нравился болѣе, и не могъ быть выбранъ имъ для плаванія въ открытомъ морѣ. Частыя сношенія и корреспонденція между бургомистромъ и Лефортомъ имѣли послѣдствіемъ то, что Петръ, уже тогда оказывавшій предпочтеніе всему голландскому, рѣшился заимствовать національные цвѣта этого народа для своего морскаго флага, измѣнивъ только ихъ порядокъ. Подъ этимъ флагомъ фрегатъ прибылъ въ Архангельскъ и былъ привѣтствованъ салютомъ изъ всѣхъ орудій. Можно сказать утвердительно, что этотъ флагъ,—трудно было бы предполагать противное,—былъ именно тотъ, подъ которымъ повелитель Россіи хотѣлъ предпринять свое первое морское путешествіе. Безъ сомнѣнія, съ этого времени онъ сдѣлался русскимъ морскимъ флагомъ и остается имъ и понынѣ (*).

По пріѣздѣ Петра въ Архангельскъ были приведены въ исполненіе всѣ предположенія и распоряженія относительно морскаго путешествія,

---

(*) Извлечено изъ описанія перваго похода Петра I въ Архангельскъ; Новиковъ, стр. 22. Въ томъ же сочиненіи, какъ было уже упомянуто выше, находится описаніе и втораго путешествія, но оно еще короче и поверхностнѣе перваго. Историческіе факты, заключающіеся въ этомъ сочиненіи, извѣстны всѣмъ.

(*) Г. А. Языковъ, въ своей брошюрѣ *«о русскомъ государственномъ цвѣтѣ»* (С.-Петербургъ, 1858 г.), дѣлаетъ также попытку опредѣлить происхожденіе русскаго морскаго флага. Но авторъ смотритъ на предметъ съ ложной точки зрѣнія и не въ состояніи подкрѣпить своего мнѣнія какими нибудь доказательствами. Поэтому мы не можемъ согласиться съ нимъ, что русскій морской флагъ получилъ свое начало во время пребыванія Петра на Плещеевскомъ озерѣ въ 1692 году, или въ первое путешествіе его въ Архангельскъ.

составленныя имъ зимою во время пребыванія въ Москвѣ. Планъ плаванія, которое должны были совершить три военныя судна, подъ командою названныхъ выше лицъ, остался безъ измѣненія, и заранѣе отданныя Петромъ приказанія должны были быть приведены въ исполненіе. Потому то сообщаемыя Лефортомъ извѣстія о приготовленіяхъ къ этому путешествію, въ письмѣ отъ 4 іюля, заключаютъ въ себѣ мало новаго. Описаніе фрегата, ожидаемаго изъ Голландіи, помѣщено только въ письмѣ Витцена. Назначеніе на него Лефорта капитаномъ осталось въ своей силѣ, точно также, какъ назначеніе на фрегатъ князя Бориса Голицына лейтенантомъ, а самого Петра *«въ должность шкипера или какъ онъ пожелаетъ.»* Далѣе говорится, что «Иванъ Фламмингъ, который придетъ съ фрегатомъ изъ Голландіи, опытный морякъ, бывшій въ Архангельскѣ болѣе тридцати разъ и знающій всѣ гавани до Колы и далѣе, будетъ управлять фрегатомъ въ качествѣ штурмана. Послѣ описанія фрегата, Лефортъ продолжаетъ: «Второе судно,» «выстроенное здѣсь въ Архангельскѣ, прекрасный военный корабль, съ двадцатью четырмя пушками. Командуетъ имъ одинъ генералъ. Третье судно яхта или галіотъ, вооруженъ десятью пушками и состоитъ подъ командою моего свояка Гордона.»

Въ этомъ письмѣ Лефорта слѣдуетъ обратить вниманіе на одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ: *«рисковать не будутъ; было бы совершенно достаточно, если бы даже пришлось возвращаться сухимъ путемъ; но что дѣлать? Его Величество любитъ подобныя забавы.»* Эти слова служатъ очевиднымъ доказательствомъ, что тогда предполагалось совершить довольно далекое плаваніе, быть можетъ до Колы, лежащей въ 1036 верстахъ отъ Архангельска, или еще дальше. Эта догадка подтверждается, повидимому, тѣмъ, что Лефортъ въ своемъ разсказѣ особенно выставляетъ на видъ близкое знакомство штурмана Фламминга съ гаванями какъ Бѣлаго, такъ и Сѣвернаго Ледовитаго морей. Существованіе предположенія совершить дальнее путешествіе подтверждается еще опредѣлительнѣе свѣдѣніями, сообщаемыми Гордономъ, который, 21 мая, слѣдовательно на третій день по прибытіи Петра въ Архангельскъ, дѣлаетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую отмѣтку: «мы собрались у адмирала для совѣщанія о числѣ войскъ и количествѣ жизненныхъ припасовъ, которыя нужно взять на суда на время нашего путешествія; было рѣшено заготовить и взять съ собою запасовъ на десять недѣль.»

Тогда имѣли въ виду скорое прибытіе изъ Амстердама фрегата, и потому предполагали возможнымъ тотчасъ же пуститься въ путь. Но фрегатъ спокойно стоялъ еще на якорѣ въ голландскомъ портѣ, въ ожиданіи попутнаго вѣтра для того, чтобы выйти въ море. Этимъ то обстоятельствомъ Витценъ, въ письмѣ своемъ къ Лефорту, объясняетъ замедленіе въ отправкѣ фрегата.

Въ Архангельскѣ «шкиперъ» par excellence«,—только этимъ именемъ приказалъ Петръ называть себя (*),—долженъ былъ вооружиться терпѣніемъ. Впрочемъ, Петръ провелъ это время съ пользою. Прежде всего онъ поспѣшилъ исполнить данный имъ обѣтъ. Еще въ предшествовавшемъ году онъ хотѣлъ отправиться на богомолье въ Соловецкій монастырь, лежащій на одномъ изъ острововъ Бѣлаго моря, въ ста двадцати верстахъ отъ Архангельска; монастырь основанъ въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія, когда островомъ владѣлъ еще Новгородъ. Съ теченіемъ времени монастырь этотъ значительно распространился и занялъ мѣсто между важнѣйшими святыми мѣстами русскими. «Данное въ прошедшемъ году обѣщаніе», писалъ Петръ своему брату, «поклониться мощамъ чудотворцевъ Савватія и Зосимы нынѣ наконецъ исполнилъ и сподобился видѣть раки св. чудотворцевъ.» 30 мая, въ день своего рожденія, юный царь отправился изъ Архангельска, по словамъ Лефорта, «*на яхтѣ или галіотѣ*» (*), въ сопровожденіи малочисленной свиты, въ которой между прочимъ находился и архіепископъ Афанасій. На слѣдующій день онъ долженъ былъ остановиться на якорѣ въ устьѣ рѣки Двины, но тутъ случилось печальное предзнаменованіе: сопровождавшій царя любимый врачъ его фанъ деръ Гульстъ (van der Hulst)

(*) Такъ звали его и въ официальныхъ бумагахъ, посылаемыхъ на его имя. Въ особенности же отъ лицъ, составлявшихъ «компанію», онъ не хотѣлъ слышать никакого другаго имени. «*Великимъ шкиперомъ*» (the great shipper) называетъ его одинъ Гордонъ.

(*) По недостатку свѣдѣній, трудно рѣшить, было ли это судно та самая яхта «*Св. Петръ*», которая была выстроена въ предшествовавшемъ году и, какъ уже упомянуто выше, была передана 16 іюня Гордону. Если бы догадка эта была вѣрна, то Гордонъ не преминулъ бы упомянуть о томъ, что ему было ввѣрено судно, на которомъ Петръ совершилъ достопамятное, опасное путешествіе къ Соловецкому монастырю. Трудно также представить себѣ, чтобы Петръ могъ рѣшиться въ первый разъ самъ, безъ помощи штурмана, управлять въ бурномъ морѣ довольно большимъ (10 или 12 пушечнымъ) судномъ. Навѣрное, отвага и самоувѣренность царя не простирались такъ далеко.

умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара (*). Лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней, царь былъ въ состояніи продолжать путь къ монастырю. Но едва онъ вышелъ въ открытое море, какъ началась сильная буря. Жизнь царя и его спутниковъ подвергалась большой опасности. Отчаяваясь въ своемъ спасеніи, они всѣ причастились св. Таинъ; но, благодаря искуству и мужеству лоцмана Анѳипа Панова, имъ удалось счастливо достигнуть берега; 7 іюня царь служилъ уже въ Соловецкомъ монастырѣ молебенъ. (*).

Онъ оставался здѣсь до 10 числа, а въ этотъ день отправился обратно въ Архангельскъ къ *«своимъ»*, находившимся все это время въ сильномъ безпокойствѣ и опасавшимся за его участь. Во всѣхъ церквахъ (не исключая и голландской) молились о сохраненіи жизни царя и его благополучномъ возвращеніи. Вечеромъ, 13 іюня, по прибытіи къ острову Соломбальскому, онъ былъ встрѣченъ радостными восклицаніями: *«слава Тебѣ, Господи»* (**). Едва Петръ вступилъ на берегъ, какъ тотчасъ же отправился къ Лефорту, у котораго и провелъ вечеръ.

Въ отсутствіе Петра, въ Архангельскъ прибыли подъ конвоемъ нѣсколько купеческихъ судовъ, или такъ называемый *«весенній караванъ»*; между тѣмъ, мало по малу стали подходить и другія суда, подъ различными флагами, и останавливались на рейдѣ. Между командирами этихъ судовъ и вѣнчаннымъ шкиперомъ съ его приближенными, установились самыя живыя и разнообразныя отношенія.

Прежде всего, въ самый день прибытія своего изъ Соловецкаго монастыря, Петръ посѣтилъ два англійскія судна, находившіяся подъ управленіемъ капитановъ Блэза (Blais) и Шрода (Shrowd). Они угостили царя на славу, при чемъ, какъ сказано, *«не*

(*) Лефортъ отзывается объ этомъ происшествіи съ большою горестью и разсказываетъ о своихъ хлопотахъ по случаю похоронъ, происходившихъ 4 іюля. Покойникъ былъ реформатъ. На его мѣсто былъ вызванъ изъ Москвы докторъ Карбонарій, другъ Гордона.

(*) Подробности этого путешествія и пребыванія Петра на островѣ почерпнуты изъ сочиненія Новикова, стр. 42—50.

(**) На другой же день Петръ собственноручнымъ письмомъ увѣдомилъ брата о счастливомъ прибытіи въ Архангельскъ. Въ этомъ письмѣ находится и вышеупомянутый разсказъ; но Петръ не говоритъ ни слова о бурѣ и опасности, которой подвергался, а только благодаритъ Бога, сохранившаго его жизнь. См. Голикова XI, 4.

щадили ни напитковъ, ни пороху»; при отплытіи Петръ поручилъ Гордону раздать экипажу 30 рублей на водку. Вскорѣ послѣ этого онъ пригласилъ этихъ капитановъ къ себѣ и роскошно угостилъ ихъ.

28 іюня «*новый корабль*», выстроенный въ Архангельскѣ, вышелъ на рейдъ и по этому случаю былъ устроенъ блистательный пиръ у нѣкоего Джона Грима. Въ этомъ и другихъ подобныхъ случаяхъ Петръ съѣзжалъ на берегъ, а остальное время находился обыкновенно на кораблѣ, чтобы познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ корабельною службою и изучить ее на практикѣ. По временамъ были назначаемы артиллерійскія ученья, такъ что «*иногда дѣлали сто выстрѣловъ въ день*». Гдѣ бы ни находился «*великій шкиперъ*», на биржѣ или на рынкѣ, на рейдѣ или верфи, повсюду онъ расспрашивалъ обо всемъ, все осматривалъ и требовалъ объясненій. Съ самыми простыми людьми онъ обходился въ высшей степени просто и дружелюбно. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ Петръ инстинктивно шелъ по тому же пути и къ той же цѣли, къ которой были направлены всѣ высшія стремленія его духа. Онъ почти всегда являлся въ одеждѣ голландскаго матроса; но это показывало не столько его предпочтеніе къ этой націи, какъ образцу порядка, прилежанія и трудолюбія, а скорѣе служило внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго состоянія его духа.

Понятно, что вслѣдствіе знакомства и постоянныхъ сношеній съ людьми, принадлежавшими къ первымъ въ свѣтѣ мореходнымъ и торговымъ народамъ, въ умѣ Петра, обогащенномъ самыми разнообразными познаніями и опытностью, быстро могли возникнуть новыя идеи и новые гигантскіе планы. Не смотря на всѣ мелочныя заботы о технической и практической сторонѣ кораблестроенія и морской службы, которымъ онъ предавался съ удивительною энергіею и рѣдкою добросовѣстностію, мысли его были направлены на совершенно другіе предметы и носили въ себѣ зачатки великихъ дѣлъ и предпріятій. Самое ничтожное занятіе на кораблѣ, которому предавался царь, имѣло единственною цѣлью дать понять своимъ приближеннымъ громадное цивилизующее и политическое значеніе корабля. Лишь только лучи образованности стали проникать и озарять собою смутныя понятія, господствовавшія въ умѣ Петра, какъ зародыши всѣхъ его великихъ стремленій стали съ каждымъ разомъ развиваться все болѣе и болѣе и вскорѣ должны были принести роскошные плоды.

Вникая глубже въ эту таинственную мастерскую, мы увидимъ съ

перваго же взгляда, что одновременно съ любопытствомъ и удовольствіемъ, ощущаемымъ Петромъ при видѣ плавающаго корабля, въ немъ пробудилось совершенно иное чувство. Въ немъ родилось желаніе примѣнить къ дѣлу все изобрѣтенное, выработанное и усвоенное другими націями. Конечно, не трудно понять, на что должны были обратиться эти стремленія, на что дѣйствительно обратились и въ какомъ направленіи должны были развиваться далѣе. Образъ жизни юнаго и отважнаго преобразователя Россіи въ Архангельскѣ вполнѣ обусловливался сферою, въ какую онъ попалъ. Не бряцаніе оружія, не военныя упражненія обращали на себя вниманіе и поражали умъ молодаго царя,—его увлекли интересы образованнаго человѣчества; въ душѣ Петра, предавшагося имъ вполнѣ, они вызвали новый рядъ идей и исполинскихъ плановъ, изъ которыхъ многіе были осуществлены имъ. Безъ сомнѣнія, видъ моря, безпрерывныя занятія на судахъ, ежедневно пріобрѣтаемыя новыя понятія о сущности торговли и накопецъ возникавшія съ разныхъ сторонъ живыя побужденія отыскать средства къ исполненію взятой имъ на себя задачи цивилизовать свой народъ и ввести его въ семью образованныхъ націй въ Европѣ, произвели большое впечатлѣніе на духъ Петра и открыли его взорамъ болѣе широкое поприще дѣятельности. Это доказываютъ намѣренія, выраженныя имъ тотчасъ по возвращеніи въ Архангельскъ. Еще до 4 іюля 1694 года шла рѣчь «о постройкѣ нѣсколькихъ галіотовъ для того, чтобъ сдѣлать на нихъ поѣздку въ Балтійское море и ознакомиться съ торговымъ путемъ изъ.........въ Москву (*)». Мы можемъ передать еще одно извѣстіе, сообщаемое Лефортомъ и относящееся ко времени пребыванія Петра въ Архангельскѣ. Вотъ его слова: «Говорятъ о какомъ то путешествіи въ Казань и Астрахань; можетъ быть, оно будетъ принято чрезъ два года; впрочемъ, я буду всегда готовъ исполнить приказанія». Очевидно, что этотъ планъ былъ еще болѣе развитъ въ Архангельскѣ, потому что чрезъ нѣсколько дней, по возвращеніи съ Петромъ въ Москву, Лефортъ писалъ слѣдующее: «Весь нашъ флотъ состоитъ приблизительно изъ двадцати четырехъ кораблей и галеръ. На слѣдующій годъ будутъ выстроены еще два большіе корабля и двѣ галеры, которые, съ Божьею помощію, будутъ доставлены въ Астрахань; они предназначаются

(*) Такъ писалъ Лефортъ въ письмѣ отъ 4 іюля 1694 г. Слова, обозначенныя точками, нельзя разобрать.

для плаванія по Каспійскому морю, въ видахъ развитія обширной торговли съ Персіею (*)».

Въ этомъ письмѣ въ первый разъ упоминается о званіи адмирала. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Петръ тогда же увидѣлъ, что для осуществленія его плана создать флотъ, онъ нуждается въ вѣрномъ помощникѣ и болѣе правильной системѣ управленія этимъ дѣломъ. Суда и верфи въ Архангельскѣ, Переславлѣ и другихъ мѣстахъ, уже не должны были служить только *«для увеселенія»*; имъ стали придавать болѣе серьезное значеніе и стали ожидать отъ нихъ существенной и дѣйствительной пользы. Три военные корабля въ Архангельскѣ и находившіяся въ Переславлѣ *«красивыя суда»*, число которыхъ положено было увеличить, уже можно было назвать флотомъ, который нуждался въ искусномъ управленіи и въ особомъ начальникѣ, — въ *«настоящемъ»* адмиралѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ Лефортъ пишетъ слѣдующее: (4 іюля) «Меня прочутъ въ адмиралы всѣхъ судовъ Его Величества и говорятъ, что нашъ великій царь Петръ Алексѣевичъ непремѣнно желаетъ этого. Лишь только дѣло будетъ рѣшено, я тотчасъ же сообщу вамъ. Но мѣсто это сопряжено съ большими заботами и трудами, потому что здѣсь (въ Архангельскѣ) стоитъ цѣлый флотъ, а въ Переславлѣ находятся также очень хорошія суда. Конечно, мое повышеніе будетъ еще значительнѣе, потому что я буду сдѣланъ генераломъ и адмираломъ». По мѣрѣ того, какъ развивались планы и стремленія *«великаго шкипера»*, о которыхъ упомянуто выше, тѣмъ опредѣленнѣе высказывались намѣренія Петра относительно главнаго управленія морскимъ дѣломъ. Безъ сомнѣнія, слѣдующій фактъ, сообщаемый Лефортомъ въ его письмѣ изъ Москвы, относится еще ко времени пребыванія его въ Архангельскѣ: «Хотятъ непремѣнно, говоритъ онъ, чтобы я принялъ должность адмирала; я отклонился отъ нея, но Ихъ Величества желаютъ этого, во чтобы то ни стало. Назначеніе это увеличитъ мое содержаніе и будетъ для меня большою почестью. Мнѣ поручено уже главное начальство надъ всѣми судами. Въ первый же праздникъ я буду назначенъ въ эту должность и назначеніе мое будетъ сопровождаться большою церемоніею». Упомянувъ объ экспедиціи въ Астрахань, онъ продолжаетъ: «я буду руководить всѣмъ этимъ предпріятіемъ, и потому отправлюсь туда (въ Астрахань) въ званіи

(*) Письмо писано 13 сентября 1694 г.

генерала, по всей вѣроятности адмирала. Мой корабль будетъ названъ по нашему гербу (*) «Слономъ»; онъ будетъ весь позолоченъ (tout doré) и снабженъ экипажемъ изъ опытныхъ голландскихъ матросовъ. Его Величество займетъ должность капитана; многіе изъ бояръ примутъ участіе въ экспедиціи. Если найдутся лица, знакомыя съ морскою службою, то они будутъ приняты съ удовольствіемъ, какъ вообще и всѣ удальцы» (*).

Каковъ бы ни былъ образъ жизни Петра Великаго въ Архангельскѣ, въ качествѣ «*шкипера*», во время ожиданія изъ Амстердама фрегата, во всякомъ случаѣ эти свѣдѣнія о его обширныхъ планахъ и дальновидныхъ предпріятіяхъ (все равно, были ли они приведены въ исполненіе или нѣтъ) представляютъ намъ его въ истинномъ свѣтѣ.

Наконецъ послѣ тридцати-девяти дневнаго перехода давно ожидаемый фрегатъ прибылъ въ Архангельскъ, и 21 іюля при сильной пушечной пальбѣ бросилъ якорь у Соломбальскаго острова. Прибытіе его возбудило всеобщую радость. Какимъ образомъ проявилась эта радость, можно видѣть изъ письма Петра къ Виніусу, писаннаго въ день прихода фрегата и отправленнаго съ нарочнымъ, который долженъ былъ извѣстить Іоанна Алексѣевича о томъ, что морская поѣздка будетъ предпринята въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ письмѣ этомъ между прочимъ говорится: «Пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ, а нынѣ обвеселяся, пространно неудобно писать, паче же и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати». Это письмо имѣло слѣдующую подпись:

«Schi Per Fonchi Psantus Profet itics».

Очевидно, что эта подпись (которая, будучи правильно написана, должна значить: sshiper von ship santus profetities) служитъ доказательствомъ, что новое судно, о которомъ здѣсь безъ сомнѣнія идетъ рѣчь, или уже называлось, или было названо «*Святое пророчество*», и что Петръ находился на немъ въ качествѣ шкипера, по обыкновенію не дозволяя называть себя другимъ именемъ.

(*) Гербъ фамиліи Лефортъ изображаетъ слона, стоящаго у дерева. Въ этомъ году (1694), въ немъ произошли большія измѣненія: генералъ Лефортъ придѣлалъ къ слону изображеніе высокой башни и помѣстилъ еще надъ короною двуглаваго орла, конечно, съ разрѣшенія царя.

(*) См. Приложеніе Д. въ особ. изд.

Если на основаніи этого свидѣтельства можно сказать утвердительно, что красивый фрегатъ, пришедшій изъ Голландіи, назывался «Св. пророчество», то съ другой стороны нельзя же не обратить вниманія на то, что это извѣстіе единственное. Ни отъ этого, ни отъ послѣдующаго за тѣмъ времени нѣтъ никакихъ другихъ свѣдѣній, относительно этого пункта. Надо замѣтить, что генералъ Гордонъ, говоря объ этомъ суднѣ, каждый разъ употребляетъ выраженіе: «корабль Его Величества» или «адмиральскій корабль», и послѣднее наименованіе было очевидно сопряжено съ ролью, которую Гордонъ приписываетъ князю Ромодановскому (*).

По прибытіи голландскаго фрегата, Петръ еще съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать осуществленія предположеннаго морскаго путешествія. По словамъ Лефорта, всѣ необходимыя приготовленія производились съ такою быстротою, «что, по прошествіи трехъ дней, можно было уже сѣсть на суда». Предъ отъѣздомъ Лефортъ долженъ былъ устроить на своемъ кораблѣ большой пиръ и «угостить общество».

Между тѣмъ встрѣтились препятствія. Путешествіе надо было отсрочить не столько по причинѣ замедленія въ доставкѣ провіанта, сколько вслѣдствіе исправленій, производившихся на фрегатѣ, и желанія Петра,

---

(*) Изъ письма Петра къ Виніусу видно, что фрегатомъ, пришедшимъ въ Архангельскъ, управлялъ «Jan Flam»; на фрегатѣ было 44 пушки и 40 матросовъ. Такимъ образомъ самъ Петръ сообщаетъ главнѣйшія подробности о новомъ кораблѣ. Все это не согласуется съ мнѣніемъ г. Устрялова, что будто бы Виніусъ велъ съ бургомистромъ Витценомъ всѣ переговоры по покупкѣ или постройкѣ ожидаемаго изъ Голландіи фрегата. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать, что Виніусъ долженъ былъ извѣстить Петра, а не на оборотъ. О Лефортѣ вовсе не упоминается, и слѣдовательно, по мнѣнію г. Устрялова, надо полагать, что онъ не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Но обо всемъ этомъ уже сказано и прибавлять нечего. При этомъ возникаетъ вопросъ, можно ли назвать «капитаномъ» фрегата лоцмана, о которомъ говорится въ упомянутомъ письмѣ Витцена къ Лефорту. Что касается его имени, то въ этомъ документѣ онъ называется «Янъ Флямингъ» (Jean Vlaming); этимъ же именемъ постоянно называетъ его впослѣдствіи Лефортъ, но только съ тою разницею, что имя Vlaming иногда встрѣчается у него съ двойнымъ *«m»*. Въ письмѣ своемъ къ Виніусу и, гораздо позже, въ предисловіи къ морскому регламенту, Петръ называетъ его *«Яномъ Фламомъ»* (Jan Flam). Мы наводили самыя тщательныя справки какъ о настоящемъ имени, такъ и лицѣ, носившемъ его; но вслѣдствіе совершеннаго недостатка свѣдѣній объ этомъ лицѣ,— даже Шсельтема ничего не говоритъ о немъ,—мы должны, при рѣшеніи вопроса о его имени, руководствоваться только большей или меньшей достовѣрностью и точностью уже существующихъ источниковъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что теперешніе соотечественники его не признаютъ имени «Фламъ» (Flam) голландскимъ.

чтобы его сопровождали на нѣкоторое разстояніе иностранныя суда, возвращавшіяся изъ Архангельска. Только 10 августа суда были въ состояніи тронуться съ мѣста и спуститься внизъ по рѣкѣ. Но здѣсь произошла новая задержка. Суда не могли перейти черезъ баръ и должны были стать на якорь въ рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока 14 числа не задулъ попутный вѣтеръ. Между тѣмъ были сдѣланы и нѣкоторыя распоряженія относительно плаванія и самъ Петръ былъ на кораблѣ Гордона, чтобы лично передать ему составленныя на русскомъ языкѣ инструкціи или сигналы, съ которыми должно было соображаться во время путешествія. Гордонъ долженъ былъ перевести ихъ на англійскій языкъ въ четырехъ экземплярахъ для англійскихъ капитановъ.

«Великій шкиперъ» для своей давно желаемой морской поѣздки, продолжительность которой по многимъ причинамъ должна была быть значительно ограничена, имѣлъ въ своемъ распоряженіи, уже нѣсколько разъ упомянутые, три корабля. Но, пользуясь тѣмъ, что восемь иностранныхъ купеческихъ судовъ изъявили свою готовность сопровождать его, онъ думалъ образовать для себя довольно значительную эскадру и насладиться картиною, которая, весьма понятно, столько же радовала его, сколько и просвѣщала его умъ. Во время плаванія всѣ эти суда должны были держаться слѣдующаго порядка: судно, выстроенное въ Архангельскѣ и находившееся подъ начальствомъ Бутурлина, должно было идти впереди и вести эскадру; за нимъ должны были слѣдовать четыре голландскихъ (dutch) судна, а послѣ нихъ фрегатъ, пришедшій изъ Голландіи, въ сопровожденіи четырехъ англійскихъ кораблей; наконецъ яхта «*Св. Петръ*» должна была замыкать собою эскадру. Упоминая объ этомъ, генералъ Гордонъ выражается такъ: «впереди вице-адмиралъ; потомъ четыре голландскіе корабля; за тѣмъ адмиралъ; послѣ него четыре англійскіе корабля и наконецъ я съ яхтою». Далѣе мы читаемъ, что съ адмиральскаго корабля (т. е. съ фрегата, находившагося подъ командою Лефорта) отдавались всѣ приказанія и сигналы.

Утромъ 14 августа, миновавъ баръ, эскадра могла тотчасъ же продолжать свое плаваніе въ открытое море, въ описанномъ выше порядкѣ, а къ вечеру того же дня она находилась уже на разстояніи двѣнадцати миль отъ устья рѣки. На слѣдующее утро, при свѣжемъ вѣтрѣ, они были застигнуты такимъ сильнымъ туманомъ, что нужно было дѣлать всѣ возможные сигналы (пушечными выстрѣлами, барабаннымъ боемъ

и трубами), чтобы держать суда вмѣстѣ. Чрезъ нѣсколько времени проглянуло солнце, туманъ разсѣялся и флотъ могъ продолжать плаваніе (*).

Суда прошли мимо трехъ острововъ, куда ѣздилъ Петръ въ предшествовавшемъ году и, плывя большую часть въ недальнемъ разстояніи отъ берега, 16 августа достигли мыса Орловъ-носъ. Въ тотъ же самый день, — это происходило послѣ обѣда, — Петръ созвалъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено: «въ случаѣ противнаго или сильнаго вѣтра, мы должны», такъ говоритъ Гордонъ, «повернуть назадъ, оставивъ купеческія суда продолжать свой путь. Сигналомъ къ тому должны были служить пять пушечныхъ выстрѣловъ съ адмиральскаго корабля, а днемъ еще флагъ, поднятый на бизань-мачтѣ».

На слѣдующее утро, когда эскадра достигла мыса Святой носъ, въ 17-ти миляхъ къ сѣверу отъ Орлова Носа, поднялся сильный и немного противный вѣтеръ». Вслѣдъ за тѣмъ раздались пять условныхъ выстрѣловъ, «чему», какъ говоритъ Гордонъ, «мы сильно обрадовались».

Поспѣшное возвращеніе Петра слѣдуетъ приписать слишкомъ раннему наступленію дурной и холодной погоды. Это подтверждается тѣмъ, что Гордонъ въ своемъ дневникѣ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — долинахъ и низменностяхъ — берегъ былъ покрытъ снѣгомъ.

Лишь только былъ данъ назначенный сигналъ, какъ раздались выстрѣлы со всѣхъ орудій эскадры въ знакъ взаимнаго прощанія и иностранные корабли пустились въ дальнѣйшій путь, а эскадра Петра повернула обратно. Сильный вѣтеръ, затруднявшій прежде плаваніе, сдѣлался попутнымъ, и къ вечеру эскадра находилась уже въ виду Крестоваго острова; на слѣдующій день наступило совершенное безвѣтріе, но, несмотря на то, суда все-таки потеряли другъ друга изъ виду. Когда же, 19-го числа, подулъ сильный южный вѣтеръ, несчастный генералъ Гордонъ вторично подвергся большой опасности и

(*) Кажется, что во время этого тумана только одинъ Гордонъ со своею яхтою подвергался значительной опасности. По невѣрности компасовъ, судно его, какъ утверждалъ лоцманъ, подошло слишкомъ близко къ землѣ, такъ что оно находилось только на разстояніи одной сажени отъ скалистаго берега Крестоваго острова и должно было стать на якорь. Послѣ того судно прошло между островомъ и твердою землею и снова вышло въ открытое море и соединилось съ эскадрою, которая поджидала яхту. Старый воинъ находился въ большомъ страхѣ, какъ онъ самъ откровенно говоритъ объ этомъ въ своемъ Дневникѣ. Ч. II, стр. 472.

былъ принужденъ стать на якорь, что, впрочемъ, дало ему время и возможность высадиться на берегъ. 20-го числа, на разсвѣтѣ, вѣтеръ перемѣнился и Гордонъ, поставивъ паруса, снова присоединился къ эскадрѣ, вмѣстѣ съ которою и продолжалъ плаваніе до внутренней стороны бара, гдѣ, вслѣдствіе безвѣтрія и приближенія отлива, суда снова должны были стать на якорь. Наконецъ 21-го эскадра подалась вверхъ по рѣкѣ; при этомъ вице-адмиралъ наткнулся на мель близъ Крестоваго острова, гдѣ находился сторожевой постъ. То же самое случилось и съ контръ-адмираломъ, который однако скоро снялся съ мели и бросилъ якорь у Соломбальскаго острова, подлѣ адмирала, тогда какъ корабль вице-адмирала пришелъ къ городу только на другой день въ двѣнадцать часовъ.

Такъ окончилась первая достопамятная прогулка преобразователя Россіи по стихіи, на которую, въ продолженіе всей его жизни, онъ смотрѣлъ какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ цивилизующихъ элементовъ. Какъ бы ни было кратковременно его пребываніе на морѣ и ничтожно пройденное имъ пространство, поѣздка эта, вмѣстѣ съ занятіями и предпріятіями Петра въ Архангельскѣ, служитъ яснымъ доказательствомъ наступленія новаго фазиса въ развитіи Петра I. Видъ моря возбудилъ много новыхъ мыслей въ душѣ молодаго царя, тотчасъ же внушилъ ему планы, о всѣхъ послѣдствіяхъ которыхъ онъ едва могъ имѣть тогда ясное понятіе, но которые такъ живо напечатлѣлись въ его воспріимчивомъ умѣ, что уже не могли остаться неосуществимыми.

Весьма вѣроятно, что великаго шкипера привлекали на сѣверное прибрежье его государства славныя воспоминанія о нѣкогда могущественномъ на морѣ ганзейскомъ союзѣ и его цвѣтущей торговлѣ съ Россіею. У всѣхъ народовъ западной Европы воспоминанія объ этомъ времени были еще живы и не могли не казаться имъ главнымъ и самымъ необходимымъ условіемъ для промышленнаго возрожденія Россіи. Балтійское море, къ обладанію берегами котораго сильно стремились еще предшественники Петра, было прежде центромъ ганзейской торговли. Поэтому очень легко можетъ быть, что первымъ желаніемъ Петра, какъ уже мы говорили выше, было посѣтить это море, и притомъ, съ положительно доказанною торговою цѣлью. Было ли приступлено немедленно къ постройкѣ *«нѣсколькихъ галіотовъ»*, о которыхъ идетъ рѣчь, неизвѣстно; впрочемъ, вопросъ о томъ не имѣетъ большой важности, потому что вскорѣ за тѣмъ Петръ, какъ кажется, составилъ

другой планъ, и оставивъ сѣверъ, обратилъ свои взоры на югъ. Въ памяти окружавшихъ Петра лицъ были еще живы преданія о прежнихъ попыткахъ возстановить торговый путь въ Персію по Волгѣ и Каспійскому морю, въ которыхъ принимали участіе и многіе иностранцы. Англичане и голландцы, находившіеся въ то время при Петрѣ Великомъ, конечно не упускали случая и возможности содѣйствовать открытію этого новаго поприща для ихъ предпріимчивости и промышленной дѣятельности. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Петръ перемѣнилъ свое намѣреніе и обратилъ вниманіе на югъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя обстоятельства, по видимому, позволяли надѣяться на благополучный исходъ предпріятія. Это предположеніе подтверждается и предварительными распоряженіями сообщаемыми Лефортомъ и вполнѣ раскрывающими предъ нами все происходившее въ то время въ душѣ Петра, уже обогащеннаго опытомъ и познаніями. Съ этою мыслью юный монархъ поспѣшилъ въ Москву, чтобъ предаться тамъ совершенно новымъ занятіямъ.

26 Августа онъ выѣхалъ изъ Архангельска сухимъ путемъ, въ сопровожденіи небольшой свиты, въ которой находился Лефортъ, а уже 5 сентября, по словамъ Лефорта, прибылъ въ столицу. Остальная свита, совершившая обратный путь до Вологды водою, прибыла въ Москву нѣсколько позже. Генералъ Гордонъ прибылъ туда 11 сентября, вечеромъ, хотя выѣхалъ изъ Архангельска еще 24 августа и 30 числа того же мѣсяца, оставивъ свое судно на рѣкѣ Пендѣ, близъ Вологды, съ нѣсколькими офицерами отправился далѣе на повозкахъ.

Извѣстно, на что преимущественно обратилъ вниманіе Петръ по своемъ пріѣздѣ въ Москву. Онъ снова сдѣлался первымъ бомбардиромъ и, желая испытать состояніе своихъ вновь организованныхъ войскъ, устроилъ подъ Кожуховымъ маневры. Эти маневры, уже подробно описанные прежними историками, продолжались три недѣли (съ 26 сентября по 18 октября) и тотчасъ по окончаніи ихъ, а можетъ быть и ранѣе, былъ составленъ планъ совершенно новаго предпріятія; рѣшено было начать войну съ Турціею и татарами.

Каковы бы ни были международныя отношенія и политическія соображенія побудившія наконецъ Петра рѣшиться на такое предпріятіе, нѣтъ сомнѣнія, что первая мысль о немъ явилась въ умѣ Петра еще въ Архангельскѣ, подъ вліяніемъ всего видѣннаго и узнаннаго имъ во время пребыванія на Бѣломъ морѣ. При этомъ имѣлась

въ виду та же самая цѣль, которая лежала въ основаніи всѣхъ его плановъ объ упроченіи торговой дѣятельности на югѣ или на сѣверѣ и развитіи силъ своего народа. Теперь былъ только избранъ новый пунктъ для атаки, и выборъ этотъ обусловливался извѣстными обстоятельствами. Предположенное плаваніе по Каспійскому морю было на время отложено и вмѣсто того все вниманіе было обращено на Черное море. На этомъ морѣ господствовали нѣкогда славяне. Они не только совершали на немъ отважные подвиги и нѣсколько разъ вступали въ борьбу съ греческою имперіею, но и вели оживленную торговлю съ прибрежными государствами. Впадавшія въ него, принадлежавшія Россіи, большія рѣки, какъ напримѣръ: Донъ и Днѣпръ, представляя всѣ удобства для плаванія и развитія всѣхъ предпріятій, служили прежде естественными началами для сбыта на югъ произведеній самыхъ плодородныхъ областей Россіи и способствовали развитію судоходства и торговли. Живыя воспоминанія и преданія объ этой счастливой эпохѣ переходили изъ рода въ родъ, и при томъ сохранялись болѣе въ народѣ, нежели между высшими и правительственными классами. Русскій простолюдинъ сохранилъ еще въ своихъ пѣсняхъ воспоминанія объ этихъ героическихъ временахъ своей исторіи и скорбѣлъ о тогдашнемъ положеніи страны, сознавая и чувствуя свое несчастное положеніе въ южныхъ областяхъ Россіи! Поэтому народъ съ радостью и надеждою встрѣтилъ освободителя отъ гнета бѣдности и позора, которыхъ онъ такъ долго былъ жертвою.

Петръ Великій былъ первымъ русскимъ царемъ, старавшимся сблизиться съ народомъ для того, чтобы образовать и себя и его. Назначеніе Петра и настоящее его удовольствіе состояли въ томъ, чтобъ трудиться и созидать вмѣстѣ съ народомъ. Живя съ народомъ, онъ слышалъ, а можетъ быть, и самъ пѣвалъ пѣсни его о прошедшемъ. Этотъ человѣкъ вступилъ наконецъ на кровавое поприще войны, но выступилъ на него только тогда, когда могъ быть вполнѣ увѣренъ, что этимъ доставитъ миръ государству. Избравъ своею главною задачею усмирить хищныхъ враговъ своихъ подданныхъ, обезпечить ихъ жизнь и имущество и отмстить за многолѣтнее униженіе, онъ, по своимъ понятіямъ, могъ считать ее выполненною только въ томъ случаѣ, когда побѣда надъ варварами доставила бы его народу новую эпоху мира. Предпринимая этотъ походъ, онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти на берегу Черпаго или Азовскаго моря укрѣпленный пунктъ, гдѣ бы гра-

ницы его государства прикасались къ морю, къ свободному обладанію которымъ, на югѣ или на сѣверѣ, онъ такъ стремился.

Война съ Турціею и татарами имѣла цѣлью пріобрѣтеніе на Черномъ морѣ порта, который могъ бы сдѣлаться средоточіемъ черноморской торговли, объ оживленіи и развитіи которой мечталъ Петръ. Слѣдуя указаніямъ и внушеніямъ своего друга Лефорта (какъ говорятъ дошедшія до насъ извѣстія), онъ избралъ для этой цѣли непріятельскую крѣпость, лежавшую при впаденіи Дона въ Азовское море. Значеніе этого великаго, смѣлаго предпріятія, которое заслуживаетъ самой высшей похвалы, было недоступно пониманію большинства лицъ, окружавшихъ Петра, и потому этотъ планъ долгое время держался въ тайнѣ, которой требовали особенныя стратегическія условія настоящаго предпріятія.

Въ Москвѣ говорили только о вооруженіяхъ и приготовленіяхъ къ походу противъ крымскихъ татаръ. Исходъ перваго азовскаго похода въ 1695 году извѣстенъ; усилія и мужественный порывъ Петра не увѣнчались успѣхомъ, и онъ былъ принужденъ снять осаду крѣпости, стоившую такъ много крови. Онъ отступилъ отъ Азова съ огромными потерями, но нисколько не упавъ духомъ, а напротивъ съ твердою рѣшимостью явиться туда на слѣдующій годъ и продолжать осаду. При этомъ всего важнѣе было то, что онъ вполнѣ сознавалъ сдѣланныя имъ ошибки и очевидные недостатки своей арміи, безъ устраненія которыхъ онъ едва ли могъ надѣяться достигнуть своей цѣли. Извѣстно (*), какимъ образомъ была устранена на слѣдующій годъ главная ошибка перваго похода, заключавшаяся въ организаціи командованія арміею; во второмъ надлежало также отстранить недостатокъ въ инженерахъ, который былъ очень ощутителенъ. Но главное условіе дальнѣйшаго успѣха предпріятія противъ Азова заключалось въ содѣйствіи флота; поэтому рѣшено было не подступать на будущій годъ къ Азову и не начинать войны, прежде чѣмъ будетъ готовъ флотъ. Дѣйствительно, надо было много смѣлости, чтобъ могла зародиться мысль создать въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ, къ тому же зимнихъ, морскую силу, которая соотвѣтствовала бы своему назначенію и была бы въ состояніи вступить въ бой и помѣряться силами съ непріятельскимъ флотомъ. Первое положительное извѣстіе объ этомъ предпріятіи,

---

(*) Первый азовскій походъ подробно описанъ въ другой главѣ этого сочиненія, и потому мы не будемъ здѣсь распространяться о немъ.

мы находимъ въ письмѣ Лефорта, отъ 6 декабря 1695 года (какъ извѣстно, Петръ возвратился въ Москву 22 ноября). Сообщая о намѣреніи царя возобновить походъ, Лефортъ говоритъ: «я надѣюсь, что Азовъ будетъ держаться недолго; осаду полагаютъ начать прежде, чѣмъ успѣютъ прибыть подкрѣпленія; флотъ пройдетъ въ море мимо Азова; имъ будетъ начальствовать адмиралъ». Онъ говоритъ далѣе, «что близъ устья (Дона), т. е. на разстояніи одного пути, находится нѣсколько небольшихъ городовъ; на лѣвомъ берегу обитаютъ кубанцы и черкесы; противъ нихъ сдѣлаютъ нѣсколько высадокъ, въ которыхъ быть можетъ мнѣ придется участвовать. Вѣроятно Его Царское Величество будетъ разъѣзжать по морю на галерѣ, и такимъ образомъ я не буду отъ него отлучаться». Судя по этому письму, было рѣшено какъ можно скорѣе достигнуть Азовскаго моря вмѣстѣ съ флотомъ, состоявшимъ только изъ галеръ, и заградить входъ въ рѣку до прибытія къ туркамъ помощи. Но гдѣ было взять суда и войско, необходимыя для этого предпріятія? Ни того, ни другаго не было. Между тѣмъ были сдѣланы распоряженія о постройкѣ и вооруженіи судовъ и назначено мѣсто, удобное для устройства верфи.

Центромъ новой дѣятельности избранъ былъ Воронежъ, довольно значительный городъ, на небольшой рѣкѣ того же имени, въ 496 верстахъ къ югу отъ Москвы. На берегу этой небольшой рѣки надлежало создать флотъ, который, спустившись на небольшое пространство, внизъ по рѣкѣ, долженъ былъ войти въ Донъ, и плыть по немъ до самаго Азова. Но главная забота состояла въ томъ, чтобы пріискать капитановъ и корабельныхъ мастеровъ. Первыхъ можно было найти только за границею, за кораблестроителями же тотчасъ обратились въ Архангельскъ, гдѣ на верфи Соломбальскаго острова даже съ отъѣздомъ Петра не прекращалась дѣятельность. Работы на верфи быстро подвигались впередъ и воевода Апраксинъ старался какъ можно поспѣшнѣе приводить въ исполненіе планы и приказанія царя, нанимая для этого иностранныхъ мастеровъ, голландцевъ и англичанъ. Зная это, Петръ писалъ еще 30 ноября въ Архангельскъ: «Min Herr Gubernor Archangel: По невозвращеніи отъ невзятія Азова, съ консиліи господъ генераловъ, указано мнѣ къ будущей войнѣ дѣлать галеи; для чего удобно мню быть шхиптиммермановъ всѣмъ отъ васъ сюды: понеже они сіе зимнее время туне будутъ препровождать, а здѣсь тѣмъ временемъ великую пользу къ войнѣ

учинить; а кормъ и за труды заплата будетъ довольная и ко времени отшествія кораблей возвращены будутъ безъ задержанія и тѣмъ ихъ обнадежь и подводы дай и на дорогу кормъ» (*). Хотя эти люди, какъ полагалъ и ожидалъ самъ Петръ, могли пріѣхать очень скоро и тотчасъ же быть отправлены въ Воронежъ на работы, чего впрочемъ въ дѣйствительности не было, для Петра было важнѣе, какъ можно скорѣе призвать изъ за границы *«ловкихъ и опытныхъ капитановъ и корабельныхъ мастеровъ»*. Обратившись къ различнымъ дворамъ съ просьбою о присылкѣ ему знающихъ инженеровъ и саперовъ, онъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы сформировать экипажи и для этого адресовался въ Голландію и Данію.

Петръ могъ надѣяться, что желаніе его будетъ скорѣе всего исполнено Голландіею, благодаря бургомистру Витцену, который никогда не отказывалъ въ своемъ дѣятельномъ содѣйствіи и на котораго Лефортъ имѣлъ сильное вліяніе. Вслѣдствіе этого Лефортъ долженъ былъ тотчасъ же написать въ Амстердамъ, чтобы чрезъ посредство бургомистра какъ можно скорѣе пригласить на службу его царскаго величества, нѣсколькихъ человѣкъ, знакомыхъ съ морскимъ дѣломъ и уже служившихъ генеральнымъ штатамъ или частнымъ лицамъ. Объ этомъ было писано въ Голландію 6-го декабря. Мы не можемъ сказать положительно, велъ ли Лефортъ объ этомъ переписку съ Даніею, но, судя по жалобамъ на то, что, не смотря на его болѣзнь, ему приходится писать такъ много писемъ въ различныя мѣста, «для того, чтобы доставить царю удовольствіе», предположеніе это имѣетъ за собою нѣкоторое вѣроятіе.

Для предстоящаго похода предназначалось выстроить болѣе тысячи струговъ; эти рѣчныя суда строились на берегахъ рѣкъ или даже въ лѣсахъ, простыми плотниками, изъ одного лишь лѣса, безъ малѣйшаго присутствія желѣза. Окончаніе этихъ работъ въ столь короткое время конечно было не легко, но одновременно съ ними надлежало

(*) См. Голикова, Дѣянія, ч. X, стр. 10. Слова: «ко времени отшествія кораблей возвращены будутъ безъ задержанія», безспорно могутъ относиться только до отправленія флота къ Азову. Трудно предположить, какъ это дѣлаетъ г. Устряловъ, чтобъ слова эти относились къ отправленію изъ Архангельска купеческихъ судовъ, такъ какъ это обстоятельство вовсе не касалось корабельныхъ мастеровъ. Этими словами Петръ хотѣлъ сказать, что по окончаніи работъ онъ отправитъ людей обратно къ ихъ прежнимъ занятіямъ и не будетъ ихъ держать долѣе. Въ тоже время слова эти служатъ доказательствомъ, что иностранцы неохотно отправлялись во внутрь страны.

исполнить еще болѣе важную задачу: сформировать и обучить отрядъ матросовъ или морской баталіонъ. Такъ какъ этому баталіону предстояло нести службу не только на судахъ, но и на сухомъ пути, какъ это мы увидимъ ниже, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ сформированъ изъ солдатъ новыхъ регулярныхъ войскъ. Въ составъ баталіона должна была войти и часть отборнаго полка Лефорта, который самъ опредѣляетъ число людей своего полка, предназначенныхъ къ службѣ на судахъ, то въ четыре, то въ пять тысячъ человѣкъ; кромѣ этихъ людей или въ числѣ ихъ (что, впрочемъ, остается нерѣшеннымъ), для службы на судахъ назначено было извѣстное число солдатъ изъ потѣшныхъ полковъ, а именно изъ бомбардировъ, которые, будучи констабелями во время втораго путешествія въ Архангельскъ, уже ознакомились съ морскимъ дѣломъ и теперь должны были показать на дѣлѣ въ какой мѣрѣ были въ состояніи нести морскую службу. Они были первыми артиллеристами, канонирами, принимавшими участіе въ прошлогоднемъ походѣ, а теперь должны были составлять на судахъ прислугу при орудіяхъ и дѣйствовать ими противъ непріятельскихъ кораблей.

На самомъ дѣлѣ нѣтъ нужды перечислять всѣ предметы и условія, необходимыя при тогдашнихъ обстоятельствахъ для успѣшнаго окончанія похода и о которыхъ Петръ долженъ былъ въ особенности позаботиться. Какъ бы много Петръ ни чувствовалъ въ себѣ внутреннихъ силъ для того, чтобъ быть творцомъ всѣхъ новыхъ предпріятій и превозмочь сопряженныя съ ними невыразимыя затрудненія и препятствія, онъ все-таки былъ далекъ отъ того, чтобъ не признавать необходимости въ энергической и осязательной помощи. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ убѣжденъ, что въ числѣ окружавшихъ его были люди, на силу воли, истинную преданность, опытность и благородство духа которыхъ онъ могъ положиться; хотя между ними и не было личностей, которыя могли бы, какъ люди, вполнѣ знающіе свое дѣло, успѣшно содѣйствовать осуществленію предстоящей цѣли, но это обстоятельство нисколько не устрашало его. Какъ человѣкъ, одаренный необыкновенно дѣятельнымъ характеромъ, Петръ, стараясь усвоить себѣ познанія, опытность, и умѣнье исключительно путемъ практики, непосредственнымъ сближеніемъ съ самымъ дѣломъ и своимъ личнымъ трудомъ, непреклонно и съ полноюувѣренностью шелъ впередъ по избранному пути и въ особенности цѣнилъ въ своихъ помощникахъ энергію и готовность къ

самопожертвованію. Зная кому въ этомъ отношеніи болѣе всего довѣрялъ Петръ, и кто по качествамъ своимъ стоялъ ближе всѣхъ къ царю, мы поймемъ, что и теперь то же самое лицо должно было занять первое мѣсто между помощниками Петра. Вновь созданный флотъ нуждался въ руководителѣ, въ лицѣ особаго начальника или адмирала. На кого же слѣдовало возложить такую обязанность, и можно ли было найдти въ Москвѣ человѣка, знакомаго съ морскимъ дѣломъ и способнаго занять подобную должность? Такъ какъ пріискать такого человѣка за границею было невозможно, то что же должно было руководить царя въ этомъ выборѣ? безъ сомнѣнія, способности и качества, которыя, будучи соединены съ познаніями и опытностью въ морскомъ дѣлѣ, могли бы представлять наиболѣе ручательствъ въ добросовѣстномъ и точномъ исполненіи трудныхъ обязанностей адмирала.

Изъ письма Лефорта, отъ 6-го декабря 1695 года, видно, что еще тогда было рѣшено идти флоту къ Азову подъ начальствомъ адмирала; но въ немъ не названо лицо, назначенное на эту должность. Чрезъ восемь дней послѣ того (14-го декабря), происходило у Лефорта совѣщаніе о выборѣ генералиссимуса и адмирала. Генералъ Гордонъ, говоря въ своемъ дневникѣ объ этомъ засѣданіи, сообщаетъ очень подробно о результатѣ его, относительно выбора главнокомандующаго арміею, назначенной въ походъ противъ Азова; но совершенно умалчиваетъ о назначеніи адмирала, говоря только въ общихъ чертахъ, что «дѣло было уже рѣшено заранѣе».

За тѣмъ остается рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли былъ назначенъ тогда начальникъ флота, и кто именно? При совершенномъ недостаткѣ точныхъ свѣдѣній объ этомъ, мы можемъ основывать свои соображенія только на томъ фактѣ, что еще въ январѣ мѣсяцѣ 1696 г., извѣстіе о назначеніи Лефорта адмираломъ дошло до Амстердама, а можетъ быть и до бургомистра Витцена, при сообщеніи ему вышеупомянутыхъ желаній и порученій, и до купца Туртона, который почелъ долгомъ тотчасъ же написать письмо въ Женеву къ синдику Лефорту, поздравляя его съ новымъ повышеніемъ его брата (*).

(*) Молчаніе генерала Гордона объ этомъ событіи (см. Дневникъ ч. II, стр. 639), нисколько не противорѣчитъ нашему мнѣнію, а скорѣе служитъ подтвержденіемъ того, что адмираломъ былъ назначенъ Лефортъ. Назначеніе генералиссимомъ боярина Шеина положительно не соотвѣтствовало желаніямъ и ожиданіямъ Гордона, судя по всему, еще менѣе Лефорта, который, вслѣдствіе того, занялъ совершенно особое, самостоятельное положеніе; въ Дневникѣ о Лефортѣ, какъ объ адмиралѣ, упоминается всего одинъ разъ.

Первое письмо Лефорта съ подписью: «генералъ и адмиралъ» относится къ 28 февраля 1696 года (*): «Его Величеству, «пишетъ онъ своему брату Ами», угодно было назначить меня адмираломъ, и я начальствую надъ галерами. Ихъ около тридцати, кромѣ множества другихъ судовъ (batiments). Подъ моимъ начальствомъ находится около четырнадцати тысячъ отборныхъ людей» (**). Послѣ этого онъ присовокупляетъ: «флотъ будетъ стоять при устьѣ (рѣки) у самаго моря, для того, чтобъ не подпустить къ городу никакихъ подкрѣпленій. Я помѣщу четыре тысячи человѣкъ въ шанцахъ, которыя устрою при устьѣ». Такъ какъ племянникъ его, Петръ, въ своихъ письмахъ, отъ тѣхъ же чиселъ, говоритъ то же самое, то въ описаніи его слѣдуетъ обратить вниманіе только на то, что онъ называетъ своего дядю Admiral en mer, прибавляя, что его величество, съ цѣлью придать этому названію болѣе дѣйствительной власти, приказалъ отстроить для него здѣсь тридцать двѣ галеры (⁎). Далѣе онъ говоритъ, что означенные галеры должны въ этомъ году находиться уже у береговъ Чернаго моря, очистить ихъ отъ непріятеля (les nettoyer) и сдѣлать море безопаснымъ отъ турецкихъ судовъ (*⁎).

Ненадо забывать того, что хотя Лефортъ и принималъ дѣятельное участіе во приготовленіяхъ происходившемъ къ походу, въ Москвѣ, но что въ это время онъ былъ сильно боленъ. Во время страшнаго отступленія отъ Азова, проходя въ продолженіе трехъ недѣль по степямъ, онъ упалъ на камень и повредилъ себѣ правый бокъ, вслѣдствіе чего у него около живота образовался нарывъ. Предстоявшее ему далекое и чрезвычайно трудное путешествіе до того усилили его болѣзнь, что, судя по письму его, отъ 6-го декабря, онъ былъ въ такомъ опасномъ положеніи, что долженъ былъ пригласить къ себѣ всѣхъ докторовъ и хирурговъ, которые покрыли его пластырями. Онъ не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью. Боли постоянно усиливались, и только 28 февраля онъ былъ въ состояніи написать, но только на колѣнахъ, слѣдующее письмо: «Слава Богу, нарывъ лопнулъ: отверстіе очень велико, и изъ него выходитъ много матеріи; это случилось недавно. Между тѣмъ, я надѣюсь, что здоровье

(*) См. приложеніе Е.

(**) Онъ выражается такъ: «J'ai environs quinze mille hommes de gens choisis».

(⁎) «Sa Majesté a fait construire ici 32 galères».

(*⁎) «Et faire en sorte que la mer soit libre».

мое недѣли черезъ двѣ возстановится, и тогда я тотчасъ же отправлюсь въ азовскій походъ» (*).

Онъ долженъ былъ отправиться сначала въ Воронежъ, гдѣ строились суда и куда Петръ выѣхалъ еще 23 февраля, оставивъ Лефорта въ Москвѣ, и крайне сожалѣя о его болѣзни, въ продолженіе которой часто самъ присутствовалъ при перевязкахъ. До отъѣзда Лефорта у него происходилъ пиръ (18 февраля), при описаніи котораго упоминается и о вновь сформированномъ морскомъ баталіонѣ, который явился къ дому адмирала, безъ сомнѣнія для царскаго смотра (*). О томъ, какъ былъ сформированъ и обученъ «морской региментъ», состоявшій, по словамъ Лефорта, изъ пяти тысячъ отборныхъ людей, — нигдѣ не говорится. Точно также мы не знаемъ, когда именно выступилъ онъ изъ Москвы, для слѣдованія въ Воронежъ, и когда прибылъ въ тотъ городъ. Извѣстно только, что на нѣкоторыхъ болѣе отличившихся констаблей или бомбардировъ еще ранѣе былъ возложенъ надзоръ за постройкою судовъ. Они и теперь были единственными людьми, которые могли содѣйствовать Петру въ работахъ на верфи и вообще во всѣхъ занятіяхъ по сооруженію флота, потому что мастера, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемые изъ Архангельска, прибыли въ Воронежъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда постройка судовъ была уже окончена, а слѣдовательно объ иностранныхъ капитанахъ и кораблестроителяхъ не могло быть и рѣчи.

Не задолго до отъѣзда въ Воронежъ, Петра постигло сильное горе; онъ схоронилъ своего брата—соправителя, Іоанна Алексѣевича, неожиданно скончавшагося 29 января 1696 года. Такимъ образомъ, онъ остался единодержавнымъ властителемъ Россіи. Съ самаго начала новаго года Петръ страдалъ болью въ ногѣ; но это не мѣшало ему отправиться къ мѣсту постройки судовъ. Что онъ нашелъ въ Воронежѣ, куда прибылъ послѣ восьми-дневнаго путешествія, въ какой степени подвинулись впередъ работы и въ какомъ количествѣ были подвезены различные матеріалы,—все это намъ неизвѣстно. Но мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что до половины марта шли сильные дожди, а тотчасъ послѣ нихъ наступили такіе морозы, что рѣки снова покрылись льдомъ и о работахъ на открытомъ воздухѣ нельзя было и думать. Въ концѣ

(*) Петръ Лефортъ, говоря то же самое о болѣзни дяди, полагаетъ, что съ этого же числа здоровье его начало поправляться.

(*) См. Дневникъ Гордона ч. II, стр. 9.

марта наступила весенняя погода, но за то всѣ рѣки выступили изъ береговъ и наводнили окрестности. 7-го апрѣля подулъ сильный восточный вѣтеръ, сопровождавшійся мятелью, бурею и морозомъ, и такая погода длилась четыре дня; продолжать работы не было никакой возможности. Не говоря уже о томъ, съ какими усиліями и трудами была сопряжена постройка въ такое короткое время и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ 1300 струговъ и снабженіе ихъ большимъ количествомъ военныхъ снарядовъ и провіанта, для того, чтобы имѣть возможность въ первыхъ числахъ мая выйдти изъ Воронежа, не только съ флотомъ, но и со всею арміею, мы поневолѣ задаемъ себѣ вопросъ: какъ можно было въ такое короткое время построить и снабдить всѣмъ необходимымъ цѣлый флотъ, хотя онъ и состоялъ всего изъ тридцати или тридцати двухъ галеръ. До сихъ поръ, согласно господствовавшему мнѣнію, осуществленіе этого гигантскаго плана на воронежской верфи, приписывали изумительной дѣятельности и энергіи Петра. Между тѣмъ Лефортъ сообщаетъ намъ совершенно иное. Онъ пишетъ отъ 28 февраля: «Всѣ наши галеры приведены (въ Москву) сухимъ путемъ на повозкахъ и будутъ отправлены въ Воронежъ» (*). Слѣдовательно, предпріятіе Петра было приведено въ исполненіе, благодаря его распоряженіямъ, вслѣдствіе которыхъ всѣ галеры, бывшія до тѣхъ поръ въ его власти, были употреблены для предположенной цѣли. Всѣ суда, которыя онъ прежде строилъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ или Москвѣ, должны были, со всѣмъ своимъ вооруженіемъ, войти въ составъ новаго флота. Но кромѣ ихъ въ Воронежъ должно было придти еще одно судно изъ за границы. Во время пребыванія Петра въ Архангельскѣ или вскорѣ послѣ того, бургомистръ Витценъ получилъ отъ друга своего, Лефорта, письмо, въ которомъ онъ просилъ его опять постараться для царя и прислать ему изъ Голландіи хорошую галеру. Само собою разумѣется, что просьба эта была исполнена, и лѣтомъ 1695 г., во время пребыванія Петра и Лефорта въ лагерѣ подъ Азовомъ, въ Архангельскъ пришла малая, «образцовая галейка», чертежъ которой и теперь еще хранится въ Голландіи (*). По полученіи этого извѣстія,

(*) Вотъ подлинныя слова: «Toutes nos galères sont charriées par terre et se rendront à Voronetz».

(*) Сохранились еще два письма бургомистра Витцена объ этой галерѣ, помѣченныя 9 и 21 іюля 1695 г. Объ этой галерѣ дьякъ Виніусъ, находившійся въ Москвѣ, пишетъ Петру такъ: «Галера со всею потребою, спастями и масштами, 3 мозжерами на станкахъ и 11 бомбами». См. Устрялова ч. II, стр. 417.

Петръ, въ письмѣ своемъ отъ 30 Іюля 1695 г., приказалъ думному дьяку Виніусу, доставить галеру въ Москву. Но она могла дойти водою только до Вологды, а отсюда ее нужно было везти сухимъ путемъ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ эта перевозка происходила зимою, и такимъ образомъ, съ наступленіемъ новаго 1696 г., галера эта прибыла въ Москву. Генералъ Гордонъ писалъ о ней въ своемъ дневникѣ отъ 3 января того же года: «я осматривалъ пришедшую изъ Голландіи новую «галеру» (*); это судно нужно было также доставить въ Воронежъ, потому что Лефортъ упоминаетъ о немъ (28 февраля), какъ о своемъ будущемъ адмиральскомъ суднѣ (*).

Это послѣднее извѣстіе по видимому противорѣчитъ дневнику Гордона, писанному въ Воронежѣ 17 апрѣля, гдѣ онъ говоритъ, что: «адмиральская галера и другія были спущены со стапеля», и даетъ этимъ поводъ предполагать, что галера была выстроена тамъ; но спрашивается, могла ли галера, доставленная изъ Вологды въ Москву сухимъ путемъ и отправленная отсюда въ Воронежъ, обойтись безъ исправленій и починокъ на верфи, прежде чѣмъ быть опять спущенною на воду, т. е. сойти со стапеля? Отрицать этой необходимости невозможно. Въ такомъ же положеніи находились и другія галеры или суда, доставленныя изъ Переславля и Москвы. Извѣстія о томъ, что въ такой и такой то день, въ Воронежѣ были спущены со стапеля суда (**), должно безъ сомнѣнія понимать такъ, что суда эти только чинились, а не строились вновь на верфи.

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, сколько было судовъ, построенныхъ на воронежской верфи, остается нерѣшеннымъ. Суда спускались на воду въ различное время, смотря по тому—рано или поздно они привозились въ Воронежъ, или по тому на сколько они пострадали во время дороги отъ различныхъ причинъ.

Этими обстоятельствами обусловливалось и число судовъ, съ которыми Петръ, при своей необыкновенной поспѣшности, могъ въ пер-

---

(*) См. Дневникъ Гордона, ч. III, стр. 3. Хотя послѣдняго слова нѣтъ въ оригиналѣ, но, судя по смыслу, сдѣланное нами дополненіе безъ сомнѣнія правильно.

(*) Вскорѣ послѣ разсказа своего о назначеніи его адмираломъ, онъ говоритъ: «Je monterai la galère, qui est venue de Hollande».

(**) Гордонъ говоритъ, что 1-го апрѣля были спущены со стапелей три галеры, изъ коихъ двѣ были названы Св. Маркомъ и Св. Матвѣемъ, и что спускъ ихъ на воду сопровождался нѣкоторымъ торжествомъ. См. Дневникъ Гордона, ч. III, стр. 20.

выхъ числахъ мая мѣсяца начать свое плаваніе къ Азову, внизъ по Дону. Такъ онъ писалъ Ромадановскому 2 мая: «да галіасъ три дни какъ пошелъ» (къ Воронежу).

Мы уже сказали, что московскіе полки должны были отправиться въ Воронежъ водою. По словамъ Петра Лефорта, осадный корпусъ состоялъ изъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ. Первымъ долженъ былъ двинуться въ походъ генералъ Гордонъ; выступивъ въ началѣ марта, въ самую дурную погоду, онъ 23 того же мѣсяца прибылъ въ Воронежъ съ бутырскимъ и четырьмя стрѣлецкими полками. За нимъ прибыли туда же 31 марта генералиссимусъ Шеинъ и генералъ Автомонъ Головинъ, съ кавалеріею и пѣхотою, а также преображенскимъ и семеновскимъ полками. Послѣ различныхъ приготовленій и снаряженій означенные генералы съ войсками и припасами стали спускаться внизъ по Дону къ Азову, 23, 25 и 26 апрѣля (*).

Адмиралъ Лефортъ отправился въ Воронежъ только 31 марта и прибылъ туда 16 апрѣля. Болѣзнь не позволила ему выѣхать ранѣе, какъ того желалъ Петръ; по этой же причинѣ онъ оставался такъ долго въ дорогѣ. Полкъ его, который долженъ былъ принимать участіе въ походѣ, какъ говорилъ объ этомъ Лефортъ еще въ письмѣ своемъ отъ 6 декабря предшествовавшаго года, выступилъ къ мѣсту своего назначенія раньше. Этотъ полкъ, то въ качествѣ морскаго регимента несъ службу на судахъ, то предназначался для возведенія и занятія укрѣпленій или фортовъ на устьѣ рѣки Дона. Поэтому въ числѣ отдѣльныхъ частей войскъ, находившихся подъ начальствомъ генералиссимуса, полкъ Лефорта не упоминается вовсе и только въ описаніи общей диспозиціи войскъ предъ Азовомъ мы встрѣчаемъ выраженіе: «лагерь генерала Лефорта». Этотъ лагерь находился на лѣвомъ флангѣ, близъ того же мѣста, на которомъ былъ расположенъ въ предшествовавшемъ году его корпусъ. Но принадлежали ли къ полку Лефорта дѣйствовав-

(*) См. «Походъ боярина и большаго полку воеводы Шеина къ Азову, взятіе сего и Лютина городъ и торжественное оттуды съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву и пр., издано въ свѣтъ Васильемъ Рубаномъ. Санктпетербургъ 1773. Въ этомъ сочиненіи поименованы всѣ полки, принимавшіе участіе въ походѣ, и хотя въ немъ содержится преимущественно подробное изложеніе составныхъ частей, движеній и дѣйствій *«великой арміи»* подъ начальствомъ генералиссимуса, но сообщается также много свѣдѣній о «морскомъ региментѣ и морскомъ караванѣ»; послѣднее выраженіе употреблено вмѣсто слова флотъ. Такимъ образомъ это сочиненіе содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія и о занимающемъ насъ предметѣ.

шія въ этой мѣстности войска—рѣшить невозможно. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ не сталъ выжидать прибытія капитановъ, вызванныхъ изъ заграницы для управленія судами; изъ Архангельска же къ концу апрѣля все таки успѣли прибыть корабельные мастера, которые и заняли опредѣленныя должности на судахъ. Тогда предпріятіе Петра уже не казалось забавою, какъ это было въ 1694 году, во время плаванія изъ Вологды въ Архангельскъ и оттуда по Бѣлому морю; главное начальство надъ флотомъ надлежало поручить извѣстнымъ лицамъ, находившимся на лицо. Такъ какъ, къ несчастью, въ числѣ окружавшихъ Петра небыло ни одного человѣка, свѣдущаго и опытнаго въ морскомъ дѣлѣ, то надо было довольствоваться средствами и людьми, находившимися подъ рукою и потому Петръ увидѣлъ необходимость назначить какъ адмирала, такъ и вице и контръ-адмирала изъ людей, хотя и находившихся постоянно въ сухопутной службѣ, но которымъ, благодаря ихъ способностямъ и умѣнью, можно было довѣрить должности, совершенно отличныя отъ прежнихъ. Такимъ образомъ на двѣ важнѣйшія и столь необходимыя въ это время должности во флотѣ, были назначены два лица, до того служившія въ сухопутныхъ войскахъ: вице-адмираломъ былъ назначенъ полковникъ Юрій Степановичъ Лима, а контръ-адмираломъ полковникъ Балтазаръ Емеляновичъ де-Лозье; (de Losier или de l'Osier) (*).

(*) Обстоятельства жизни этихъ двухъ людей мало извѣстны, потому что находящіяся въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ свѣдѣнія о нихъ недостаточны или ошибочны. Такъ напримѣръ, въ сочиненіи Берга подъ заглавіемъ: «Жизнеописаніе первыхъ русскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота; ч. I—IV. С.-Петербургъ 1831 года, сказано: «Лима родомъ изъ Венеціи, дѣлается извѣстнымъ въ Россіи еще въ 1678 году, во время чигиринскаго похода, гдѣ находился въ чинѣ инженеръ-подполковника подъ начальствомъ генерала Гордона, который, по свидѣтельству разрядныхъ книгъ, былъ его начальникомъ, и въ Кіевѣ, въ 1680 году; здѣсь мы встрѣчаемъ его также еще и въ 1685 году, а послѣ того о немъ упоминается въ 1688 году во время похода противъ татаръ. Къ концу 1694 года мы видимъ его въ Москвѣ, и на слѣдующій годъ при осадѣ Азова. Въ это время онъ былъ еще полковникомъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, состоялъ въ полку Гордона. Такъ какъ въ 1690 году онъ принялъ участіе въ составленіи письма (находящагося въ Вѣнѣ), вызывавшаго въ Москву католическихъ священниковъ, то должно полагать, что онъ уже тогда былъ въ Москвѣ. Съ назначеніемъ въ вице-адмиралы онъ попалъ въ совершенно новую сферу. До какихъ поръ находился онъ въ ней—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не далѣе 1698 года, когда Петръ назначилъ вице-адмираломъ Корнелія Крюйса, перешедшаго въ русскую службу изъ Голландіи. По разряднымъ книгамъ 1702—1704 годовъ онъ все еще числился въ чинѣ полковника въ лефортовскомъ полку и былъ убитъ (1702 г.) въ одномъ изъ сраженій со шведами въ Финляндіи. Со времени

Самъ Петръ назвалъ себя капитаномъ и, отправившись съ частью флотиліи въ путь, писалъ 3 мая къ Виніусу: «я отъ господина адмирала учиненъ есмь командіоромъ.» Слѣдовательно, тогда Петръ сталъ «капитаномъ» «par excellence», или, по выраженію Гордона, «великимъ капитаномъ». Онъ горѣлъ желаніемъ немедля пуститься въ путь и въ возможно скорѣйшемъ времени достигнуть Азова, чтобы утвердиться въ устьяхъ Дона прежде прибытія туда турецкаго флота. Мы не имѣемъ возможности описать въ подробности всѣ усилія, которыя ему нужно было употребить для осуществленія своего желанія и превозмочь всѣ встрѣчавшіяся ему препятствія. Пусть, кто можетъ, самъ представитъ себѣ картину тѣхъ усилій и затрудненій, той дѣятельности и постоянной напряженности, которыя были необходимы при снаряженіи флотиліи въ Воронежѣ. Петръ все таки не могъ добиться того, чтобъ караванъ его былъ готовъ къ назначенному времени.

По словамъ Гордона (ч. III стр. 16), караванъ состоялъ изъ двухъ галеасовъ и тридцати галеръ, хотя въ своемъ дневникѣ, описывая время по занятіи Азова и до выступленія войска, онъ упоминаетъ объ *одномъ галеасѣ* (какъ «напр. начали свозить такелажъ и другія принадлежности галеаса и галеръ») (*). Въ описаніи «похода боярина Шеина» (стр. 67) сказано, что: «Адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ со

перехода его въ морскую службу Гордонъ перестаетъ упоминать о немъ. См. Дневникъ Гордона: ч. I. стр. 517, 536, ч. II, 216, 222, 542, 638; ч. III, 377, 380; также разрядныя книги въ московскомъ сенатскомъ архивѣ.

Лефортъ называетъ контръ-адмирала Бальтазара де Лозье французомъ, но не говоритъ ничего о томъ, что будто онъ прибылъ въ Москву изъ Персіи въ 1795 (1687) году, въ чинѣ маіора, вмѣстѣ съ царемъ имеретинскимъ. Гордонъ въ первый разъ упоминаетъ о немъ по поводу его свадьбы, происходившей въ слободѣ въ первыхъ числахъ 1692 года. Въ разрядныхъ книгахъ 1693 года онъ названъ полковникомъ курскаго рейторскаго полка. Въ 1694 году де Лозье жилъ въ Курскѣ, а въ слѣдующемъ году принималъ участіе въ азовскомъ походѣ, находясь полковникомъ въ полку Лефорта. Изъ прошенія его на имя Петра видно, что ему, вмѣстѣ съ Францомъ Яковлевичемъ (Лефортомъ) было поручено нести службу на судахъ. Состоя въ должности шаутбенахта, онъ былъ раненъ подъ Азовомъ и умеръ въ Москвѣ въ 1697 году. Увѣдомляя объ этомъ, Гордонъ пишетъ: Хирурги, производившіе операцію надъ наростомъ, находившимся у него надъ глазомъ, и положительно предсказывавшіе выздоровленіе его, были посажены въ тюрьму». См. Дневникъ Гордона, ч. II 363, 441, 543, 581; ч. III, 89, 381.

(*) См. тоже ч. III, стр. 47, 61, 63, 64. Въ этомъ мѣстѣ дневника онъ говоритъ: «галеасъ капитана Мейера».

всѣмъ караваномъ на морскихъ судахъ, именуемыхъ галіясахъ и галерахъ и брандерахъ, которыхъ числомъ тридцать, потомужъ съ войсками и съ огнестрѣльными и зажигательными снаряды пойдетъ мая 3 дня».

За тѣмъ въ этомъ сочиненіи о галеасахъ болѣе не упоминается. Въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, одинъ изъ бомбардировъ велъ журналъ Петра Великаго и точно также въ него записывалось вкратцѣ все, что дѣлалось и предпринималось. Такъ какъ въ этомъ походѣ Петръ участвовалъ въ чинѣ капитана (морскаго каравана) и большею частію находился при этой должности, то эти ежедневныя замѣтки относятся преимущественно до эволюцій и дѣйствій флота.

Въ этомъ важномъ источникѣ только два раза встрѣчается выраженіе «галеасъ», тогда какъ очень часто говорится объ однихъ галерахъ. О галеасахъ въ первой разъ говорится 1 августа, слѣдовательно гораздо позже побѣды, въ слѣдующихъ словахъ: «была стрѣльба изъ пушекъ съ города, въ обозѣ и на горѣ, *съ гольясовъ* и съ галеръ»; а во второй разъ 11 августа: «распастили *галіасъ* и поставили на мѣстѣ подлѣ города» (*).

На основаніи этихъ единственныхъ, имѣющихся у насъ извѣстій, составилось мнѣніе, что во флотѣ Петра, кромѣ галеръ, находились еще *два галеаса*.

Въ новѣйшее время мнѣніе это было высказано адмираломъ Шишковомъ въ сочиненіи его подъ заглавіемъ. «Списокъ кораблямъ и прочимъ судамъ всего россійскаго флота, отъ начала заведенія его до нынѣшнихъ временъ и т. д. «С. Петербургъ 1799 г. 4°. Голиковъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи утверждаетъ (не указывая источниковъ), что кромѣ галеръ были еще «два военныхъ корабля». Не касаясь сообщаемаго Голиковымъ свѣдѣнія, мы должны замѣтить, что вопросъ о томъ—находились ли въ азовской флотиліи галеасы, имѣетъ нѣкоторое значеніе и интересъ для исторіи русскаго флота; прежде всего, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить различіе между галеасомъ и галерою. Гребныя суда, называемыя галеасами, изобрѣтенныя въ 1560 году итальянцемъ А. Бодоаромъ и употреблявшіяся сначала только въ Средиземномъ морѣ, отличались отъ прежнихъ всѣмъ извѣстныхъ галеръ только размѣрами и въ слѣдствіи того нѣкото-

(*) Замѣчательно, что о галеасѣ и здѣсь упоминается только около того времени, когда говоритъ о немъ и Гордонъ.

рыми особенностями своего устройства. Суда эти были трехмачтовыя,—тогда какъ галеры имѣли только двѣ мачты —и могли поднимать болѣе тяжелыя орудія. Галеасы имѣли на каждой сторонѣ отъ 28 до 32 скамей, для шести или семи гребцовъ каждая, и кромѣ того помѣщеніе для экипажа въ тысячу человѣкъ. Такое же устройство, но въ меньшихъ размѣрахъ, имѣли и галеры; поэтому понятно, что онѣ были легче на ходу и употреблялись преимущественно противъ небольшихъ военныхъ судовъ для преслѣдованія ихъ вблизи береговъ. Съ половины семнадцатаго столѣтія и галеасы и галеры стали все болѣе и болѣе выходить изъ употребленія.

Принимая въ соображеніе размѣры судовъ, составлявшихъ морской караванъ Петра, выступившій изъ Воронежа (*), мы легко убѣдимся, что они ни въ какомъ случаѣ не могли быть названы галеасами; 29 судовъ, со своими командирами и экипажами, были раздѣлены на роты. На адмиральскомъ кораблѣ хотя подобное названіе и не встрѣчается, кромѣ командира, находились одинъ подполковникъ, три маіора, два капитана, шесть поручиковъ, четыре прапорщика, девяносто три урядника и солдата; на суднѣ «капитана Петра Алексѣева» находились поручикъ, командиръ, урядникъ, боцманъ, констапель, подконстапель, двадцать семь матросовъ, одинъ каютный юнга и сто семьдесятъ два урядника и солдата. Каждое изъ остальныхъ 27 судовъ находилось подъ командою капитана, при одномъ лейтенантѣ, смотря по числу команды, и имѣло отъ ста семидесяти четырехъ до ста двадцати урядниковъ и солдатъ экипажа (*). При этомъ о гребцахъ вовсе не упоминается.

Поименованныя цифры не отличаются рѣзко другъ отъ друга; такъ что изъ 29 судовъ не было ни одного, которое бы можно было назвать галеасомъ, а адмиральское и капитанское суда были не очень значительныхъ размѣровъ. Слѣдовательно, мы должны убѣдиться въ томъ, что оба судна были галерами; извѣстно также, что судно

(*) На основаніи подробнаго списка ихъ въ сочиненіи: «Походъ боярина Шеина и проч.» стр. 67—78.

(*) Мы встрѣчаемъ только одно судно съ экипажемъ въ двѣсти двадцать восемь человѣкъ. Начальники и капитаны судовъ назначались преимущественно изъ офицеровъ и бомбардировъ. На галерѣ Петра находился также поручикомъ Альбрехтъ Пиль, въ качествѣ «командира» Иванъ Алексѣевичъ Головинъ, урядникомъ Михайло Волковъ, боцманомъ Гаврило Меньшиковъ, констапелемъ Гаврило Кобылинъ и подконстапелемъ Иванъ Верперъ.

Лефорта, пришедшее изъ Голландіи, было также галерою. Гордонъ называетъ его «адмиральскою галерою», а самъ Петръ пишетъ: «имя нашей галеры Принципіумъ» (*). Въ продолженіе своего пребыванія подъ Азовомъ, въ концѣ писемъ, отправленныхъ имъ къ различнымъ лицамъ, онъ отмѣчалъ: «съ галеры Принципіумъ». Эту отмѣтку мы находимъ и въ письмѣ его отъ 5 августа (на имя Виніуса), уже послѣ отъѣзда адмирала и отправленія въ обратный путь морскихъ офицеровъ и солдатъ. Затѣмъ говорится, что когда 9 того же мѣсяца флотъ поднялся вверхъ по рѣкѣ къ Азову», поставили галеры возлѣ города на рѣкѣ Дону» (*).

Слѣдовательно, предположеніе, что выше упомянутыя два судна были галеасы, все-таки противорѣчитъ извѣстнымъ даннымъ.

Впрочемъ, кромѣ исчисленныхъ выше судовъ, составлявшихъ караванъ, подъ Азовомъ могли находиться еще другія два, превосходившія остальныя величиною, и никто не станетъ оспаривать возможности такого предположенія. Но въ такомъ случаѣ было бы странно, что ни самъ Петръ, ни кто другой не сообщаютъ намъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о нихъ. Петръ, 2 мая, слѣдовательно наканунѣ отъѣзда, пишетъ (князю Ромадановскому): «галеасъ три дня какъ пошелъ»; но въ продолженіе всей экспедиціи это выраженіе не встрѣчается болѣе ни разу, и мы постоянно читаемъ только: «весь караванъ», или «всѣ галеры». Лефортъ, часто упоминающій о флотѣ, говоритъ, что онъ состоялъ изъ галеръ, а что въ исчисленіи ихъ онъ вполнѣ согласуется съ указаніями, находящимися въ описаніи похода боярина Шеина, видно изъ слѣдующихъ словъ: «Лефортъ находился съ своимъ флотомъ, состоявшимъ изъ двадцати девяти галеръ, на рѣкѣ» (**). Въ другихъ письмахъ говорится о тридцати галерахъ.

Еще прежде, чѣмъ эти и многія другія суда были нагружены въ Воронежѣ провіантомъ и военными припасами, Петръ отправился съ отрядомъ судовъ къ Азову, безъ всякаго сомнѣнія, 3 мая 1696 года, а самъ въ тотъ же день извѣстилъ дьяка Виніуса, въ слѣдующихъ словахъ: «сегодня съ осьмью галерами въ путь свой пошли, гдѣ я отъ господина адмирала учиненъ есть командіоромъ. А какія еще оста-

(*) Въ письмѣ къ Кревету отъ 3 мая.

(*) Журналъ Петра Великаго стр. 25.

(**) Это извѣстіе сообщается только Петромъ Лефортомъ, но оно основано на письмѣ, полученномъ имъ отъ дяди; далѣе объ этомъ будетъ сказано подробнѣе.

лися и для чего, и объ томъ писалъ я Гаврилѣ Ивановичу». Съ этого же дня начали вести упомянутый выше *журналъ* Петра Великаго. О томъ, когда отправился въ путь самъ адмиралъ, не говорится ни слова, хотя наканунѣ (2 мая) Петръ писалъ князю Ромадановскому: «завтрашняго дня пойдетъ рано съ Воронежа господинъ адмиралъ, да съ нимъ 8 галей». Словъ этихъ не слѣдуетъ понимать буквально. О времени отправленія въ путь адмирала мы имѣемъ другія, хотя и не безусловно вѣрныя свѣдѣнія. Въ документахъ: *«О струговомъ дѣлѣ»* говорится: «на другой день (по отъѣздѣ Петра, слѣдовательно 4 мая) пошелъ адмиралъ Францъ Лефортъ съ начальными людьми и солдатами» (*); но при этомъ ничего не сказано о его судахъ или галерахъ. Если мы припомнимъ, что Лефортъ пришелъ къ Азову 26 мая, на восьмой день по прибытіи туда Петра, то такое опредѣленіе времени покажется невѣрнымъ, потому что Лефортъ, безъ сомнѣнія, употреблялъ всѣ усилія, чтобы догнать Петра. Извѣстія о времени отправленія въ путь вице и контръ-адмирала столь же неточны, и только въ упомянутыхъ нами документахъ сказано слѣдующее: «10 мая пошелъ вице-адмиралъ Юрій Степановичъ Лима на 7 каторгахъ; 17 мая, капитанъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, также на 7 каторгахъ; 21 мая думный дворянинъ Семенъ Ивановичъ Языковъ, съ хлѣбными, винными и другими запасами; и 24 мая шаутбенахтъ Балтазарельмъ Емельяновичъ де Лозье на одной каторгѣ съ 4 брандерами (*).» На пути Петру, кажется, благопріятствовалъ попутный вѣтеръ. Кромѣ того, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Петръ при всякой возможности употреблялъ въ дѣло и гребцовъ. Такимъ образомъ ему удалось совершить путешествіе по Дону, отъ Воронежа до Черкаска, въ двѣнадцать дней. Онъ такъ спѣшилъ къ Азову, что четыре галеры принуждены были отстать; впрочемъ и онѣ вскорѣ прибыли къ Черкаску. Петръ догналъ и генерала Гордона, отправившагося въ путь гораздо ранѣе его, и прибывшаго въ Черкаскъ только за день до прихода туда Петра. Къ Азову же или къ острову Каланчѣ Гордонъ пришелъ даже позже Петра (утромъ 19 мая). По прибытіи въ главный городъ донскихъ казаковъ, атаманомъ которыхъ былъ Флоръ или Фролъ Минаевъ, Петръ получилъ извѣстіе, что въ устьѣ Дона появились два турецкіе корабля; поэтому онъ поспѣшилъ отправиться туда. 18 мая на галерѣ были

(*) Эта книга находится въ московскомъ разрядномъ архивѣ.

(*) Впослѣдствіи мы увидимъ можно ли довѣрять этимъ указаніямъ.

подняты якоря, а ночью на 19 число Петръ находился уже подъ Каланчею или нынѣшимъ Новогеоргіевскимъ укрѣпленіемъ. Караванъ состоялъ тогда изъ девяти галеръ, такъ какъ къ нему была присоединена отнятая въ предшествовавшемъ году у турокъ «полугалера». На слѣдующій день рано утромъ созванъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: что должно предпринять въ такихъ обстоятельствахъ? Совѣтъ рѣшилъ царю, съ своими девятью галерами, въ сопровожденіи сорока казацкихъ лодокъ, съ двадцатью человѣками экипажа каждая, находившихся подъ начальствомъ войсковаго атамана Флора Миняева, выйдти въ море и произвести нападеніе на непріятельскія суда. Послѣ того въ назначенное время суда, составлявшія караванъ, снялись съ якоря и поплыли внизъ по широкому, почти параллельному главному руслу, протоку, называемому Каланчею или Калангою. Въ восьми верстахъ отъ впаденія въ море, протокъ этотъ въ свою очередь развѣтвляется на нѣсколько большихъ и малыхъ рукавовъ, изъ которыхъ лѣвый, ближайшій къ Дону, и теперь носитъ тоже названіе. Правый же протокъ, отдаляющійся нѣсколько къ сѣверу, по направленію къ мертвому Донцу и называющійся Кутемою или Кутюрмою, точно также предъ впаденіемъ въ море раздѣляется на нѣсколько рукавовъ. Такимъ образомъ при своемъ устьѣ Донъ образуетъ множество небольшихъ и мелкихъ рѣкъ и островов, наносящихъ въ Азовское море огромныя массы песку, образующія мели. Вслѣдствіи того военнымъ кораблямъ не было никакой возможности приблизить къ берегу или войти въ Донъ, а они были принуждены остановиться на значительномъ растояніи отъ берега; даже лодки большихъ размѣровъ могли входить въ рѣку только при югозападномъ вѣтрѣ. Самые же протоки Дона и берега ихъ служили притонами, которыми казаки умѣли отлично пользоваться.

Дальнѣйшія событія мы передаемъ здѣсь словами самого Петра, который писалъ къ князю Ромодановскому, отъ 31 мая 1696 г. «Min Her Kenih». «15-го дня пришелъ нашъ караванъ въ Черкаскій, и въ 18 д. пришли въ Каланчу, въ 19 д. пришли на устье моря и за мелиною на море галерамъ выттить было невозможно. А непріятель на морѣ стоялъ въ 13 кораблях, и того же дня непріятель, нагрузясь жалованьемъ и воинскими припасы въ 13 тунбасахъ, съ которыми для провожанья въ 11 ушколахъ были яныченя, и какъ тѣ суды напоровнялися противъ устья Каланчинскаго, и мы холопи твои, въ малыхъ судахъ и казаки въ лодкахъ, прося у Бога милости, ударили на

того непріятеля, и милостью Божіею и пресвятыя Богородицы со всѣми святыми молитвою, а вашимъ государскимъ счастьемъ, тѣ вышеписанныя суды разбили, изъ которыхъ 9 сожгли, 1 взяли, а достальныя ушли къ кораблямъ и корабли, то видя, 11 ушли, а одинъ затопили сами, а другой наши сожгли. На тѣхъ тунбусахъ взято 29 человѣкъ языковъ, пороху 85 бочекъ, 300 бомбовъ, 5000 гранатъ, 500 копей. и все это къ нимъ везено. Взято больше всего суконъ и иныхъ вещей. А взятыя языки сказывали, что прислано на тѣхъ корабляхъ 500 янычепъ и многіе припасы и мортиры, и людей-де они высадили на берегъ, видя наши галеры, и для того сухимъ путемъ послали; а запасы-де, которыя остались, ушли всѣ назадъ на корабляхъ. А третьяго дни вѣтеръ былъ полуденный, и галеры вышли всѣ въ море въ цѣлости. Съ моря, мая 31 дня, Piter».

Хотя въ письмѣ Петра къ Виніусу отъ того же числа, повторяется почти то же самое, что и въ письмѣ его къ Ромодановскому, но мы не можемъ не обратить вниманіе на нѣкоторыя подробности, пропущенныя въ письмѣ къ князю. Такъ, между прочимъ, замѣчательны слѣдующія выраженія: «и той ночи и на утрее за мелиною устья пройтить было невозможно, потому вѣтеръ былъ сиверный и воду всею въ море сбилъ; однакожъ, увидавъ непріятельскихъ судовъ, въ мелкихъ судахъ на море вышли». Вслѣдъ за тѣмъ въ письмѣ говорится: «а въ Азовъ ушли ушкалы съ три и то безъ всякаго запасу», а потомъ подробно исчисляются захваченные припасы, какъ то: «муки, пшена, уксусу ренскаго, бекъ-месу, масла деревяннаго, а больше суконъ и рухляди многое число, и все это къ нимъ на жалованье и на сидѣнье прислано: все нашимъ въ руки досталось».

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ документѣ, писанномъ тѣмъ же лицомъ, которое такъ превосходно и отчетливо описало событія на Дону. По словамъ Голикова, Петръ писалъ 4-го іюля къ патріарху въ Москву: «шли къ Азову моремъ корабли и иныя многія суда, и наши ратные люди на море будучіе, *при которыхъ и мы своею особою неотступно были*, на тѣ корабли били и къ Азову не пропустили ни одного судна, и т. д. (*).

(*) См. Голякова Дѣянія Петра Великаго, перв. изд. ч. XI, стр. 22. Кромѣ обыкновенныхъ у Голикова, ошибокъ въ опредѣленіи времени этого событія, мы должны еще замѣтить, что письмо на имя патріарха, подписанное самимъ Петромъ, есть единственный сохранившійся письменный документъ, содержащій въ себѣ свѣдѣнія, посылавшіяся патріарху во время похода. Слѣдуя исторіи Азова,

Къ этому документу мы должны присовокупить еще хранящуюся въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ рукопись: «Relatio Unter Azak de Anno 1696». Въ ней говорится: «den 12 Juni, seiend diese Schreiben durch die Post nach Moskau arrivirt und den alhier in Wien residirenden Moskowischen Abgesanten, den 7 August über Hamburg eingeloffen» (*). Въ этомъ донесеніи сказано:

«Съ помощью Божіею наши донскіе казаки въ послѣднихъ числахъ мая начали военныя дѣйствія на Черномъ морѣ и, встрѣтивъ подкрѣпленіе, высланное къ Азову изъ Константинополя, взяли 11 фрегатовъ, два большихъ корабля съ провіантомъ, военными снарядами, пушками, мортирами, бомбами, порохомъ, свинцомъ, сукномъ и другими припасами, вмѣстѣ съ однимъ агою и 270 знатными турками, остальныхъ же рядовыхъ перебили и потопили; прочіе фрегаты пробились къ Азову, но за ними отправились въ погоню и казаками былъ взятъ еще одинъ фрегатъ съ богатою и громоздкою добычею, за что наши не знаютъ какъ достаточно благодарить Бога.»

Такимъ образомъ, 20 мая 1696 года, турецкій флотъ вмѣстѣ съ тунбасами и ушколами, потерпѣлъ отъ русскихъ, или вѣрнѣе сказать,

---

изданной академикомъ Байеромъ, въ 1736 году, мы должны предположить, что такихъ писемъ было нѣсколько. Объ этомъ событіи Байеръ говоритъ: «всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ подлинныхъ извѣстій, посылавшихся отъ времени до времени изъ лагеря подъ Азовомъ къ патріарху въ Москву». («Alle Nachrichten sind aus den authentischen Relationen, welche nach und nach aus dem Lager vor Azow an den Patriarchen nach Moskau geschickt worden, gezogen»). Исторія Байера появилась въ первый разъ въ Собраніи Миллера: «Sammlung russischer Geschichte» ч. II, стр. 88; а потомъ отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Begebenheiten von Azow, wie selbiges lange vor Christi Geburth von den Griechen erbauet und bewohnt worden und wie es endlich von Russland wieder erobert worden. St. Petersburg (1736) 8°.

(*) «Донесеніе изъ подъ Азова 1696 года». Это донесеніе пришло по почтѣ въ Москву 12 іюня и потомъ препровождено 7-го августа чрезъ Гамбургъ въ Вѣну, къ пребывающему здѣсь московскаго государства послу (Козьмѣ Никитичу Нефимонову). Въ этомъ донесеніи говорится: «Mit der Hülfe Gottes haben unsere Taurischen Cosaken den letzten Mai auf dem Swartzen Meer zu streiten angefangen u. den Secours. der von Constantinopol nacher Azak beordert, angetroffen, elff Fregatten und zwei grosse Schiffe mit Proviant, munition, Stücke, Mörsel, Bomben, Pulver, Bley, Tuch u. anderen victualien, nebst einem Aga u. 270 vornehme Türken gefang genommen, die ander gemeine Leuthe todtgeschlagen u. ersäuffet, die übrigen Fregatten seien durchgangen, welchen man aber auch nachgesetzet und von denen nach eine über den elff Fregatten mit grosser u. schwerer Beuth zur Beuth bekommen, worüber die Unsern Gott billig mit genugsamb danken können».

отъ казаковъ, сильное пораженіе. Фактъ этотъ несомнѣненъ, точно также какъ и то, что въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ ни адмиралъ русскаго флота, ни галеры, входившія въ составъ флота и находившіяся подъ командою Петра. Но несмотря на собственноручныя письма Петра, остается еще нерѣшеннымъ вопросъ: участвовалъ ли въ этомъ сраженіи или былъ ли по крайней мѣрѣ очевидцемъ этой побѣды самъ царь, или нѣтъ?

Въ пользу послѣдняго предположенія, говоритъ довольно положительное свидѣтельство генерала Гордона, который въ своемъ дневникѣ, отъ 19 мая пишетъ: «вечеромъ казаки, имѣя около 40 лодокъ, изъ коихъ на каждой помѣщалось по 20 человѣкъ, отправились внизъ по рѣкѣ; Его Величество пошелъ за ними на 9 галерахъ и съ однимъ изъ моихъ пѣхотныхъ полковъ; къ вечеру 20 мая мы увидѣли, что наши галеры возвращались; около полуночи, прибылъ обратно его величество на своей лодкѣ; 21 числа, около 10 часовъ утра, его величество пришелъ ко мнѣ и разсказывалъ о томъ, что онъ былъ въ морѣ и видалъ тамъ до 20 галеръ и кораблей и большое число транспортныхъ судовъ, но что, находя нападеніе на нихъ слишкомъ рискованнымъ, онъ велѣлъ галерамъ возвратиться. Его величество былъ очень скученъ (melancholius) или озабоченъ. Въ полдень галеры возвратились на свои мѣста. Въ 3 часа пополудни его величество пришелъ ко мнѣ съ радостнымъ извѣстіемъ, что казаки наканунѣ, вечеромъ, напавъ на турецкій флотъ, уничтожили и разогнали его, и т. д. Около 5 часовъ Государь поплылъ внизъ по рѣкѣ Каланчѣ только съ однѣми лодками, и отдавъ надлежащія приказанія, выступилъ туда вечеромъ съ тремя полками и восемью полевыми орудіями» (*).

Судя по этому указанію генерала Гордона, противорѣчащему вышесказанному, Петръ съ своими галерами и 40 казацкими лодками поспѣшилъ къ устью рѣки, но, не будучи въ состояніи, вслѣдствіе мелководія, выйдти въ море, долженъ былъ, въ виду непріятельскихъ судовъ, воротиться съ своими галерами и, подчиняясь симъ обстоятельствамъ, прибылъ обратно къ Каланчамъ. Чрезъ нѣсколько часовъ по его отбытіи, казаки отважно напали на турецкія тунбасы и даже военные корабли и одержали надъ ними блистательную побѣду. Не касаясь пока разбора собственныхъ словъ Петра, мы должны согласиться, что хотя разсказъ этотъ и переданъ намъ генераломъ Гордономъ, но ему нельзя

(*) См. Дневникъ Гордона ч. III стр. 32—34.

вѣрить вполнѣ, по слѣдующимъ причинамъ. Въ своемъ сочиненіи: «Begebenheiten von Azow, wie selbiger lange vor Christi Geburth von den Griechen erbaut und bewohnt worden und wie es endlich von Russland wieder errobert worden (*) Байеръ говоритъ слѣдующее: «Леонтій Поздѣевъ съ казаками возвратился съ моря и донесъ царю (когда онъ еще былъ въ Черкаскѣ), что, желая отправиться въ погоню за турецкимъ флотомъ и будучи задержанъ на два дня въ устьяхъ Дона, онъ увидѣлъ турецкій флотъ, прежде чѣмъ успѣлъ приготовиться къ бою. Съ своими малыми судами онъ атаковалъ два Тивскіе (?) и бѣломорскіе корабля и произвелъ въ нихъ замѣшательство, бросая ручныя гранаты и стрѣляя изъ ружей; остальные казаки напали на прочіе корабли, но такъ какъ, вслѣдствіе вышины кораблей, абордажъ былъ невозможенъ, то они, подойдя къ судамъ на веслахъ, стали прорубать подводную часть топорами..... (подъ конецъ они должны были удалиться). Услыхавъ объ этомъ, царь съ флотомъ и войсками спустился изъ Черкаска къ обѣимъ Каланчамъ. Въ тотъ же день послѣдовалъ туда же за царемъ Флоръ Минаевъ съ 800 казаковъ на ихъ маленькихъ судахъ. 12-го мая, царь отправился на своихъ галерахъ изъ города Сергѣева къ устью Дона, которое русскіе называютъ Кутюрмирскимъ устьемъ. Пересѣвъ здѣсь на небольшую казацкую лодку, онъ осматривалъ прочія устья Дона, въ сопровожденіи всѣхъ остальныхъ казацкихъ лодокъ. У Караярскаго острова они замѣтили 19 большихъ турецкихъ кораблей, намѣревавшихся провести въ Азовъ подкрѣпленіе и продовольствіе для гарнизона и запасы бомбъ, гранатъ, пороха, фитилей, и т. п.»

«На другой день всѣ припасы были перегружены съ большихъ кораблей на 14 тунбасовъ, которые и отправились къ Азову. Лишь только приблизились они къ Караярскому острову, какъ казаки напали на нихъ и овладѣли ими и т. д.» Послѣдующія событія уже извѣтны намъ.

Такимъ образомъ, по словамъ Байера, Петръ покинулъ галеру, когда она уже не могла идти далѣе и выйдти вмѣстѣ съ казаками на взморье, и осматривалъ различные притоки Дона, отъ Кутюрмы до

(*) Стр. 140 и 399. Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что онъ говоритъ объ источникахъ, которыми пользовался при составленіи своего сочиненія; вѣроятно, онъ имѣлъ случай говорить съ очевидцами того событія; но трудно объяснить почему онъ относитъ побѣду, одержанную казаками, къ 13 мая; онъ впадаетъ при этомъ въ ту же ошибку, какъ и Голиковъ.

Каланчи; наконецъ, онъ вышелъ на берегъ Караярскаго острова; казацкія же лодки укрылись, между тѣмъ, отъ сильнаго непріятельскаго флота, находившагося въ довольно значительномъ разстояніи, вслѣдствіе невозможности подойти ближе къ берегу по причинѣ мелководія. Въ то же время казакамъ можно было видѣть какъ турки старались перевести на транспортныхъ судахъ на берегъ или для доставленія вверхъ по Дону въ Азовъ, людей и военные запасы. Не трудно вообразить себѣ, что должно было происходить тогда въ душѣ храбрыхъ и падкихъ на добычу казаковъ? У нихъ должна была тотчасъ же родиться мысль—напасть на тунбасы, при ихъ приближеніи къ берегу и вступить съ ними въ бой, тѣмъ болѣе, что казаки были въ довольно значительномъ числѣ и на глазахъ у царя. Мысль должна была немедленно сдѣлаться извѣстною Петру, который конечно не сталъ бы отговаривать ихъ. Все это происходило 20 числа; вечеромъ того же дня казаки одержали блистательную побѣду. Можно ли поэтому повѣрить словамъ Гордона, что Петръ уѣхалъ за нѣсколько часовъ до сраженія, такъ какъ онъ лишь въ полночь прибылъ къ Сергіевску? Если бы онъ услыхалъ хоть одно слово о приготовленіяхъ къ смѣлому предпріятію, что, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, было весьма возможно, то безъ сомнѣнія, онъ не удалился бы оттуда въ такую критическую минуту.

Если такимъ образомъ, при совершенномъ отсутствіи убѣдительныхъ объясненій, мы станемъ рѣшать вопросъ, на основаніи фактическихъ и психологическихъ данныхъ, то независимо отъ доказательствъ, находящихся въ собственноручныхъ письмахъ Петра, не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Петръ или присутствовалъ на мѣстѣ сраженія, или находился поблизости отъ него. Можно сказать утвердительно, что онъ не хотѣлъ распространяться объ этомъ событіи, приписывая его казакамъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, могъ назвать «нашими» (*).

(*) Хотя въ турецкихъ источникахъ и говорится о томъ, что царь принималъ участіе въ этой схваткѣ, и за ними то же самое подтверждаетъ и Гаммеръ въ своей исторіи Османскаго государства, но на этомъ нельзя основываться, тѣмъ болѣе, что у Гаммера и безъ того встрѣчается много другихъ ошибокъ. Въ извѣстномъ сочиненіи Theatrum Europeum (см. ч. XV стр. 10), также не заключается никакихъ положительныхъ свѣдѣній, а только говорится, что: «при приближеніи турецкаго конвоя къ устью рѣки, его царское величество приказалъ посадить 2000 человѣкъ на большія суда, вмѣщавшія въ себѣ каждое по 60 казаковъ, которые и отправились противъ непріятеля и сражались съ такимъ мужествомъ, что....и т. д.» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это описаніе осно-

Онъ бы ни за что не написалъ или не подписалъ письма, если бы оно не содержало въ себѣ истины. Такая ложь противорѣчила бы его характеру и не могла быть вынуждена обстоятельствами. Нисколько не отнимая у Гордона достоинства сообщаемыхъ имъ извѣстій, мы должны однако признаться, что не считаемъ его непогрѣшимымъ и что въ извѣстныхъ случаяхъ онъ съ предубѣжденіемъ отзывается о нѣкоторыхъ личностяхъ. Впрочемъ, мы уже говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Такъ какъ Гордонъ отзывался неоткровенно преимущественно о Лефортѣ, то мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе еще на два обстоятельства, бросающіяся намъ въ глаза: въ Дневникѣ генерала Гордона не говорится ни слова о прибытіи къ Новосергіевску адмирала съ частію флота; а объ выходѣ его вслѣдъ затѣмъ въ море со всѣми бывшими на лицо галерами сказано только, что: «въ полдень галеры отправились въ море другимъ рукавомъ рѣки Каланчи». Такъ же мало и рѣдко упоминается и объ адмиралѣ и его флотѣ, при описаніи дальнѣйшихъ событій.

По словамъ журнала Петра Великаго, 20 мая, девять находившихся подъ его начальствомъ галеръ плавали по протокамъ Кутюрмѣ и Каланчѣ, и только 21-го, возвратясь къ Каланчамъ, бросили тамъ якорь. Здѣсь онѣ приняли участіе во всеобщихъ салютахъ, по случаю побѣды надъ турками и взятія турецкихъ судовъ. Онѣ простояли на якорѣ до 26-го; утромъ этого дня прибылъ туда съ своими галерами адмиралъ Лефортъ, и вслѣдъ за тѣмъ, со всѣмъ своимъ караваномъ отправился къ морю, такъ что уже къ полудню того же дня бросилъ якорь противъ устья Большой Кутюрмы. Чрезъ два часа суда снова снялись съ якоря и направились къ морю Кривою Кутюрмою. Не доходя двухъ верстъ до устья, караванъ остановился на ночь на Кутюрмѣ. На слѣдующее утро, караванъ вышелъ въ море и снова сталъ на якорь, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ морѣ вовсе не было турецкихъ кораблей, потому что послѣ дѣла 20 мая турки удалились. Адмиралъ остановился передъ протоками Дона и приказалъ возвести на берегахъ ихъ шанцы и укрѣпленія для охраненія входовъ въ гирла. Безъ сомнѣнія, въ этомъ уча-

---

вано на томъ предположеніи, что самъ Петръ присутствовалъ при битвѣ. Но съ другой стороны странно, что въ голландскихъ газетахъ нѣтъ ни одного положительнаго извѣстія объ этомъ событіи. Дѣлать же указанія на позднѣйшія и новѣйшія сочиненія не стоитъ труда. Пусть читатель прочтетъ напримѣръ тѣ ложныя извѣстія, которыя сообщаетъ въ своей: «History of Peter the Great,» Александръ Гордонъ, принимавшій самъ участіе въ походѣ.

ствовали и казаки на ихъ ладьяхъ, хотя о нихъ и не упоминается болѣе.

Согласно распоряженіямъ Петра, флотъ не былъ еще въ полномъ составѣ; вице и контръ-адмиралы съ своими судами не успѣли еще прійти къ мѣсту назначенія. Первый пришелъ съ семью галерами къ Новосергіевску 30 мая, а 2 іюня пошелъ съ ними къ морю на соединеніе съ прочими морскими силами. Надо полагать, что число всѣхъ судовъ, находившихся тогда въ сборѣ, простиралось до 22. Это предположеніе подтверждается и письмомъ Петра къ Ромодановскому съ галеры Принципіумъ, іюня 11 дня: «А нашъ караванъ на устьѣ Дону въ 22 галеяхъ обритается». Въ этомъ же письмѣ Петръ говоритъ: «взятые языки сказываютъ, что помоги себѣ больше тысячи еще не чаютъ; а моремъ сказываютъ, будто будетъ паша съ 50 судами, только то они слышали, а сами не видали».

Получивъ это непріятное извѣстіе, онъ утѣшаетъ себя слѣдующими словами: «шаутбейнахта съ достальными галерами ожидаемъ вскорѣ, а на устьѣ Дону учинили двѣ крѣпости и къ приходу онаго наши есмы при помощи безопасны (*)».

Контръ-адмиралъ де Лозье не заставилъ долго ждать себя, прійдя съ своими судами въ тотъ же самый день, въ который царь писалъ къ князю Ромодановскому. Если вслѣдствіе совершеннаго недостатка свѣдѣній о числѣ прибывшихъ съ нимъ судовъ, мы обратимся за указаніями къ генералу Гордону, который подъ этимъ числомъ пишетъ: контръ-адмиралъ прибылъ съ 1 галерою и 4 брандерами», то указанія эти трудно было бы согласовать съ словами самого Петра и свѣдѣніями сообщаемыми нѣсколько дней спустя адмираломъ Лефортомъ. Противорѣчія эти совершенно запутываютъ дѣло. 20 іюня Лефортъ писалъ въ Москву своему племяннику Петру, что: «онъ находится съ его величествомъ на рѣкѣ и что ихъ флотъ состоитъ изъ 29 галеръ». Племянникъ Лефорта, сообщая объ этомъ отцу, упоминаетъ и о событіи 20 мая и оканчиваетъ свой разсказъ такъ: «количество добычи, взятое на корабляхъ или галерахъ, невѣроятно (incroyable)».

Въ числѣ ея находились деньги для (азовскаго) гарнизона и для ожидаемыхъ еще подкрѣпленій. «Эти подкрѣпленія, продолжаетъ онъ,

---

(*) Это письмо сообщено г. Устряловымъ въ его сочиненіи Исторія Царствованія Петра Великаго, ч. II стр. 428.

уже пришли и находятся въ морѣ въ растояніи трехъ лье отъ Азова (т. е. отъ Дона) въ виду нашихъ (судовъ); но имъ невозможно войти въ рѣку, потому что его величество приказалъ устроить въ устьѣ рѣки два укрѣпленія» (*).

Это было вторымъ значительнымъ и важнымъ по послѣдствіямъ событіемъ настоящаго похода и радостнымъ неожиданнымъ результатомъ большой энергіи и силы воли Петра Великаго въ дѣлѣ созданія флота. Мы узнаемъ объ этомъ событіи изъ собственныхъ словъ Петра. Іюня 23-го онъ писалъ опять князю Ромадановскому: «Сего мѣсяца 14 дня присланъ къ Азову на помочь анатольскій Турночи-баша съ флотомъ, въ которомъ обрѣтаются 3 каторги, 6 кораблей, 14 фуркатовъ да нѣсколько мелкихъ судовъ, который намѣренъ въ Азовъ пройтить, но увидя насъ, холопей вашихъ, принужденъ намѣреніе свое оставить, и стоитъ вышеупомянутый баша въ виду отъ нашего каравана и смотритъ, что надъ городомъ дѣлается. Народынъ (комендантъ крѣпости) просилъ у него людей на берегъ, чтобы ему пропустить въ Азовъ людей сухимъ путемъ; но онъ (паша) ему отказалъ, отговариваяся, что если де мнѣ убавить людей, то де московскій караванъ пришедъ караванъ мой разоритъ, и въ ту пору что мнѣ дѣлать? Ты не поможешь.»—Далѣе Петръ говоритъ: «Съ вышеписаннымъ башею языки взятые сказываютъ неравно: иные 4000, а иные больше и меньше.»

Турночи паша стоялъ въ морѣ безъ всякаго движенія, не предпринимая ничего противъ русскихъ, но 28 іюня (наканунѣ Петрова дня) «былъ отъ нихъ (турокъ) подъѣздъ въ 24 судахъ и какъ близко подъѣхали, и наши якори вынимать стали, чтобъ на нихъ ударить, и они, то видя, тотчасъ, парусы поднявъ, побѣжали.» (*)

Послѣ такихъ блистательныхъ успѣховъ на морѣ, какъ флотъ, такъ и сухопутныя войска могли ласкать себя надеждою относительно скораго окончанія похода. Поэтому Лефортъ около этого времени писалъ въ Москву: «Крѣпость не въ состояніи держаться долго и будетъ принуждена сдаться». Въ половинѣ іюля мѣсяца въ столицѣ ожидали съ нетерпѣніемъ счастливаго окончанія этого великаго предпріятія. Увѣренность въ успѣхѣ должна была быть еще сильнѣе въ войскахъ, находившихся подъ Азовомъ, тѣмъ болѣе, что армія, ободренная послѣдними

(*) Замѣчательно что входъ въ рѣку Донъ былъ сверхъ того прегражденъ тою цѣпью, которую турки употребили въ предшествовавшемъ году для той же цѣли, нѣже обѣихъ башней и которая была захвачена тогда русскими.

(*) Такъ доносилъ Петръ кн. Ромодановскому 3 іюля.

удачами, вскорѣ достигла значительныхъ результатовъ. Войско, вышедшее изъ Воронежа тремя отрядами и соединившееся подъ турецкою крѣпостью, 4 іюля снова заняло свой прошлогодній лагерь, сдѣлавъ только нѣкоторыя измѣненія въ размѣщеніи отдѣльныхъ полковъ. Занятіе лагеря значительно облегчилось тѣмъ, что турки (трудно объяснить почему) разрушили только часть прошлогоднихъ осадныхъ работъ. Вскорѣ послѣ того прибылъ изъ Бѣлоруссіи генералъ Ригеманъ съ своею дивизіею, а чрезъ нѣсколько времени къ арміи присоединился походный атаманъ Лукьянъ Савиновъ съ донскими казаками. Такимъ образомъ лагерь подъ Азовомъ заключалъ въ себѣ отъ 60 до 70 000 человѣкъ; наконецъ прибыли калмыки, служившіе, какъ и въ прошломъ году, на жалованьи.

6 іюня генералисимусъ отдалъ приказаніе, не теряя времени, днемъ и ночью усиленно вести осадныя работы. Гарнизонъ, оставленный въ предшествовавшемъ году въ Каланчахъ, значительно укрѣпивъ эти башни, превратилъ ихъ въ довольно сильныя укрѣпленія. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году турки протянули цѣпь для загражденія входа въ рѣку, былъ наведенъ постоянный мостъ, обезпечивавшій сообщеніе съ островомъ Каланчею, что дало возможность въ самое короткое время возвести на другомъ берегу Дона, противъ крѣпости, укрѣпленіе, обстрѣливавшее Азовъ.

Для защиты крѣпости азовскій паша Нурадинъ - султанъ имѣлъ незначительный гарнизонъ, но онъ разсчитывалъ на прибытіе обѣщанной помощи и подкрѣпленій, которыя должны были и могли бы придти моремъ. «Но, пишетъ Гаммеръ: (*) «еще до прибытія визирей Али Бекира и Гассанъ паши, назначенныхъ для защиты города съ внѣшней стороны, и Гассана Кіаіи, бѣжавшаго визиря калайликовъ—Ахметъ паши, который былъ назначенъ комендантомъ крѣпости и до появленія крымскаго хана, осада была уже начата, входъ въ рѣку былъ совершенно загражденъ русскимъ флотомъ, такъ что ни одно судно, даже шлюпка не могли бы пробраться къ крѣпости. Прійдя съ войсками и разными военными снарядами къ устью Дона, паши сдѣлали попытку провести въ городъ войска и жизненные припасы, но тщетно. Нурадинъ защищался упорно, не смотря на то, что осадныя работы русскихъ, веденныя по всѣмъ правиламъ искуства, все болѣе и болѣе грозили крѣпости.

(*) См. Hammer: Geschichte des Osmanischen Reichs, ч. VI, стр. 625.

Хотя съ сухаго пути къ нему пришли на помощь 10000 татаръ, которые, расположившись въ полѣ, внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, производили набѣги на лагерь и тревожили работавшихъ солдатъ; но эти схватки приносили также мало пользы, какъ и многочисленныя вылазки изъ крѣпости; не взирая на свое мужество и энергію, турки все таки не были въ состояніи помѣшать быстрому ходу осадныхъ работъ русскихъ, которые еще 16 іюня начали обстрѣливать Азовъ. Уже на слѣдующій день осаждающіе были такъ увѣрены въ успѣхѣ, что послали туркамъ предложеніе сдать городъ, на что однако послѣдніе отвѣчали огнемъ.

Несмотря на усиленную бомбардировку, продолжавшуюся и слѣдующіе дни, было замѣтно, что крѣпость будетъ держаться еще долгое время, хотя она и не могла ожидать помощи со стороны моря, отъ Турночи баши, имѣвшаго на своихъ судахъ, по словамъ Гордона, 1500 янычаръ и 2500 вновь навербованныхъ солдатъ. Поэтому Гордонъ предложилъ, возведя высокій валъ противъ крѣпости и доведя его до непріятельскаго, засыпать имъ ровъ и взять городъ штурмомъ (*).

Къ исполненію этого плана было приступлено 23 іюня; работы шли быстро и успѣшно, и опасность для осажденныхъ возрастала съ каждымъ днемъ. Несмотря на это, 29-го того же мѣсяца, когда генералиссимусъ предложилъ имъ чрезъ парламентера весьма выгодныя условія капитуляціи, турки отвѣчали на нихъ выстрѣлами изъ орудій. По словамъ плѣнныхъ, крѣпость находилась въ самомъ жалкомъ положеніи, но Нурадинъ не хотѣлъ и слышать о сдачѣ.

Въ половинѣ іюля осадныя работы до того подвинулись впередъ, что земляной валъ, такой же высоты, какъ и городская стѣна, былъ доведенъ такъ близко къ крѣпости, что уже касался угла одного изъ непріятельскихъ бастіоновъ и могъ быть вооруженъ необходимымъ числомъ орудій для того, чтобы обстрѣливать крѣпостной валъ и другія части укрѣпленій; но только съ большими усиліями и подъ градомъ камней удалось осаждающимъ засыпать крѣпостной ровъ. Траншеи и «мины» были ведены такъ хорошо, что громадность работъ и употребленные для этого труды и усилія возбуждали удивленіе въ австрійскихъ

(*) См. Дневникъ Гордона, ч. III стр. 44. Тамъ сказано, что: «всѣ нижніе чины изъ простаго званія просили позволеніе возвести земляной валъ и довести его до городскихъ стѣнъ; мы приняли это предложеніе». При этомъ мы узнаемъ, что часть лефортовскаго полка находилась въ лагерѣ: «1000 солдатъ изъ корпуса генерала Лефорта,» пишетъ Гордонъ, «были откомандированы ко мнѣ для работъ въ траншеяхъ».

инженерахъ (*), прибывшихъ только 9 іюля, слѣдовательно слишкомъ поздно для того, чтобы принять участіе въ веденіи осадныхъ работъ. Инженеры, саперы и фейерверкеры, присланные курфирстомъ Бранденбургскимъ, прибыли въ лагерь двумя недѣлями ранѣе австрійскихъ (именно 25 іюня) и съ того же времени стали участвовать въ осадѣ. Одновременно съ этими работами на противоположномъ берегу рѣки, противъ города и крѣпости, было возведено, подъ наблюденіемъ князя Долгорукова, укрѣпленіе, вооруженное орудіями большаго калибра. Непріятель очутился тогда въ еще болѣе опасномъ положеніи, такъ какъ съ того времени городъ могъ быть обстрѣливаемъ съ двухъ сторонъ.

18-го іюля, по окончаніи осадныхъ работъ въ русскомъ лагерѣ, было рѣшено въ одинъ изъ слѣдующихъ дней штурмовать Азовъ.

Утромъ 18 іюля турецкая и татарская конница выходила еще въ большемъ числѣ въ поле и, завязавъ схватку съ русскими, убила у нихъ 20 казаковъ и около полусотни дворянъ, и взяла въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ; но въ тотъ же день въ лагерь явился посланный отъ Нурадина, по имени Мустафа, съ письмомъ къ генералиссимусу, въ которомъ было сказано, что гарнизонъ Азова готовъ сдать городъ подъ условіемъ свободнаго выѣзда всѣхъ азовцевъ съ ихъ женами, дѣтьми и имуществомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ паша просилъ, чтобы гарнизону были даны телеги, повозки или суда, для отправленія подъ прикрытіемъ русскаго отряда на противоположный берегъ р. Кагальника, гдѣ была расположена турецкая конница. Начатые вслѣдъ за тѣмъ переговоры шли очень успѣшно. Русскіе оставались при своихъ прежнихъ умѣренныхъ условіяхъ и турки не были въ состояніи отказаться отъ исполненія главнаго требованія царя, по которому они должны были выдать бѣжавшаго къ нимъ въ предшествовавшемъ году измѣнника Якова Янсена. Какъ ни трудно было имъ исполнить это требованіе вслѣдствіе перехода Янсена въ магометанство и вступленія въ число янычаръ, но они должны были выдать его. Этимъ было окончено великое предпріятіе и капитуляція была подписана въ тотъ же день, 18 іюля (*).

(*) См. Дневникъ Гордона, ч. III стр. 50 и проч. Въ немъ подъ 11 іюля сказано: «подъ вечеръ я пошелъ съ ними (вновь прибывшими инженерами) по всѣмъ траншеямъ осматривать мины. Они удивлялись громадности работъ и усиліямъ, употребленнымъ нами на веденіе траншей.»

(*) См. Дневникъ Гордона, ч. III, стр. 55, 56 и проч. Въ вышеупомянутомъ «Relatio unter Azak» о происходившемъ въ городѣ говорится слѣдующее: «Кубей

На следующее утро, нѣсколько русскихъ полковъ заняли городъ, гарнизонъ и жители котораго поспѣшили тотчасъ же выѣхать, такъ какъ во всемъ Азовѣ не осталось неповрежденнымъ ни одного дома, и они всѣ представляли собою груду развалинъ. Въ то время, какъ одна часть азовцевъ отправилась въ степи, на югъ отъ города, другая сѣла на прибывшія къ городу суда и отправилась внизъ по рѣкѣ. Въ устьяхъ Дона имъ пришлось проходить мимо галеръ великаго побѣдителя, стоявшихъ на якорѣ, при чемъ съ нихъ и съ фортовъ производилась ружейная и пушечная пальба.

За тѣмъ, суда были доведены до турецкихъ кораблей, которые все еще стояли здѣсь на якорѣ. Турецкій паша еще надѣялся достичь своей цѣли, ожидая, что съ прибытіемъ съ сухаго пути сильныхъ подкрѣпленій, обѣщанныхъ султаномъ, положеніе дѣлъ измѣнится. Но это ожиданіе не исполнилось. Четырехтысячный турецкій отрядъ со всѣми припасами, въ которыхъ азовскій гарнизонъ терпѣлъ такую нужду, оставался въ бездѣйствіи на судахъ, стоявшихъ на якорѣ. Хотя 13 іюля турки и сдѣлали попытку атаковать русскій флотъ и проложить себѣ путь къ крѣпости, но безуспѣшно.

Письмо, отправленное Петромъ Великимъ къ Виніусу съ галеры Принципіумъ, 20 іюля, даетъ намъ понять, что должно было происходить въ его душѣ; вотъ что писалъ онъ въ этомъ письмѣ: «Min Her! Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся о Господѣ, и паки рѣку: радуйтеся! Нынѣ же радость наша исполнися: понеже Господь Богъ дволѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: вчерашняго дня азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались. Измѣнника Якушку отдали жива въ руки наши. А какимъ поведеніемъ и что чего взято, буду писать въ будущей почтѣ». Одновременно съ этимъ, онъ послалъ въ Москву еще два письма: къ князю Ромодановскому и патріарху Адріану. Въ первомъ изъ нихъ сказано: «Min Herr Köninh! Извѣстно волѣ Государю буде, что благословилъ Господь Богъ оружіе ваше государское: понеже вчерашняго дня, молитвою и счастіемъ вашимъ государскимъ, азовцы, видя конечную тѣсноту, сдались; а какимъ поведеніемъ

мурза, замѣтя приближеніе къ Азову огромной арміи и получивъ извѣстіе о разбитіи какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ вспомогательныхъ силъ, тайно бѣжалъ изъ Азака въ Крымъ, къ татарскому хану, у котораго спрашивалъ совѣта и просилъ жителей Азака обождать еще десять дней и не сдаваться; въ случаѣ же, если онъ не приведетъ въ десяти-дневный срокъ вспомогательныхъ войскъ, то пусть во имя Бога сдадутся москвитянамъ».

и что чего взято, буду писать въ будущемъ письмѣ. Измѣнника Якушку отдали жива». Piter (*).

Патріарху, котораго Петръ также увѣдомилъ о совершившемся великомъ событіи, было поручено отслужить благодарственный молебенъ и молить Бога о дальнѣйшемъ благословеніи русскаго оружія. Гонецъ съ тѣмъ и другимъ письмами прибылъ въ Москву 31 іюля и въ тотъ же день Петръ Лефортъ написалъ отцу письмо, которое онъ закончилъ слѣдующими словами: «Мы не получили еще никакихъ извѣстій изъ подъ Азова о взятіи крѣпости, но со дня на день ожидаемъ ихъ. Они (турки) окружены со всѣхъ сторонъ и въ городѣ ощущается недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что они можетъ быть будутъ принуждены сдаться». За тѣмъ, онъ присовокупляетъ еще въ видѣ приписки. «Только что пришла почта съ извѣстіями: Азовъ сдался 20 сего мѣсяца (*). Его Величество уже готовился штурмовать въ этотъ день крѣпость, какъ его увѣдомили о намѣреніи ихъ (турокъ) сдаться. Они дѣйствительно привели это намѣреніе въ исполненіе; я не могу сообщить условій капитуляціи, потому что еще самъ не знаю ихъ. Здѣсь все ликуетъ, всѣ знатнѣйшіе бояре будутъ здѣсь (у насъ) обѣдать три дня сряду, завтра, въ воскресенье и въ понедѣльникъ (**).

Патріархъ приказалъ звонить въ большой колоколъ для того, чтобы извѣстить жителей Москвы о побѣдѣ царя, требовавшей большихъ усилій и жертвъ, и отслужилъ благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи всего двора. За тѣмъ, были устроены княземъ Ромодановскимъ «военныя увеселенія», и каковы бы ни были тогдашніе взгляды поклонниковъ старины, на этотъ разъ они не могли не признать величія подвиговъ царя и не принять участія во всеобщій радости. Побѣду надъ сильнымъ врагомъ Петръ приписывалъ содѣйствію флота, и тѣмъ болѣе былъ вправѣ думать такъ, что турки и татары, сильно

(*) О частныхъ событіяхъ осады и подробныхъ условіяхъ мира см. Дневникъ Гордона, Описаніе похода боярина Шеина (стр. 121) и Происшествія подъ Азовымъ (Begebenheiten von Azak) Байера, стр. 163.

(*) Безспорно на достовѣрность этого указанія на день взятія Азова нельзя полагаться, такъ какъ писавшій письмо только что получилъ извѣстіе объ этомъ происшествіи; при чемъ день отправленія письма онъ могъ принять за день взятія Азова.

(**) Отъ этого же числа Гервагенъ писалъ также въ постскриптѣ: Dans ce moment il arrive un courrier du camp, lequel apporte la reddition d'Azof à Sa Majesté par accord.

пораженные извѣстіемъ о взятіи Азова, также приписывали успѣхъ предпріятія содѣйствію русскихъ галеръ, стоявшихъ въ устьяхъ Дона. Султанъ, произнесшій жестокій приговоръ надъ всѣми визирями и пашами, посланными имъ противъ русскихъ, приписывалъ эту неудачу, исключительно позднему прибытію турецкаго флота (*).

Былъ ли онъ самъ, или его полководцы, главными виновниками неудачи, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ нельзя не отдать справедливости дальновидности русскихъ, которые поспѣшили отрѣзать Осману, вѣроятно совершенно неожидавшему этого, путь со стороны моря, предупредивъ его занятіемъ морскаго и рѣчнаго прибрежья, и лишить его перваго и самаго главнаго средства удержаться въ Азовѣ.

Какъ бы велика и отважна ни была мысль о созданіи въ такое короткое время флота для покоренія Азова, но еще большаго удивленія достойны та энергія, сила воли и дѣятельность, съ помощію которыхъ была достигнута задуманная цѣль. Осуществить такую мысль могла только геніальная энергія, которая въ состояніи замѣнить вездѣ недостатокъ въ средствахъ и превозмочь всѣ препятствія. Дѣйствуя съ такою рѣшимостью, Петръ впервые выступаетъ олицетвореніемъ генія Россіи: побѣдивъ могущественнаго и грознаго врага, онъ нетолько отмстилъ ему за долголѣтній позоръ и угнетенія своего народа, но и положилъ первое прочное основаніе зданію, сооруженію котораго онъ посвятилъ свою жизнь. Завоеваніе Азова открыло его государству устье большой и широкой рѣки и послѣ вѣковыхъ усилій доставило ему укрѣпленный пунктъ на берегу моря, нѣкогда славившагося своею цвѣтущею торговлею и развитіемъ промышленной дѣятельности. Первый шагъ былъ сдѣланъ, оставалось только воспользоваться результатами побѣды.

Какъ ясно сознавалъ все это Петръ, доказываютъ быстрыя мѣры, которыя онъ съ тѣмъ же внутреннимъ убѣжденіемъ и съ тою же энергіею, сталъ приводить тогда въ исполненіе. Само собою разумѣется, что прежде всего нужно было обезпечить за собою побѣду и утвердить за Россіею только что сдѣланныя завоеванія, такъ какъ легко могло случиться, что турки и татары, нисколько не падая духомъ, будутъ энергически продолжать борьбу, чтобы отнять только что сдѣланное рускими завоеваніе.

На слѣдующій же день, по занятіи Азова, Петръ приказалъ ниже-

(*) См. Hammers Geschichte etc., ч. VI. стр. 625.

нерамъ (иностраннымъ) осмотрѣть городъ и составить планъ необходимыхъ оборонительныхъ укрѣплений (*).

Но этимъ не ограничились распоряженія Петра, желавшаго не только устроить удобную и соотвѣтствовавшую мѣстнымъ потребностямъ гавань, на берегу Азовскаго моря, но и утвердить за собою обладаніе имъ. Вслѣдствіе того Петръ пожелалъ лично осмотрѣть западный (крымскій) берегъ Азовскаго моря, и 26 іюля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ, капитановъ и инженеровъ, отправился къ устью Дона на турецкой галерѣ, взятой русскими въ предшествовавшемъ году. Но вскорѣ мелководіе не позволило галерѣ продолжать плаваніе и весь экипажъ долженъ былъ пересѣсть на суда меньшихъ размѣровъ (⁎).

Ближайшею цѣлью путешествія былъ Таганрогъ, по словамъ Гордона, «высокій мысъ на скалѣ», въ 60 верстахъ отъ Азова.

По обозрѣніи этого пункта и изслѣдованіи глубины воды, экспедиція отправилась къ другому мысу, находившемуся въ одной или двухъ англійскихъ миляхъ ниже перваго. По сравненіи этихъ двухъ мѣстностей оказалось, что первая, по своей каменистой возвышенной почвѣ и глубинѣ окружавшихъ ее частей моря, представляла болѣе удобствъ для основанія города.

Вопросъ объ основаніи новаго удобнаго торговаго города, кромѣ Азова, былъ уже рѣшенъ окончательно и работы начались немедленно; оставалось только укрѣпить новый городъ. Какъ для сооруженія внутри и внѣ Азова, такъ и для новыхъ построекъ, въ Таганрогѣ особенно пригодились Петру иностранные инженеры, прибывшіе, какъ уже сказано, изъ Бранденбурга и Австріи (*⁎).

Между ними, особеннаго вниманія заслуживаютъ Лаваль, Саваяръ,

---

(*) См. Дневникъ Гордона, ч. III стр. .8

(⁎) Мелководіе береговъ Азовскаго моря побудило Петра тотчасъ же распорядиться о производствѣ гидрографическихъ изысканій и измѣреній. Въ послѣднее время часто слышались жалобы на постоянное уменьшеніе глубины этого моря. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу угодно было поручить академіи наукъ изслѣдовать причины такого явленія. Составленная для этой цѣли коммисія напечатала интересный отчетъ о результатахъ ея изысканій по настоящему предмету. См. Bulletin de l'Académie Imperiale des sciences de St. Petersbourg. 1862 г. Tome V, feuilles 4—8.

(*⁎) Бранденбургскимъ курфирстомъ были присланы два инженера, Розенъ и Ботцманъ, и четыре фейерверкера; императоромъ Леопольдомъ—полковникъ императорской артиллеріи Казимиръ фонъ Краге съ одиннадцатью товарищами, какъ значится въ письмѣ о вызовѣ ихъ изъ Москвы въ Азовъ (см. Походъ боярина Шеина стр. 105, 115, 119).

по происхожденію савояръ (какъ говоритъ Лефортъ) и уроженецъ окрестностей г. Женевы и баронъ Бурксторфъ. На перваго изъ нихъ были возложены постройка укрѣпленій и закладка новаго города, а впослѣдствіи и сооруженіе гавани на рѣкѣ Міусѣ. Геніальные замыслы Петра, обнаруживающіеся во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, высказываются еще яснѣе въ предпріятіи задуманномъ имъ тогда же. Какая иная мысль могла лежать въ основаніи этого предпріятія, какъ не соединеніе Дона съ Волгою посредствомъ канала. Это предпріятіе не имѣло цѣлью ни побѣду надъ врагомъ, ни пріобрѣтеніе новыхъ областей или крѣпости, а завоеванія, послѣдствія которыхъ были неисчислимы и не могли быть оцѣнены современниками Петра, потому что касались внутренней организаціи государства, начинавшаго жить новою жизнію. Не показываетъ ли въ Петрѣ гигантность взгляда намѣреніе его, посредствомъ соединенія двухъ большихъ рѣкъ, протекающихъ по плодороднѣйшимъ мѣстностямъ Россіи, поднять и распространить торговлю и всѣ отрасли промышленной дѣятельности. Удобства сообщеній и требованія матеріальныхъ интересовъ непремѣнно должны были быть поддерживаемы, а ничто не могло такъ способствовать тому, какъ соединеніе Чернаго моря съ Каспійскимъ. Если этотъ планъ былъ слѣдствіемъ задуманнаго въ томъ же духѣ завоеванія Азова, или по крайней мѣрѣ онъ былъ обязанъ этому событію своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ, то побѣда надъ турками при устьѣ Дона, должна считаться краеугольнымъ камнемъ новой эры Россіи.

Поѣздка въ Таганрогъ на небольшомъ ботѣ продолжалась двое сутокъ (*).

Возвратясь въ Азовъ, Петръ начерталъ планъ укрѣпленій этого города; но планъ былъ такъ обширенъ, что болѣе значительныя работы могли быть начаты подъ руководствомъ Лаваля только по удаленіи войскъ. Для предотвращенія возможнаго нападенія турокъ, было приказано оставить въ городѣ восемь тысячъ человѣкъ. Остальныя войска до выступленія своего должны были разрушить между тѣмъ осадныя работы и возвести нѣкоторыя новыя укрѣпленія. Еще до поѣздки въ Таганрогъ (24 іюля) (*) адмиралъ Лефортъ съ небольшою свитою отправился водою обратно въ Москву. Его флотъ и галеры остались

(*) «Въ довольно холодную ночь», пишетъ Гордонъ въ своихъ запискахъ, «намъ служила постелью плохая скамья. Въ пищѣ и питьѣ чувствовался большой недостатокъ». Ч. III, стр. 60.

(*) Такъ говоритъ Гордонъ. По журналу же Петра Великаго—25 числа.

подъ Азовомъ для защиты береговъ. Караванъ проводилъ своего адмирала до Азова и тотчасъ же возвратился къ устью рѣки, гдѣ впрочемъ оставался очень короткое время; послѣ чего галеры были разснащены и экипажъ ихъ распущенъ. Послѣднее письмо Петра къ Виніусу съ галеры «Принципіумъ» писано отъ 5 августа. Въ этотъ день и наканунѣ отплыла на рѣчныхъ судахъ часть морскихъ солдатъ, а вице-адмиралъ съ капитанами и остальнымъ экипажемъ и шаутбенахтъ отправились въ обратный путь на шлюпкахъ и ботахъ 12 августа.

Петръ все еще оставался въ Азовѣ, для наблюденія за скорѣйшимъ производствомъ необходимыхъ работъ, и для того чтобы присутствовать при освященіи церкви во имя Богородицы, наскоро передѣланной изъ одной турецкой мечети. 8 числа того же мѣсяца въ ней въ первый разъ была отслужена обѣдня, окончившаяся при пушечной и ружейной пальбѣ изъ города и съ галеръ. 15 числа Петръ отправился водою въ Черкаскъ, гдѣ остался ожидать войско и генералисимуса, прибывшихъ туда на другой день сухимъ путемъ. Обратное слѣдованіе изъ Черкаска чрезъ степи до Валуекъ было совершено съ возможною поспѣшностію. По прибытіи въ Валуйки, Петръ, генералисимусъ и Гордонъ разстались съ войсками. Первый отправился чрезъ г. Рыбный (теперь Острогожскъ) въ Воронежской губерніи, второй черезъ Курскъ, а третій черезъ Новый и Старый Осколъ и Новосиль въ Тулу и оттуда на находившіеся вблизи желѣзные заводы Льва Кириловича Нарышкина, куда за день до него, 10 сентября, прибылъ царь и былъ встрѣченъ многочисленнымъ дворянствомъ. Здѣсь царь со своими приближенными остался ожидать прибытія подъ Москву войскъ, а именно: морскаго регимента изъ Воронежа и преображенскаго полка. 28-го и 29-го сентября, полки, бывшіе подъ Азовомъ, расположились лагеремъ въ окрестностяхъ села Коломенскаго и Кожухова, а 30 числа должны были торжественно вступить въ Москву.

Петръ болѣе чѣмъ какой либо другой полководецъ могъ сказать своему народу: «veni, vidi, vici», но онъ не хотѣлъ являться предъ нимъ героемъ дня или тріумфаторомъ. Роль эта была предоставлена адмиралу, какъ представителю и начальнику морскихъ силъ, которымъ онъ положительно и неоднократно приписывалъ успѣхъ предпріятія. Дѣйствительно, флотъ былъ главнымъ виновникомъ покоренія Азова, ибо, только благодаря его искуснымъ маневрамъ, турки были лишены возможности подать помощь осажденнымъ. Петръ не разъ высказывалъ эту мысль какъ въ разговорахъ, такъ и въ своихъ многочисленныхъ собственно-

ручныхъ письмахъ. Адмиралъ Лефортъ употребилъ пять съ половиною недѣль на плаваніе по Дону отъ Азова до Воронежа. Отсюда онъ со своею свитою отправился далѣе въ саняхъ на 200 лошадяхъ и прибылъ въ Москву 10сентября. Вскорѣ по прибытіи въ Москву онъ написалъ (25 сентября) нѣсколько писемъ въ Женеву, въ которыхъ между прочимъ говорилъ: «Слава Господу, что я здѣсь и что все исполнилось по желанію его царскаго величества. Я много вытерпѣлъ во время кампаніи, но радость о ея счастливомъ исходѣ заставляетъ меня забыть прошлыя страданія, а о настоящихъ мнѣ бы не хотѣлось и думать. Лекаря и хирурги дѣлаютъ все, что могутъ; рана очень широка и глубока (*), но—прибавляетъ онъ далѣе—я, благодаря Бога, чувствую себя гораздо лучше»; и вслѣдъ затѣмъ замѣчаетъ, что ожидаетъ для себя большой пользы отъ путешествія, которое онъ, по всей вѣроятности, предприметъ.

Спокойная жизнь въ Москвѣ доставила ему облегченіе, но его ожидало новое безпокойное, напряженное и въ высшей степени вредное для его здоровья время. Ему предстояло совершить блистательное и шумное вступленіе въ Москву съ побѣдоносными войсками, для котораго уже давно дѣлались большія приготовленія. Лефортъ, по приказанію царя, долженъ былъ играть при этомъ самую важную роль. «Какъ скоро» пишетъ онъ, «мои сухопутныя и морскія войска подойдутъ къ Москвѣ, я долженъ буду отправиться къ нимъ на встрѣчу и вести ихъ чрезъ городъ въ слободу». Затѣмъ, какъ герой дня, онъ долженъ былъ устроить у себя большой пиръ. Наканунѣ тріумфальнаго вшествія въ Москву, Петръ, вмѣстѣ съ генералисимусомъ, обсудилъ и утвердилъ церемоніалъ торжества. Подробности вшествія изложены въ «Походѣ боярина Шеина». Мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя частности, касающіяся Лефорта.

Шествіе открывалъ извѣстный думный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, сидя въ экипажѣ съ дьяками и пѣвчими и держа въ рукахъ щитъ и мечъ. За нимъ слѣдовали двѣ коляски съ боярами, Ѳедоромъ

(*) Такъ писалъ онъ своей матери, которой въ предъидущихъ письмахъ говорилъ слѣдующее: Je Vous suis infiniment obligé de la bonté, que Vous avez eu de m'envoyer des herbes vulnéraires, lequelles je recus devant Azof et en bus matin et soir; même à présent je m'en sers.

Своихъ обѣихъ сестеръ и г-жъ Бурламаки и Шуэ, вызывавшихся пріѣхать въ Москву, чтобъ за нимъ ухаживать, онъ благодаритъ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ за ихъ доброту и самоотверженіе. При этомъ онъ высказываетъ надежду вскорѣ увидѣться съ ними въ Женевѣ.

Алексѣевичемъ Головинымъ и кравчимъ Кирилою Алексѣевичемъ Нарышкинымъ. Потомъ вели двѣнадцать лошадей главной конюшни и за ними ѣхалъ адмиралъ Лефортъ въ саняхъ царя, запряженныхъ шестью лошадьми въ богатой сбруѣ и окруженный копѣйщиками (*); за нимъ слѣдовали морскія роты или солдаты морскаго каравана, впереди которыхъ ѣхалъ царь Петръ, въ качествѣ командира флота. Во главѣ отдѣльныхъ частей этихъ войскъ находились вице и контръ-адмиралы; за ними несли морской флагъ (**).

Доѣхавъ въ саняхъ до тріумфальныхъ воротъ (*), воздвигнутыхъ у каменнаго моста черезъ Москву рѣку и украшенныхъ различными эмблемами и надписями въ честь знаменитаго морскаго воина, адмиралъ вышелъ изъ саней и рядомъ съ царемъ прошелъ чрезъ ворота пѣшкомъ. Сперва ему было сказано чрезъ разговорную трубу слѣдующее привѣтствіе въ стихахъ:

«Генералъ Адмиралъ! морскихъ всѣхъ силъ глава,
«Пришедъ, зрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага.
«Мужествомъ командира турокъ вскорѣ пораженъ,
«Премногихъ же оружій и запасовъ си лишенъ,
«Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣждены.
«Користи ихъ отбиты, корабли запалены и т. д. (**)

По окончаніи рѣчи всѣ пѣхотные полки сдѣлали три залпа и во всѣхъ частяхъ города раздались пушечные выстрѣлы. Адмиралу были поднесены въ подарокъ прекрасныя ружья и пистолеты. Пройдя ворота, онъ снова сѣлъ въ сани, и чрезъ Бѣлый городъ отправился въ Кремль; здѣсь онъ снова пошелъ пѣшкомъ чрезъ Троицкія ворота

(*) Лефортово описаніе процессіи находится въ письмѣ его къ брату отъ 9 октября. О саняхъ тамъ сказано: et comme je ne pouvais pas souffrir le carosse ni caleche, je passai la ville, ou il n'était pas necessaire descendre en traineau etc.

(**) Въ описаніи похода бояриноа Шеина (стр. 187) сказано: «везли значекъ морскаго каравану, да знамя». Трудно было бы рѣшить какое это было именно знамя, еслибъ наши догадки не разъяснялись большою гравюрою съ изображеніемъ одного событія передъ Азовомъ. Флотъ изображенъ на ней стоящимъ въ два ряда; и на одной изъ галеръ развивается флагъ съ гербомъ Лефорта, т. е. съ описаннымъ выше изображеніемъ слона.

(*) Петръ еще въ Черкаскѣ поручилъ Виніусу заняться ихъ устройствомъ.

(**) Далѣе въ этой чрезвычайно длинной рѣчи говорится о томъ, что флотъ лишилъ Азовъ всякой возможности получить помощь. Что явившіяся туда могущественныя непріятельскія морскія силы ничего не могли сдѣлать, и что такимъ образомъ осажденные были принуждены сдаться. См. «Походъ боярина Шеина» стр. 187—188.

и потомъ уже всю дорогу до солдатской слободы ѣхалъ въ саняхъ. Все время Петръ шелъ пѣшкомъ впереди морскаго полка; «шествіе, заключаетъ Лефортъ, продолжалось съ утра до вечера и никогда еще Москва не видала такой великолѣпной церемоніи». Относительно прочихъ отдѣловъ торжественнаго шествія мы ограничиваемся только замѣткою, что генералиссимусъ, слѣдовавшій за адмираломъ и его морскимъ отрядомъ, былъ также привѣтствованъ у тріумфальныхъ воротъ рѣчью и громомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Между рядами солдатъ шли плѣнные, а карабинеры тащили турецкія знамена, взятыя въ Азовѣ. За тѣмъ слѣдовали бомбардиры и генералъ Автомонъ Головинъ съ пятью полками, которые взяли съ собою измѣнника Якова. Шествіе замыкалъ генералъ Гордонъ съ своими полками, въ которыхъ, по его словамъ, всѣ, какъ носившіе военную форму, такъ и фурьеры и подпрапорщики были одѣты турками съ чалмами на головахъ, что придавало имъ красивый и забавный видъ и составляло предметъ удивленія, какъ для русскихъ, такъ и для иностранцевъ. Такъ какъ домъ Лефорта, въ его отсутствіе, сдѣлался мѣстомъ для выраженія радости о побѣдахъ, то понятно, что и теперь, не смотря на свою болѣзнь, онъ былъ принужденъ устроивать подобныя же празднества и увеселенія. На слѣдующій день по въѣздѣ въ Москву, Петръ со всѣми офицерами флота собрался къ нему на обѣдъ, сопровождавшійся музыкою и пушечною пальбою. Настоящія же празднества по случаю побѣды начались нѣсколько позже; Лефортъ открылъ ихъ роскошнымъ обѣдомъ, на которомъ присутствовали всѣ вельможи, въ числѣ болѣе 200 человѣкъ. По окончаніи стола были танцы, продолжавшіеся до поздней ночи, при отличной музыкѣ и сильнѣйшемъ громѣ пушекъ; между танцами зажигался великолѣпный фейерверкъ.

Черезъ недѣлю былъ подобный же праздникъ у генералиссимуса Шеина, но безъ бала и фейерверка, и за тѣмъ обѣды у А. П. Протасова, генералъ-маіора фонъ Менгдена и проч.

Среди празднествъ была совершена другаго рода, торжественная церемонія, которою царь желалъ показать, какъ высоко чтилъ онъ память воиновъ, павшихъ на войнѣ. Тѣло бернскаго инженера Алберта Морлотъ, убитаго въ предшествовавшемъ году подъ Азовомъ, было привезено въ Москву, но еще не предано землѣ. Во второмъ походѣ, погибъ племянникъ Лефорта, такъ хорошо имъ принятый *Лектъ*; тѣло его также

привезено въ Москву (*). Теперь должно было совершиться торжественное погребеніе обоихъ. «Его Царское Величество», пишетъ Лефортъ, «провожалъ ихъ самъ. Для этого случая, были отряжены шесть ротъ, одною изъ которыхъ командовалъ самъ Петръ. Надъ могилой было сдѣлано три залпа. Всѣ князья и бояре, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, были одѣты въ длинные черные плащи съ крепомъ. Въ Москвѣ давно не запомнятъ такого великолѣпнаго погребенія. По окончаніи церемоніи всѣ присутствовавшіе и Его Царское Величество обѣдали у меня». Судя по неоднократнымъ воспоминаніямъ о преждевременной смерти Морлота и Лекта, надо полагать, Лефортъ былъ сильно огорченъ смертью этихъ двухъ молодыхъ людей; въ подобномъ настроеніи духа, онъ писалъ своему брату: «Тяжело вызывать въ Россію иностранцевъ; здѣсь они умираютъ чрезвычайно скоро, тогда какъ въ другой странѣ могли бы прожить очень долго».

Однако Петръ и его другъ были далеки отъ мысли совершенно предаться праздиествамъ и удовольствіямъ.

Въ это самое время въ ихъ умѣ созрѣвали предположенія и планы, которые были глубоко обдуманы и дальновидны и требовали для своего исполненія большой рѣшимости и энергіи. Притомъ планы эти были такого рода, что для ихъ обнародованія нужно было имѣть столько же смѣлости, сколько и для выполненія, такъ какъ они затрогивали понятія и взгляды, господствовавшіе въ обществѣ. Для исторіи остается тайною, какимъ образомъ въ умѣ Петра могли созрѣть замыслы, послѣдствія которыхъ были неизчислимы; но, нѣтъ сомнѣнія, что никто, кромѣ Лефорта, не могъ быть его тайнымъ совѣтникомъ и что на него было возложено выполненіе ихъ. Кто бы изъ его приближенныхъ могъ сказать слѣдующее: «Печаль Его Величества, по случаю моей болѣзни, неописанна и милость его ко мнѣ такъ велика, что ему, по его собственнымъ словамъ, было бы легче потерять многое другое, чѣмъ меня. Ради него мнѣ бы не хотѣлось умирать» (*). Далѣе онъ сожалѣетъ,

---

(*) При этой перевозкѣ Лефорту, по всей вѣроятности, нужно было бороться съ такими же препятствіями, какъ и генералу Гордону, когда онъ хотѣлъ похоронить на кладбищѣ г. Черкаска убитаго подъ Азовомъ храбраго полковника Левистона.

(*) «De vous dire», пишетъ онъ своему брату, 9 октября, «dans quelle tristesse Sa Majesté a été à cause de ma maladie, c'est incroyable. Je ne souhaiterai pas mourir à cause de sa personne, vu que les graces sont si grandes, qu'il m'a dit, qu'il aimerait mieux perdre plusieurs choses de conséquence». Потомъ

что болѣзнь препятствуетъ ему заниматься дѣлами, но утѣшаетъ себя словами: «Я дѣлаю все, что могу». Его жена и племянникъ, Петръ, также часто пишутъ о его страданіяхъ, напирая на то, что онъ сильно занятъ важными дѣлами. Петръ Лефортъ пишетъ: «Онъ (генералъ) не имѣетъ ни минуты покоя, не смотря на его недуги, которые не позволяютъ ему сидѣть»; хотя подробности о томъ намъ неизвѣстны, но мы можемъ сказать положительно, что Лефортъ былъ первымъ совѣтникомъ царя въ значительныхъ предпріятіяхъ, которыя Петръ собирался приводить въ исполненіе.

«Что касается извѣстій съ нашихъ границъ», пишетъ Лефортъ 11 декабря, «то Азовъ сильно укрѣпленъ; императорскій инженеръ Лаваль укрѣпляетъ его со времени моего отсутствія». Мы знаемъ уже, что планы Петра не ограничивались однимъ удержаніемъ за собою Азова. Предположенныя во вновь завоеванныхъ мѣстностяхъ работы были такъ велики и обширны, что для производства ихъ, если вѣрить Гордону, было отправлено до 20000 украинцевъ. Но Петръ не могъ удовлетвориться этимъ, да и въ самомъ дѣлѣ было бы слишкомъ недальновидно считать эти сооруженія совершенно достаточными, на случай новой войны съ турками. Тогда мысли его занимали не одинъ Азовъ съ Дономъ, онъ уже стремился къ обладанію всѣми берегами Азовскаго моря, и для этой то цѣли ему былъ нуженъ сверхъ находившагося уже въ его распоряженіи, еще новывый флотъ. Онъ не считалъ возможнымъ, чтобы его побѣдоносный, но состоявшій только изъ 30 галеръ, флотъ могъ удовлетворить своему назначенію, т. е. съ успѣхомъ оборонять различныя мѣстности, занятыя русскими,—отъ нападеній врага, котораго ждали въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ прежде. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время планы царя значительно расширились и мысли его уже стремились черезъ Керченскій проливъ въ Черное море; поэтому понятно, какъ сильно онъ долженъ былъ заботиться о созданіи новыхъ морскихъ силъ.

Въ виду такихъ предположеній (по словамъ Гордона) въ тайномъ совѣщаніи 4-го ноября было рѣшено, что всѣ дворяне, владѣвшіе 10000 душъ крестьянъ, должны были выстроить, вооружить и содержать на свой счетъ по одному кораблю. Имѣвшіе меньшее число крестьянъ склады-

---

онъ прибавляетъ: «Les docteurs et chirurgiens ont eu de belles reprimandes, en cas, qu'il me suivent pour prendre garde, que je ne fasse point d'excès. Il y a une année, que je vis sobrement et le vin m'est defendu. Je prend de patience».

вались вмѣстѣ и строили по кораблю на каждыя десять тысячъ душъ. Имѣвшіе меньше ста душъ должны были платить по полтинѣ съ каждаго крестьянскаго двора (*). «Такъ какъ въ Россіи», читаемъ мы въ Дневникѣ Гордона,» число такихъ помѣщичьихъ крестьянъ и крестьянъ, принадлежащихъ духовенству, простиралось до 480000, то такимъ способомъ могло быть выстроено 48 кораблей. Всѣ они, согласно волѣ Петра, должны были быть изготовлены къ 1 апрѣля 1698 года. Адмиралъ Лефортъ, высшему наблюденію котораго было поручено все касавшееся флота, сообщаетъ, что число строившихся судовъ, какъ галеръ, такъ и военныхъ кораблей, простиралось до 60. Они должны были соединиться съ 30 галерами, находившимися уже въ Азовѣ. Далѣе Лефортъ замѣчаетъ: «Запорожскіе (или борисоенскіе) казаки получили приказаніе отправиться туда же (вѣроятно въ Азовъ) водою. Имъ посланы модели судовъ, которыя они должны построить». Онъ пишетъ также о множествѣ присланныхъ ему рабочихъ (.). Мѣстомъ постройки новаго флота и на этотъ разъ былъ назначенъ Воронежъ. При всемъ томъ ощущался недостатокъ въ капитанахъ и корабельныхъ мастерахъ, несмотря на то, что къ прежнимъ заботамъ по этому предмету были присоединены новыя усилія. Хотя лица, вызванныя въ предшествовавшемъ году изъ Голландіи, Даніи и т. п. и опоздали къ выходу изъ Воронежа флота, такъ быстро построеннаго Петромъ, или прибыли незадолго до того, но теперь они какъ нельзя лучше пригодились для новаго великаго предпріятія Петра.

Прежде всѣхъ прибыли голландцы; имена ихъ сохранились въ дѣлахъ посольскаго приказа; вотъ они: корабельщикъ Янъ Фламинъ и корабельные плотники Класъ Виленсенъ и Янъ Янсонъ (*.). Вскорѣ за тѣмъ (но уже лѣтомъ) пріѣхали изъ Даніи капитанъ Петерсенъ и четыре плотника, которые 25 іюля и записались въ царскую службу (**). Гораздо затруднительнѣе было вызвать венеціанцевъ, кото-

(*) Царскій указъ объ этомъ изданъ въ декабрѣ и помѣщенъ въ полномъ собраніи законовъ.

(.) «Je dois commander», говоритъ онъ, «s'il plait à Dieu, une trentaine de mille hommes, sans compter les cosaques; письмо писано отъ 11-го декабря 1696 года.

(*.) Францъ Тиммерманъ 27 февраля 1696 г. извѣстилъ посольскій приказъ, что паспорты и прочія распоряженія относительно прибывающихъ по приказу Его Царскаго Величества иностранцевъ должны были отсылаться въ Псковъ.

(**) Датскій резидентъ Баутенантъ флотъ Розенбушъ велъ объ этомъ переговоры и потому въ Новгородѣ отъ него ожидали извѣщенія о прибытіи означенныхъ людей въ Нарву и ихъ паспортовъ.

рыхъ такъ желалъ имѣть Петръ, для постройки галеръ. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ Козьма Нефимоновъ долженъ былъ долгое время вести переговоры объ этомъ, пока наконецъ корабельнаго мастерства капитанъ Якубъ Моро съ 12 искусными корабельными мастерами не изъявили готовности вступить въ русскую службу (*). Они прибыли въ Москву только въ январѣ 1697 года.

Само собою разумѣется, что этихъ вспомогательныхъ средствъ было все-таки недостаточно для осуществленія частью уже предпринятыхъ, рѣшенныхъ и высказанныхъ исполинскихъ замысловъ Петра; ему равно были нужны искусные и опытные люди во всѣхъ родахъ знаній, начиная съ наукъ и искусствъ и кончая самыми простыми ремеслами, а этихъ то людей не было въ его государствѣ. Онъ вполнѣ понималъ, что безъ нихъ нельзя было и думать объ осуществленіи его плановъ; если съ помощью искусныхъ агентовъ ему и удалось привлечь въ свое государство нѣсколько знающихъ мастеровъ изъ Голландіи, Швеціи и Даніи для работъ въ Воронежѣ, но все же число ихъ было недостаточно, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ на опытѣ, что иностранные офицеры и мастера, или затруднялись, или вовсе не изъявляли желанія поступать въ царскую службу. Господствовавшія тогда у западно-европейскихъ народовъ понятія о Московскомъ государствѣ, его жителяхъ и его внутреннемъ состояніи до сихъ поръ составляли для царя одно изъ важнѣйшихъ препятствій. Чтобы выдти изъ этого затрудненія и удовлетворить своему пламенному желанію доставить скорѣе своему народу возможность обходиться безъ помощи иностранцевъ, Петръ рѣшился избрать новый, болѣе вѣрный путь, къ достиженію желаемыхъ результатовъ. Нужно было употребить всевозможныя усилія, чтобы какъ можно скорѣе распространить въ Россіи знанія, опытность и всякаго рода искуство. Это было господствующею мыслью Петра. Ученье и практика были единственными средствами къ достиженію этой цѣли и на нихъ то преимущественно и было обращено вниманіе.

(*) 11 іюля 1696 г. было послано правительству Венеціанской республики письмо Царя, въ которомъ, по описаніи счастливыхъ послѣдствій успѣховъ русскаго оружія противъ турокъ, излагалась просьба о присылкѣ Царю «13 человѣкъ добрыхъ судовыхъ мастеровъ, которые бы умѣли дѣлать и строить всякія морскія и воинскія суда». Сенатъ былъ готовъ исполнить эту просьбу, но трудно было заключить условія съ частными лицами. Бумаги, относящіяся къ переговорамъ объ этомъ дѣлѣ, хранятся въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

Неизвѣстно положительно, думалъ ли Петръ прежде всего о самомъ себѣ и хотѣлъ ли онъ для начала отправиться самъ въ совершенно чуждыя ему страны для того, чтобы научиться и образовать самого себя или рѣшился первоначально послать за границу нѣкоторое число молодыхъ людей, которые должны были посвятить себя изученію преимущественно необходимыхъ для него знаній. Изъ письма Лефорта, отъ 11 декабря оказывается, что былъ сдѣланъ большой смотръ всѣмъ молодымъ дворянамъ, которые занимали при покойномъ царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и при самомъ Петрѣ должности спальниковъ. Послѣ смотра шестьдесятъ изъ нихъ были назначены къ отправленію 1 марта слѣдующаго года за границу. Около сорока молодыхъ людей должны были отправиться въ Италію (въ Венецію) учиться искусству управлять галерами; имъ было положительно приказано не возвращаться въ Россію прежде чѣмъ они не усовершенствуются въ этомъ искуствѣ. Остальные должны были отправиться въ Голландію, обучаться тамъ на военныхъ корабляхъ всему, что имъ будетъ приказано. Въ числѣ этихъ дворянъ было нѣскозько князей, и всѣ они были подчинены адмиралу Лефорту, который уже и отдалъ имъ необходимыя приказанія. (*)

Въ то же время имъ было объявлено Лефортомъ, что около 15 марта изъ Москвы будетъ отправлено большое посольство въ разныя страны Европы. Все нужное для этой цѣли было разсчитано и поспѣшно изготовлялось. Впрочемъ, мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, что Петръ самъ долженъ былъ принять участіе въ этомъ достопамятномъ путешествіи, хотя безъ сомнѣнія это было дѣломъ рѣшеннымъ. Онъ хотѣлъ самъ отправиться за границу, подобно избраннымъ имъ молодымъ людямъ, чтобы основательно изучить мореплаваніе и затѣмъ пріобрѣсти всѣ необходимыя для него вспомогательныя знанія и средства. Мысль о созданіи задуманнаго имъ флота постоянно занима его.

Быстрое приведеніе въ исполненіе такого предпріятія потребовало различныхъ предварительныхъ мѣръ и распоряженій. Для осуществленія назначенной постройки кораблей насчетъ дворянства и духовенства былъ изданъ указъ о томъ, чтобы всѣ землевладѣльцы, имѣвшіе менѣе 100 0 душъ крестьянъ, собрались въ январѣ мѣсяцѣ 1697 года въ Москву, чтобы, соединясь и условившись между собой, собрать средства для постройки кораблей. Подъ наблюденіемъ окольничаго Але-

(*) См. приложеніе Ж.

ксандра Петровича Протасова образовалось такимъ образомъ множество компаній или кумпанствъ, какъ ихъ называли по русски, изъ которыхъ каждая обязана была построить корабль определенныхъ размѣровъ. Такой способъ во многихъ отношеніяхъ былъ соединенъ съ большими затрудненіями. Чтобы собрать необходимыхъ работниковъ, закупить матеріалы, доставить ихъ на мѣсто назначенія и произвести постройку, необходимъ былъ бдительный личный надзоръ. Вслѣдствіе того эти компаніи, также какъ и богатые владѣльцы, которые должны были построить каждый на свой счетъ по одному кораблю, были вынуждены заключать съ извѣстными людьми контракты на исполненіе ихъ обязательствъ. Условія, предъявляемыя этими подрядчиками и принимаемыя нанимателями, утверждались самимъ царемъ. Любопытно, что между этими подрядчиками мы встрѣчаемъ общеизвѣстныя имена Франца Тиммермана, Баутенанта фонъ Розенбуша и Избрандта Идеса. Мы не имѣемъ никакихъ письменныхъ извѣстій и документовъ обо всѣхъ распоряженіяхъ Петра, относительно постройки судовъ и кораблей въ предшествовавшіе годы, но теперь мы находимъ совершенно противоположное; наблюденіе за постройками было поручено разнымъ лицамъ, которыя, не преминули заняться болѣе отпискою и разсылкою приказаній, чѣмъ принимать дѣйствительное участіе въ работѣ. Какъ быстро подвигалось впередъ дѣло, мы можемъ видѣть самымъ наглядным образомъ изъ слѣдующаго письма барона Боргсдорфа, «что на рѣкахъ Воронежѣ и Волгѣ изъ военныхъ судовъ для Вашего Царскаго Величества изготовлено»:

«У Воронежа:

«Находятся въ работѣ и должны быть лѣтомъ изготовлены:

«20 баркалоновъ; каждый имѣетъ отъ 36 до 44 пушекъ.

6 бомбардирскихъ судовъ, каждое въ 20 пушекъ; двѣ изъ нихъ могутъ быть вооружены кромѣ пушекъ еще одною мортирою, а остальныя 4 двумя.

10 барбарскихъ каботажныхъ судовъ.

12 галеръ, вооруженныхъ каждая 16 Petriros и 6 пушками.

100 бригантиновъ.

Затѣмъ должны поступить въ работу и къ будущему лѣту быть изготовлены:

10 баркалоновъ.

3 бомбардирскія судна.

3 барбарскія каботажныя судна.

6 галеръ.

У села Руманова, на рѣкѣ Воронежѣ, состоятъ въ работѣ:

4 баркалоны.

У села Ступина, на рѣкѣ Воронежѣ, ихъ находится въ работѣ 10.

У села Савифы, на рѣкѣ Волгѣ, находятся въ работѣ 10 баркалоновъ, назначенныхъ для безопаснаго перевоза меркантриnъ (mercanlrin) на Каспiйское море.

Кромѣ того въ разныхъ изъ вышеупомянутыхъ мѣстостяхъ стоятъ 400 бригантинъ.

«Всѣ эти суда хорошо и прочно построены; съ полнымъ грузомъ они сидятъ въ водѣ большею частью, около 10 футъ и могутъ плавать по всѣмъ морямъ и рѣкамъ. Они были испытаны у Воронежа и оказались весьма хорошими; впрочемъ, всѣ вышеозначенныя суда построены изъ молодаго и сыраго лѣса, на что еще прежде жаловались венецiанскiе мастера, которые не берутся отвѣчать за могущiя произойти отъ онаго несчастiя. Да ниспошлетъ Господь Богъ свое божественное благословенiе, чтобы эти съ невѣроятными усилiями построенныя суда могли вовремя достигнуть мелководнаго Дона и Меотiйскаго моря и быть употреблены согласно своему назначенiю».

«Изъ города Воронежа, 20 iюля 1698 г. (*)».

Начальникомъ флота и главнымъ наблюдателемъ надъ всѣмъ, что касалось морскаго дѣла, считался адмиралъ Лефортъ, не смотря на его отсутствiе изъ Москвы. Нося это званiе, онъ исполнялъ, во время предпринятаго въ мартѣ мѣсяцѣ 1697 года путешествiя, такъ часто возлагавшiяся на него порученiя, касавшiяся флота. Какого рода были эти порученiя мы увидимъ въ разсказѣ о заграничномъ путешествiи. Здѣсь слѣдуетъ только замѣтить, что Лефортъ никогда не носилъ офицiально титула генералъ-адмирала, который придаютъ ему нѣкоторые историки и мы не имѣемъ никакихъ указанiй на то, чтобъ Лефортъ самъ называлъ себя этимъ званiемъ. Со дня пожалованiя его въ адмиралы, онъ постоянно называлъ себя генераломъ и адмираломъ (General et Admiral). Эта подпись встрѣчается во всѣхъ его письмахъ, которыя мы, въ большомъ числѣ, имѣли въ нашихъ рукахъ (*).

(*) Этотъ документъ хранится въ императорскомъ государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ.

(*) Указанiе на то, что одно письмо его, адресованное женевскому сенату, отъ 3 февраля 1699 г., подписано: «Lefort, Gener. Adml», дѣлаемое въ доказательство того, что Лефортъ употреблялъ выраженiе «Генералъ-Адмиралъ», невѣрно.

Въ этихъ письмахъ не говорится ни слова о томъ, что онъ былъ возведенъ въ званіе великаго адмирала. Въ такомъ случаѣ было бы невозможно объяснить себѣ молчаніе о томъ самого Лефорта и его родственниковъ, жившихъ въ Москвѣ.

Въ офиціальныхъ бумагахъ и документахъ, мы встрѣчаемъ такую же подпись; такъ напримѣръ, въ договорѣ, заключенномъ 22 іюня 1697 г. съ прусскимъ дворомъ. По прибытіи въ Голландію, нетолько генеральнымъ штатамъ, но и всѣмъ находившимся въ Амстердамѣ иностраннымъ посламъ, за исключеніемъ французскаго, были разосланы написанныя на трехъ языкахъ извѣщенія о пріѣздѣ великаго посла. Въ этихъ документахъ исчислены всѣ должности и титулы Лефорта, но нигдѣ не встрѣчается выраженія «генералъ-адмиралъ»; а только сказано «Premier Général et Admiral». Основываясь на этомъ, голландскія газеты употребляли то же выраженіе; примѣру ихъ слѣдовали нѣмецкія, англійскія и швейцарскія газеты и только въ нѣкоторыхъ французскихъ реляціяхъ онъ былъ названъ генералъ-адмираломъ.

Въ русскихъ офиціальныхъ бумагахъ мы находимъ одно указаніе, заслуживающее особеннаго вниманія. Лефорту за особенныя заслуги его въ азовскомъ походѣ, преимущественно по званію адмирала, была пожалована вотчина; объ этомъ отъ «большаго двора», была послана ему грамата, но въ ней ни разу не встрѣчается названіе «генералъ-адмиралъ». Эти два слова всегда связаны частицею «*и*»; въ грамотѣ же вотчиннаго приказа, гдѣ по этому предмету также производилось дѣло, оба эти спорныя выраженія встрѣчаются попеременно. Эти документы безспорно заслуживаютъ особеннаго вниманія; но замѣчаемая въ нихъ разница такова, что уничтожаетъ всякое сомнѣніе касательно самой сущности дѣла.

Первый документъ, какъ оригинальный, важнѣе втораго; въ немъ непремѣнно было бы обозначено вновь учрежденное званіе, если бы только званіе это существовало. Поводомъ къ тому, что Лефортъ названъ во второмъ документѣ генералъ-адмираломъ, вѣроятно послужило привѣтствіе, сказанное ему во время торжественнаго вступленія въ Москву. Но выраженіе «генералъ-адмиралъ» было въ этомъ случаѣ простою, поэтическою вольностью, которую дозволилъ себѣ авторъ привѣтствія, выпустившій частицу «*и*». Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, одинъ поэтическій оборотъ рѣчи былъ причиною того, что Лефортъ является въ исторіи съ титуломъ, который никогда не принадлежалъ ему.

Какъ бы различно ни оцѣнивали заслугъ перваго русскаго адмирала, какъ моряка, не слѣдуетъ забывать одного, что онъ ревностно и неутомимо помогалъ своему царю въ созданіи флота и принималъ самое дѣятельное участіе въ первыхъ славныхъ побѣдахъ его; намъ нѣтъ нужды говорить о его мореходныхъ познаніяхъ и опытности въ морскомъ дѣлѣ, потому что, кто въ Россіи обладалъ тогда ими на столько, чтобы сдѣлать вѣрную оцѣнку его взглядовъ, дѣльныхъ совѣтовъ и его добросовѣстнаго содѣйствія? Каждый русскій, вспоминая о славныхъ битвахъ и побѣдахъ своего флота, прежде всего обращается мыслью къ великому основателю его, который, радуясь побѣдой, хотѣлъ почтить въ то же время и человѣка, постановленнаго имъ въ главѣ этого учрежденія. Въ послѣднее время о заслугахъ Лефорта напомнило намъ еще стихотвореніе г-на В. Мирошевскаго (Воспоминаніе о русскомъ флотѣ. Спб. 1853 г. 10 стр.):

«Такъ съ самой юности нашъ Геній
«Сказалъ: «создамъ въ Россіи флотъ».
«Его желаній и велѣній
«Есть исполнитель: ктожъ? «Лефортъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ *А*.

Lettre de 26 Septembre 1692.

La flotte étant prète à Peresslaff, c'est à dire 5 vaisseaux que Sa Majesté Czarienne avait fait faire extrèmement riches, une galère et plusieurs bateaux sur un lac large de deux lieues et long environ de quatre; ma maladie fut cause que je ne pus pas aller. Au commencement leurs Majestés Czar. étant parties devant ma maladie et m'ayant laissé ici pour exécuter ses ordres jusques à ce que je reçusse une lettre pour partir, l'on fut fort surpris d'apprendre ma maladie et je vous proteste, cher frère, que leurs Majestés Czar. me firent la grâce d'envoier plusieurs postes et même des gens de grande qualité pour s'informer de ma santé. ..... et voiant que leurs Majestés Czar. desiraient fort de me voir à Peresslaff, je m'hasardai d'abord après ma maladie de me mettre en chemin, pour lui aller faire la reverance, l'on compte 24 lieues d'ici. Je ne saurais, cher frère, vous exprimer la joie que leurs Majestés et tous ceux de la cour eurent à ma venue. Comme j'ai l'honneur de commander le vaisseau qui se nomme Mars, et où leurs Majestés Czar. me font l'honneur d'être dessus, d'abord à ma venue il se rendit dessus le dit vaisseau et m'envoia un brigantin pour me rendre exprès de sa personne; lorsque je fus entré dans le vaisseau, il me coubla de si grandes grâces que je ne puis vous les écrire; tous les canons du dit vaisseau furent tirés et après m'avoir fait voir les richesses et les beautés, ou ouvrages de mon vaisseau, nous retournâmes à terre; il commanda que tous les vaisseaux fussent tirés à cause de ma venue. En après l'on me mena dans ma maison, qu'il a plu à leurs Majestés Czar. de faire batir pour moi, c'est un très beau batiment; le jour suivant il plus à leurs Majestés Czar. de diner chez moi et le troisième il lui plut de me traiter sur notre vaisseau, où toute la journée les canons furent tirés de tous les vaisseaux.

ПРИЛОЖЕНІЕ *Б*.

Lettre du 9 Fevrier 1694.

J'ai écrit à Mr. le Bourgmâitre Witsen à Amsterdam, par l'ordre de leurs Majestés Zzariennes pour avoir un vaisseau de guerre, monté de 40 pièces de canon, avec tout ce qu'il est nécessaire, et pour le payement l'on a donné ordre en Hollande pour remise quarante mille écus. J'aurai l'honneur de le commander comme

capitaine; le Prince Gallice Lieutenant, le Schipper notre grande Monarque, et le Pilote le vieux de l'année passée. Il y en aura encore deux autres, qui seront montés par deux généraux, dont mon beau frère Gordon et un autre nommé Bouterlin. Tous les seigneurs, qui sont accoutumés de suivre la cour y seront. L'on fait de grandes preparations et tout est remis sous mon commandement. J'espère s'il plait à Dieu, que tout réussera selon sa volonté.

ПРИЛОЖЕНІЕ *В*.

Lettre du 9 Mars 1694.

Je vous écris par la voie de Mons. le Bourgmaître Witsen, auquel j'ai envoié des passeports pour le navire qui doit venir à Arcange pour les divertissements de leurs Majestés Zaariennes. J'en ai toute la conduite; j'ai fait payer par ordre trente mille écus pour l'achat du dit vaisseau; toutes les lettres de change ont été envoyés sous ma couverture au dit Mr. Witsen qui est fort brave homme. J'ai le commandement du dit vaisseau, comme je l'ai écrit par ci-devant.

ПРИЛОЖЕНІЕ *Г*.

Lettre du 4 Juillet 1694.

Je ne doute pas que vous ne l'ayez reçue et lu dans celle le dessein, que Sa Majesté Zaarienne Pierre Alexewitz avait pris de faire derechef un voyage à Arcangle, pour y prendre ses divertisements, et même plus que l'année passée; afin que tout y puisse réussir selon ses desirs il me commanda de faire venir d'Hollande un vaisseau de guerre ou fregatte. Je m'adressai à Mons. le Bourgmestre Witsen en Hollande, lequel prend de grands soins en tout ce qui regarde leurs Majestés Zaariennes. Je fis des remises au dit Mons. Witz jusqu'à la valeur de trente mille écus et comme il fallait de nécessité que le dit vaisseau fut acheté promptement et expedié à Arcangle à cause que Sa Majesté devait partir à l'ouverture des rivières, je n'ai pas manqué toutes les postes d'écrire à Mons Witz pour son depart. Il y a près de cinq semaines que leurs Majestés Zaariennes Pierre Alexewitz est arrivé à Arcange. J'ai eu l'honneur de venir avec son auguste personne. La suite est environ quatre cents personnes. J'ai choisi 12 officiers qui sont des Majors et Capitaines, lesquels ne sont que volontaires. Monsieur Coulon le major en est un. La plus grande partie des grands Seigneurs ne sont que volontaires et portent le mousquet et même montent la garde, et il y en a toujours 10 chez moi ou à la porte. Leurs Majestés Zaariennes Pierre Alexewitz s'est diverti avec une Yacht ou environ galiotte sur la mer Blanche et a été jusques au cloitre nommé Soloveskoi, faire ces dévotions; par la grâce de Dieu il est revenu en santé et tout son monde hormis un docteur reformé Mr. von der Hulst fort de mes amis.

Presentement je vous dirai, cher frère, que le vaisseau d'Hollande n'est pas encore venu. Nous l'attendrons ici à tous moments. D'abord qu'il viendra, l'on sembarquera dans l'espace de trois jours, à savoir dans trois bâtiments. Le premier est celui d'Hollande qui porte 44 pièces de canon; au bas de ma lettre vous verrez la description du vaisseau comme le Bourgmaitre Witz m'en a ecrit. Sur le dit vaisseau ou fregate je suis capitaine et mon lieutenant est le Prince

Gallice, Boris Alexewitz. Le Pilote est Jean Vlamming qui doit venir avec le nâvire, un homme expert, qui a été plus de trente fois à Arcange et qui sait tous les havres jusques à Cole; plus loin l'on ne se hasardera pas, et c'est assez, quand même l'on devrait aller sur terre. Mais que faire? Sa Majesté aime de semblables divertissements. Le second est un vaisseau fait ici, très beau, il porte 24 pièces de canon, un géneral le commande. Et le dernier ou le troisième est une Yacht ou galiote; elle porte 10 pièces; mon beau frère Gordon le général la commande. Sa Majesté va sur mon vaisseau et à la charge de Schipper ou ce qui lui plaira. Dieu nous donne un bon voyage et raméne Sa Majesté Zaarienne en parfaite santé. Dans deux années, l'on parle d'un voyage à Kazan et à Astrakan, mais peut-être que dans deux années de temps cela se passera. Au reste je serai toujours prèt de suivre les ordres. L'on fera batir des galliotes plusieurs et l'on croit d'aller voir la mer Baltique pour de negoces de..... en Moscou. L'on me gratule de la charge d'Amiral de tous les vaisseanx de Sa Majesté, et lui même notre grand zaar Pierre Alezewitz le veut absolument. Lorsque cela arrivere, je vous l'écrirai; il en vaut la peine, vu qu'il y a ici une flotle et à Presselaff de très beaux vaisseaux et l'on en fera bâtir plusieurs.

Description comme le vaisseau est bati et comme le Bourgmaitre Witz m'à écrit dans une de ses lettres:

Il a 40 bons matelots. Il est monté de 44 pièces de canons de fer, entre lesquelles il y a six basses ou perriers, tout de bon fer. L'equipage, les cordages, ancres, mats, voiles, armes etc. sont du meilleur choix. On y voit déjà le pavillon de sa Majesté Zaarienne arboré devant cette ville. Je leur ai fait donner trois mille livres de poudre, quelques bons fusils, sabres, pistolets, balles, boulets à deux têtes, et tout ce qui appartient à un vaisseau de guerre. Le corps du navire est du meillenr bois qu'on ait jamais vu ici et c'est aussi un des meilleurs voiliers qu'il y ait, dont nous avons fait une experience devant cette ville. Les gages des matelots sont un peu grands, à cause de la conjoncture de la guerre, et de la rarité des gens d'equipage; ce qui ne permet pas d'en avoir qu'en les payant plus cher qu'à l'ordinaire. La chambre de poupe est pourvue d'un beau lit de camp garni de bons matelas, de rideaux de soie rouge et autres assortiments avec un tapis de pied et un autre pour la table. La chambre qui est au dessus, où l'on monte par un degré derobé, est separée en deux, et dans la dernière j'ai fait mettre un pavillon de soie d'une autre couleur pour le lit de Sa Majesté. Les planchers d'en haut de ces deux chambres sont peints des meilleurs maitres et représentent des fleurs et des oiseaux au naturel. La poupe et la proye sont aussi ornées de peintures et dorées, et les côtés de deux chambres sont tendus d'un cuir doré. J'ai fait donner au pilote dans le bas de la poupe des serviettes, nappes, plats et autres ustensiles et commodités necessaires pour la table et le lit, du vin du Rhin et vin de France, de même, selon vos ordres, singes et petits chiens de Bologne.

Voila à peu près le principal d'une lettre; elle est écrite le 24 Mai. J'en ai reçu d'autres après, que le vaisseau n'est pas encore parti à cause du vent contraire. Il a un convoi jusqu'à la hauteur de Norvège, quoique j'aie envoyé des passeports.

ПРИЛОЖЕНІЕ Д.

LETTRE DU 13 SEPTEMBRE 1691.

L'on veut absolument que j'aie la charge d'amiral. Je m'en suis défendu, mais leurs Majestés le veulent. Cela me donnera de plus grands revenus. Ce sera un honneur sans pareil d'être P. Géneral et Amiral. L'on m'a deja donné le commandement de tous les vaisseaux. A la première fête je serai élevé avec beaucoup de cérémonies. Notre flotte de tout côtés a prés de 24 vaisseaux et galéres. L'été qui vient, l'on batira cinq grands vaisseaux et deux galéres, lequel dans deux années, s'il plait à Dieu, doivent partir pour Astrakan et passer la mer, pour établir de grands négoces avec la Perse. J'aurais le commandement de tout, y allant pour général; mon vaisseau se nommera l'Elephant de nos armes. Il sera monté de bons matelots hollandais. Sa Majesié prend la charge de Capitaine et quelques autre Seigneurs.... S'il se trouve quelque personne qui ait servi sur mer, il serait bien venu ici et même tous ceux qui sont braves cavaliers.

ПРИЛОЖЕНІЕ Е.

LETTRE DU 28 FEVRIER 1696.

Leurs Majestés Zaariennes Pierre Alexevits est déja parti pour la ville de Voronets, ou je m'y dois rendre. Elle est située sur le Don. Toutes nos galères sont charriées par terre et se rendront à Voronets. Sa Majesté m'a gracié pour Amiral et je commande les galéres. Il y en a plus de 30 sans plusieurs autres bâtiments. Sa Majesté fait la charge de Capitaine Premier. L'on se tiendra à l'embochure de la mer, afin que point de secours ne puisse venir à la ville. Je mettrais quatre mille hommes dans les retranchements que je ferais faire à l'embouchure. Je monterais la galére qui est venue de Hollande.

ПРИЛОЖЕНІЕ Ж.

LETTRE DE 11 DECEMBRE 1696.

...... je vous dirai, chère frère, qu'il s'est fait une grande revue de tous les jeunes Seigneurs qui étoient Spalnich auprès du defunt Zaar Ivan Alexevitz, et auprès de notre Zaar Pierre Alexevltz. Ils sont sous mon commandement. Il en part 60 dans le premier de Mars. environ 40 vont en Italie apprendre ce qui est nécessaire pour gouverner une galère, et ne doivent point revenir qu'ils ne soient exports. Les autres vont en Hollande apprendre ce qu'il leur est ordonné sur des vaisseaux de guerre. Il y a plusieurs Princes Les ordres leur ont été chez moi...... L'on fait bâtir environ 60 bâtiments, galères ou vaisseaux,—on les fasse joindre nos 30 galères qui sont devant Azof. Les Cosaques du Zaporogue ou Borysthene ont ordre de se joindre avec une grande force par mer, et on leur a donné des modèles de quels bâtiments ils doivent se servir. Je dois commander, s'il plait à Dieu, une trentaine de mille hommes, sans compter les Cosaques.